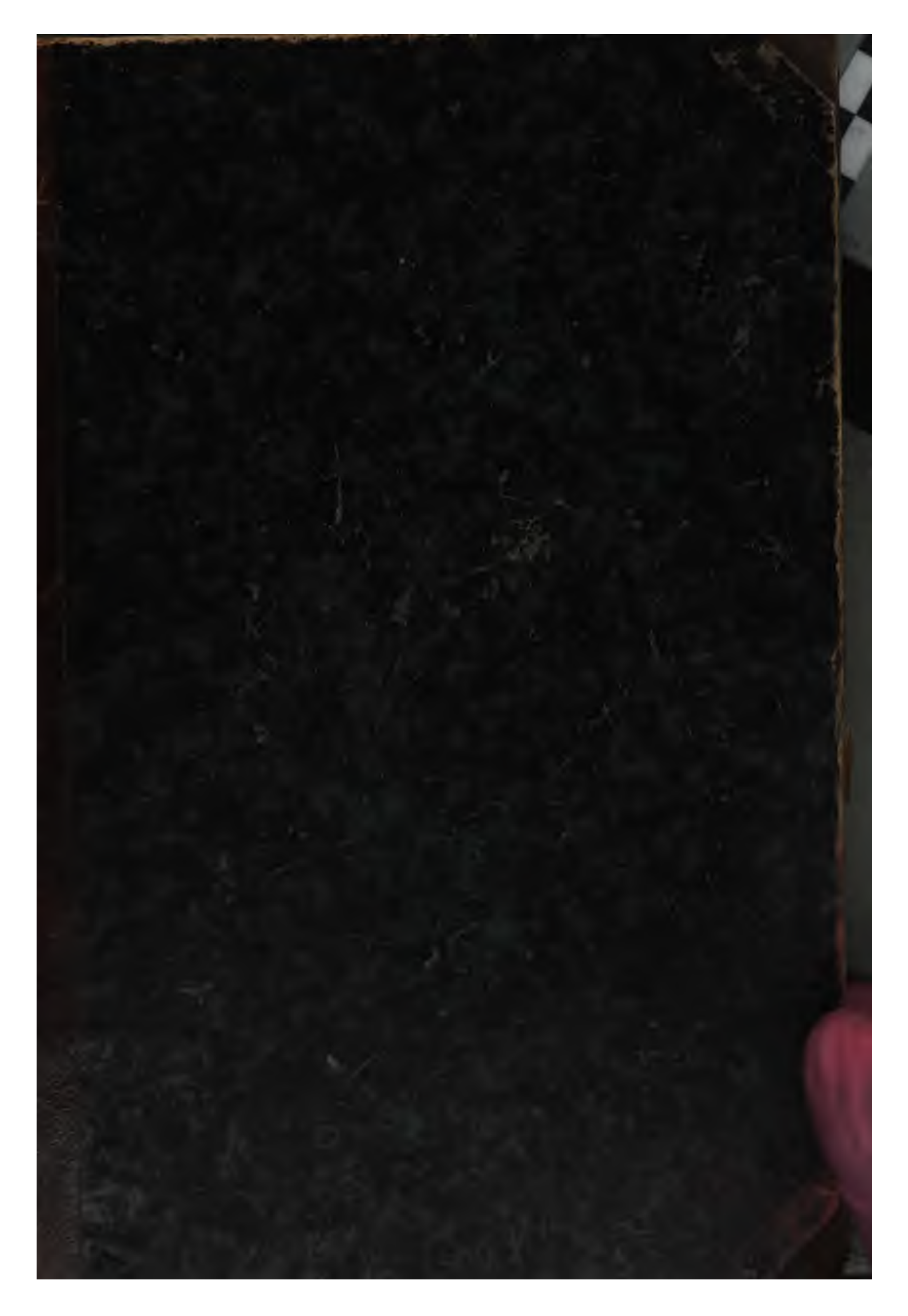
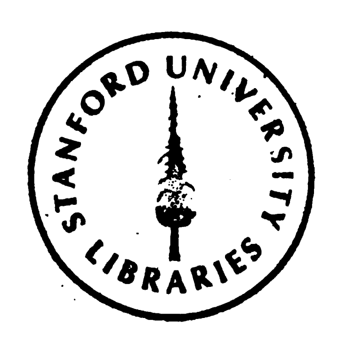

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Korinfskii, Apollon Apollonovich

Аполлонъ Коринфскій.

ЧЕРНЫЯ РОЗЫ.

Стихотворенія 1893—1895 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

фія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.

Черныя розы.

Бывальщины.

Отголоски.

I.

ЧЕРНЫЯ РОЗЫ.

(Изъ одного дневника.)

„Любовь—сильна, какъ смерть...“

Посвящается

Еленѣ * * *

Въ дни роковые тоски и сомнѣній
Ты молчаливою гостьей пришла,—
Въ блѣдный вѣнокъ молодыхъ вдохновеній
Черныя розы вплела...
Бѣлыми розами были когда-то
Чувства, рожденныя въ сердцѣ твоемъ;
Бѣдное сердце такъ было богато
Чистыхъ желаній огнемъ.
Стала смѣяться судьба надъ тобою,
Ты покорялась безсильно судьбѣ,—
Черные дни повели за собою
Черныя думы къ тебѣ.
Злоба и зависть—какъ вихрь—налетѣли,—
Въ сердце впивались, какъ жало змѣи;
Вмѣстѣ съ отравленной жизнью темнѣли
Бѣлыя розы твои.
Только цвѣты и остались цвѣтами:
Сердце твое не успѣло завять.
Съ грезами счастья, съ былыми мечтами
Ты повстрѣчалась опять...
И надъ могилою прошлаго—розы
Пышно цвѣтутъ въ дни тревоги и зла;
Съ черными розами свѣтлыя грезы
Ты въ пѣсни сердца вплела...

---

* * *

Своихъ ошибокъ и страданій,
Своихъ несчастій кузнецы—
Мы всѣ куёмъ, въ пылу желаній,
Себѣ и цѣпи, и вѣнцы.

Вѣнчая страсть любовью къ жизни,
Любовь—страстями оковавъ,
Мы на своей пируемъ тризнѣ,
Съ рожденья смерть къ себѣ призвавъ.

Не гаснетъ знойный пылъ желанья
Въ сердцахъ безумцевъ-кузнецовъ;
И никогда цѣпей страданья
Не отдѣлить намъ отъ вѣнцовъ!..

Въ звѣздную ночь.

(Импровизація.)

I.

Ночь затеплила тысячи-тысячи звѣздъ,—
Нѣтъ конца имъ и нѣтъ имъ числа!
Для кого-же ты, ночь, эти тысячи звѣздъ,
Для кого-же ты звѣзды зажгла?

Не для тѣхъ-ли, кого ты застигнешь въ пути,
Кто бредетъ въ непроглядную даль,
Кто не видитъ зари на туманномъ пути,
Чей туманъ—не туманъ, а печаль?

Не для тѣхъ-ли, кому надъ затихшей рѣкой
Нашептала любовь роковыя слова,—
Для кого зазвенѣлъ соловей надъ рѣкой,
Чья кружилась отъ думъ голова?..

Не для тѣхъ-ли, кто спитъ подъ намётомъ креста—
Отъ погоста вдали, у оврага, зарытъ,—
Кто въ борьбѣ изнемогъ, не донесши креста,
Кто—своею рукою убитъ?

И промолвила ночь: «О, совсѣмъ не для нихъ
Въ благодатной тиши, въ полуночной тѣни
Засіяли-зажглись—не для нихъ, не для нихъ—
Всѣ мои золотые огни!»

И сказала мнѣ ночь, вся сверкая отъ звѣздъ:
«Я надъ лономъ земли, я надъ омутомъ зла
Для тебя одного эти тысячи звѣздъ,
Для тебя, мой пѣвецъ, ихъ зажгла!..»

II.

Знаешь-ли ты, что̀ сказали
Звѣзды мнѣ трепетно-ясныя?—
Всё онѣ, всё разсказали,
Всё—что такъ гордо скрывали
Очи, какъ ночь, обаятельно-властныя,
Очи прекрасныя...

Слушалъ не я ихъ разсказы,—
Сердце, тобой полонённое!
Сыпались, словно алмазы,
Звѣздъ вольнодумныя фразы,—
Сыпались въ пылкое сердце влюбленное,
Заворожонное...

Пусть-же отъ слова до слова
Помню я рѣчь ихъ нескромную,—
О, повтори ты мнѣ снова,
Въ память святую былого,
О, повтори мнѣ всю сказку мучительно-томную—
Въ ночь безпотёмную!..

III.

Шепотъ любви это былъ,
Или молчаніе,—
Только невольно услышалъ я въ немъ волхованіе
Страсти мятежной и знойной таинственныхъ силъ...
Пусть это было молчаніе!..

Если молчала она—
Сердца кудесница,
То за нее безъ умолку шептала ровесница
Нашего счастья,—отравой блаженства полна,—
Звѣздная полночь-кудесница!..

Ночь-ли, она-ль,—все равно!
Обѣ мнѣ дороги!..
Ихъ—ни одной—не изгонятъ изъ памяти вороги
Нашей любви, затаенной въ блаженствѣ давно...
Обѣ мнѣ, вѣчно мнѣ дороги!..

Если я вижу одну,—
Будь хоть молчаніе,—
Слышу я сердцемъ всю повѣсть любви и страданія:
Только на ясныя звѣзды, на темныя-ль очи взгляну..
Шепотъ блаженства—молчаніе!..

IV.

Ты, блѣднолунная,
Ты и безшумная
Сѣвера ночь звѣздоокая,
Ночь, словно тайна, отъ свѣта далекая!
Вмѣстѣ съ тобой оживаетъ безумная
Греза любви многострунная,
Греза, какъ ноченька-ночка, глубокая...
О, многодумная
Ночь вѣчно-юная!

* * *

Ты, молчаливая,
Ты, своевольная,
Слову любви неподвластная,

Гурія рая земного прекрасная!
Вмѣстѣ съ тобой—затихаетъ тоска недовольная,
Молкнетъ печаль сиротливая,
Радость въ душѣ загорается—звѣздочка ясная,—
Радость бездольная—
Радость счастливая!..

21 августа 1894 г.

На коврѣ-самолётѣ.

I.

Снилось мнѣ, что чьей-то волей
Мы съ тобой превращены,
Вмѣстѣ съ нашей скромной долей,
Въ двухъ героевъ старины...

Снилось мнѣ: ты—Царь-Дѣвица,
Я—Иванъ-Царевичъ твой,—
Что съ тобой—любовь, жаръ-птица,
Гусли струнныя со мной...

На коврѣ—на самолётѣ
Въ неразгаданную высь,
Въ нашемъ сказочномъ полётѣ,
Вмѣстѣ съ вѣтромъ мы неслись...

Выше всѣхъ кремлей и башенъ
Былъ нашъ путь въ безвѣстный край;
Былъ расшитъ и разукрашенъ
Соболиный твой шугай...

Днёмъ—отъ солнца мы съ тобою
Укрывалися фатой;
Ночью намъ свѣтилъ звѣздою
Твой кокошникъ золотой ..

Развѣвалась въ синей дали
Цареградская фата:
Алой зорькою пылали
Молчаливыя уста...

Убаюканные снами—
Мы любили глубоко́;
Наше счастье было съ нами,
Наше горе—далеко...

2.

Снилось: мы плывемъ надъ моремъ
На коврѣ, какъ въ челнокѣ,
И, шутя, съ судьбою споримъ —
Отъ пучины вдалекѣ...

Я, надъ бездною морскою
Наклоняючись, пою,
Тѣша пѣсней удалою
Лебедь бѣлую мою...

Здѣсь—въ выси небесъ лазурной
Нѣтъ враговъ и нѣтъ друзей,
Нѣтъ волненій жизни бурной,
Нѣтъ бунтующихъ страстей.

Нѣтъ слѣда былой тревоги,
Такъ свободно дышетъ грудь;
Нѣтъ указанной дороги,
Всюду намъ - открытый путь...

Небо синее надъ нами;
А подъ нами, тамъ—вдали,
Словно чайки, парусами
Забѣлѣлись корабли...

Здѣсь съ тобой мы знали оба,
Что безсильны навсегда
Противъ насъ лихая злоба,
Въ дружбѣ скрытая вражда,—

Что непрошеннымъ участьемъ
Не отравятъ каждый часъ—
Нашимъ счастьемъ, тихимъ счастьемъ,
Попрекающіе насъ!..

3.

Снилось: плавалъ на просторѣ
Нашъ волшебный самолетъ;
Глубоко синѣло море,
Глубже—неба синій сводъ...

Бралъ я гусли—струны пѣли
Про любовь мою безъ словъ,
Звуки пташками летѣли
Выше тучекъ-облаковъ...

Жаркимъ взглядомъ я впивался
Въ глубину твоихъ очей,—
Въ нихъ съ мерцаньемъ дня сливался
Знойный мракъ нѣмыхъ ночей...

До колѣнъ змѣёй сбѣгая,
По плечу вилась коса—
Тёмнорусая, густая,
Воли дѣвичьей краса...

Слышалъ я, какъ о соболью
Душегрѣйку у тебя
Сердце билось, сладкой болью
Замирая и любя...

Охвативъ меня рукою,
Припадая на плечо,
Ты уста мнѣ жгла порою
Такъ безумно горячо,—

Что, забывъ о незадачѣ
Нашей жизненной весны,
Были счастьемъ мы богаче
Всѣхъ героевъ старины...

---

* * *

Въ знойномъ сумракѣ черныхъ очей—
Столько тайнъ, схоронённыхъ глубоко
Подъ покровомъ безсонныхъ ночей,
Опьянённыхъ дыханьемъ порока!..

Но забыть все на свѣтѣ готовъ
Я предъ бездною ихъ непроглядной;
Взгляды ихъ говорятъ—больше словъ,
Эти взгляды моей ненаглядной...

Подойдетъ, да посмотритъ,—прощай,
Молодецкая удаль и воля!
Съ ней вся жизнь! Въ ней—и адъ мой, и рай,
Счастье, горе и вся моя доля!..

Другъ мой, врагъ мой! Меня обними,
Зазноби поцѣлуемъ горячимъ!..
Хочешь—жизнь у меня отними!
Хочешь—вмѣстѣ, отъ счастья, заплачемъ...

Нѣтъ, гитару возьми,—пусть она
Вмѣсто насъ всѣмъ на свѣтѣ разскажетъ,
Что намъ счастья не выпить до дна,—
Что въ могилу оно съ нами ляжетъ!..

Пусть всѣ знаютъ, что пламя ночей,
Опьяненныхъ дыханьемъ порока,
Не сожгло ненаглядныхъ очей,
Схоронившихъ всѣ тайны глубоко!..

---

* * *

Если *отрава*—любовь,
Если въ блаженствѣ страстей—опьяненіе яда,—
Пусть, все равно,—ничего, ничего мнѣ не надо,
Какъ отравить жгучимъ ядомъ до капли всю кровь!..

Больше, о больше любви!..
Пусть—пламенѣя послѣдней, смертельной отравой—
Кровь забунтуетъ, заплещетъ губительной лавой...
Сердце! Ты—разомъ, всю полную жизнь отживи!..

Мигъ упоенья одинъ!..
Праздникъ безумья любви, день безумной свободы,
Или—томительныхъ будней унылые, долгіе годы?!.
Нѣтъ!.. Только мигъ, только мигъ—надо мной властелинъ!..

Яду мнѣ, яду—скорѣй!..
Жизнь! Гдѣ палачъ твой, гдѣ твой чародѣй-отравитель?
Смерть! Гдѣ отъ жизненной лжи твой мудрецъ-избавитель?!
Въ сердце отраву свою, прямо—въ сердце, мнѣ лей!..

Пусть загорается вновь
Все, что̀ дышало такъ долго обманчивымъ зноемъ!..
Солнце мое! Для чего дорожить мнѣ покоемъ?
Ждать мнѣ какихъ палачей, если ядъ мой—*любовь*?!.

Не проклинай!..

Зачѣмъ мнѣ проклинать дни горькихъ неудачъ,
Дни горькихъ неудачъ, дни тяжкихъ испытаній,
Развѣнчанныхъ надеждъ, осмѣянныхъ мечтаній,—
Тѣ дни, когда судьба—мой деспотъ, мой палачъ—
Влекла меня на путь, тернистый путь страданій?!.

За что мнѣ проклинать дни тягостной нужды,
Входящей въ дверь мою открытую безъ зова,
Вонзающей мнѣ въ жизнь безжалостно-сурово
Отравленный кинжалъ озлобленной вражды,
Бросающей въ лицо упрёка злое слово?!.

* *
*

...Никогда, никогда, никогда,
Намъ съ тобой горячѣй не любилося;
Да и сердце сильнѣе не билося,
Не пылало сильнѣй, чѣмъ тогда!
Не видалъ я счастливѣй минутъ,
Не знавалъ я часовъ вожделеннѣе;
Не бывалъ никогда вдохновеннѣе
Мой тяжелый—томительный трудъ!..
Не сіяло мнѣ солнце свѣтлѣй,
Не мерцали и звѣзды привѣтнѣе;
Не звучали при мнѣ беззавѣтнѣе
Переливы желанныхъ рѣчей...
И чѣмъ больше терзала меня
Злая доля—змѣя подколодная,

Чѣмъ больнѣй жгла обида холодная,—
Тѣмъ въ груди было больше огня!..
И чѣмъ глубже страданья мои,—
Тѣмъ объятья любви неразрывнѣе,
Тѣмъ безумнѣй, смѣлѣй и отзывнѣе
Поцѣлуи и ласки твои...
Такъ мы были другъ-другу близки,
Что умѣли понять непонятное,
Что могли воротить невозвратное
Въ мигъ унынья, въ минуту тоски...
А бывало-ль когда намъ съ тобой
Такъ легко, упоительно-сладостно,
Такъ отрадно, несказанно-радостно
Посмѣяться надъ лютой судьбой?!.
А когда-же, когда тяжелѣй
Были наши часы разставанія;
А когда-же мгновенья свиданія
Пролетали у насъ веселѣй?!.
Въ дни нужды, въ дни борьбы и труда,
Пили счастье мы полною чашею;
И любовь—лиходѣйкою нашею
Не была никогда, никогда!..

* *
*

...О, могъ-ли проклинать я бремя неудачъ,
Не вызвавшихъ во мнѣ безсилія и плача?..
Въ тѣ дни яснѣй была и жизни всей задача,
Добрѣй—сама судьба, мой деспотъ—мой палачъ,
Дороже всякая случайная удача!..

О, могъ-ли проклинать я дни лихой нужды—
Съ ихъ гнетомъ роковымъ, порой невыносимымъ,
Когда въ тѣ дни забылъ о злѣ несокрушимомъ
Всесокрушающей, мертвящей мысль вражды,—
Когда постигъ въ тѣ дни: что̀ значитъ *быть любимымъ*?!.

---

* * *

День начался для меня такъ уныло,
Утро печаль мнѣ собой принесло;
Въ томъ, что горячее сердце любило,
Встрѣтилось только холодное зло...
День мой отравленъ обидою встрѣчи—
Въ сердцѣ моемъ похороненный день,—
Рвутся, смолкая, тревожныя рѣчи,
На душу пала угрюмая тѣнь..
Камень налегъ мнѣ на грудь и—нежданный—
Давитъ подъ гнетомъ тяжелымъ ее
Гдѣ-же ты, мой избавитель желанный,
Чистое, свѣтлое чувство мое?
Кротость моя! Гдѣ твой взглядъ—примиритель,
Гдѣ чародѣйка—улыбка твоя?
Умерли вы, обо мнѣ не хотите-ль
Даже и вспомнить, былые друзья?!.
Гдѣ вы...—«Да въ сердцѣ твоемъ, да съ тобою!»—
Слышится чья-то знакомая рѣчь:
«Жизнь не заставила тяжкой борьбою
«Насъ по могиламъ безвременнымъ лечь!..»
Здѣсь вы? Со мною?.. Такъ смолкните, думы!
Что намъ, что утро печаль принесло..
Съ вами, друзья, растоскуемъ тоску мы!
Съ нами—Любовь, побѣждавшая Зло!..

„Любить—понимать!..“

Любить—понимать!.. Отчего-же
Понять ты не можешь меня?
Ты любишь, я знаю... Но, Боже!—
Въ любви слишкомъ много огня...
    Огня слишкомъ много!.. Но свѣта
    Въ огнѣ я искалъ и тепла,—
    Любовь не дала ни просвѣта;
    Она—и не грѣла, а жгла!..
Терзала, да жгла и собою
Стремилась себя убивать...
Ужели съ такою судьбою
Мнѣ нужно мириться опять?!
    Мнѣ надо мириться... Я знаю,
    Что въ этой любви роковой
    Дорогу къ забытому раю
    Укажетъ мнѣ пламень живой...
Укажетъ мнѣ пламень... Но, Боже!—
Въ любви слишкомъ много огня! .
Любить—понимать... Отчего-же
Не хочешь понять ты меня?!.

* *
*

Любить—понимать!.. Ну такъ что-же?!.
Ты любишь, такъ ты—поняла:
Ты всё, что въ тебѣ есть дороже,—
Мнѣ—сердце свое отдала!..

Мнѣ сердце свое принесла ты,
Какъ лучшій, безцѣнный свой даръ...
Мы—оба съ тобой виноваты,
Что въ нёмъ разгорѣлся пожаръ!..
Пожаръ разгорѣлся... И ярко
Два сердца живыя горятъ...
Мы любимъ другъ-друга такъ жарко,
Что намъ и не выйти назадъ...
Обоимъ не выйти живыми
Изъ пламени нашихъ страстей!
Такъ жги меня, мучай своими,
Такъ мучайся страстью моей...
Такъ мучайся, мучай!.. За что-же?
За то-ль, что мнѣ жизнь не свѣтла?!.
Любить—понимать... О, мой Боже!..
Ты любишь... Ты—всё поняла!..

---

* * *

Пусть мы безумцами кажемся людямъ
Съ мелкой душой и холоднымъ умомъ,—
Нашего счастья ломать мы не будемъ,
Если другъ-друга поймемъ.

Пусть клевета намъ выходитъ навстрѣчу,
Пусть вслѣдъ за нами обида идетъ,—
На клевету я презрѣньемъ отвѣчу,
А отъ обиды уйдемъ мы впередъ.

Пусть не пойметъ насъ, пускай не оцѣнитъ
Нашего счастья никто изъ друзей,—
Сердце мое никогда не измѣнитъ
Скромной и бѣдной подругѣ моей!

Пусть и судьба, противъ насъ выступая,—
Все безпощаднѣе день ото дня;
Только любила-бы ты, дорогая,
Только-бы ты понимала меня!

Все мы простимъ, всѣ обиды забудемъ,
Душу откроемъ обидчикамъ вновь;
Пусть мы безумцами кажемся людямъ,
Въ нашемъ безумьи—любовь!..

———

* * *

Слишкомъ дорого стоитъ мнѣ счастье,
Это счастье,—чтобъ могъ я опять
Приносить безполезную жертву
И чужому свое отдавать!..

Слишкомъ ставлю тебя высоко я,
Чтобы могъ подозрѣньемъ слѣпымъ
Отравлять нашу жизнь понапрасну
И судить насъ позволилъ другимъ...

Ужъ давно мы съ тобою не дѣти,
Не для шутки сошлись мы съ тобой;
И теперь—не шутя, передъ всѣми
Жизнь меня вызываетъ на бой...

Чтожъ, поспоримъ! Умру, а не сдамся,—
Если силы не хватитъ въ груди!..
Никого не зову я на помощь,
Все равно—что ни ждетъ впереди!..

А лихіе завистники-люди,
Что—не зная тебя и меня—
Поселяютъ раздоръ между нами,
Не стыдясь свѣта бѣлаго дня?!.

Прочь съ дороги! Здѣсь шутки плохія...
Слишкомъ много пришлось мнѣ страдать,
Чтобы каждый пустой проходимецъ
Смѣлъ на счастье мое посягать!..

---

* * *

Все спитъ... Затихли грезы—
Безсмертная ночь бытія...
Не спитъ и не дремлетъ— лишь я,
Да пѣсенъ порывы, любви—
Безсмертная ночь бытія...

А звѣзды... И звѣзды не спятъ!
Такъ страстно мерцаютъ ихъ очи
Въ безмолвіи сѣверной ночи,
Въ полуночномъ вальсѣ плывутъ...
Какъ страстно мерцаютъ ихъ очи!..

Горятъ и трепещутъ надъ бездной...
О, еслибы путь къ нимъ найти,
Покинуть земные пути
И слиться-бы съ розсыпью звѣздной!
Ахъ, еслибы путь къ нимъ найти...

* * *

Вѣру сердца потерявшіе—
Вы, любовью не страдавшіе,
Вы, страдая, не любившіе,
Жизнь безжизненно отжившіе,
Люди-братья,—страшно мнѣ
Съ сердцемъ, кровью истекающимъ,
За любовь, любя, страдающимъ,
Съ вами жить въ одной странѣ!..

Гдѣ кипитъ борьба напрасная,
Гдѣ томитъ тоска неясная,—
Гдѣ царитъ одна безстрастная
Страсть къ наживѣ полновластная,—
Какъ мнѣ быть и какъ мнѣ жить,
Повѣрять надежды мнѣ кому,
Если вѣрить даже некому,
Если не съ кѣмъ мысль дѣлить?!..

Не пустыней безотвѣтною,
Безпріютной, непривѣтною,
Съ тайной мукой безпредметною,
Для страдальцевъ непримѣтною,
Жизнь лежитъ передо мной..
Нѣтъ!.. Свѣтлѣетъ тьма глубокая,
Слышу, слышу издалёка я
Голосъ сердца, мнѣ родной:

—«Вѣру сердца не теряючи,
«За любовь, любя, страдаючи,
«Полюбивъ—не разлюбляючи,
«Знойнымъ полымемъ сгораючи,
«Какъ ты жилъ, такъ и живи,—
«Съ сердцемъ, кровью истекающимъ,
«Съ чувствомъ, сердце обновляющимъ
«Обновленіемъ любви»..

Призракъ счастья.

«Слушай!..» сказала мнѣ ночь...
Замерло сердце и слышитъ:
Вѣтеръ листвою колышетъ,
Или порывисто дышетъ
Кто-то въ саду въ эту ночь.
«Видишь?» сказала мнѣ ночь..
Гля́нулъ я, вижу: въ аллеѣ,
Лиліи бѣлой бѣлѣе,
Что-то мелькнуло—быстрѣе
Птицы, помчавшейся прочь.
«Выйди!» сказала мнѣ ночь...
Вышелъ, иду, а за мною—
Дымкой повиты ночною—
Тѣни бѣгутъ стороною,
Точно хотятъ мнѣ помочь.
«Видишь?» сказала мнѣ ночь...
И увидалъ я въ аллеѣ—
Фея-ли, призракъ-ли феи—
Лиліи бѣлой бѣлѣе;
Взора отвесть мнѣ не въ мочь!
«Слушай!» сказала мнѣ ночь...
И услыхалъ я такъ внятно:
«Счастье, какъ ночь, невозвратно!..»
Стало мнѣ, стало понятно,
Ктȯ былъ въ саду въ эту ночь...

---

* * *

Знаешь, знаешь, почему я
Такъ люблю тебя глубóко?
Потому, что я съ тобою
Не страдаю одиноко!
        Потому, что мнѣ не надо
        Предъ любимой притворяться
        И—когда томитъ кручина—
        Безмятежно улыбаться!
Потому, что оба вмѣстѣ
Мы однимъ дыханьемъ дышемъ,
Наши радости-печали
Другъ у друга сердцемъ слышимъ!
        Потому, что мнѣ съ любовью
        Не страшна невзгода злая,—
        Пусть бѣжитъ врагомъ за нами,
        Путь туманомъ застилая!
Потому, что, лишь любя, я
Самому себѣ понятенъ...
Милый другъ! Да я тобою
И богатъ, и гордъ, и знатенъ!..

* * *

Чѣмъ тяжелѣе въ часъ труда;
Тѣмъ легче будетъ въ мигъ досуга...
Пойдемъ, пойдемъ, любви подруга,
Путемъ--которымъ шли всегда!..
Узка тернистая дорога;
За то надъ нею ярче свѣтъ,
За то—на ней распутья нѣтъ;
Для счастья въ ней—простора много...
Что богачу, что бѣдняку
Въ трудѣ легко найти забвенье
Всего—что въ жизнь ведетъ сомнѣнье, —
Трудъ побѣждалъ всегда тоску!
Съ трудомъ сроднилася давнó ты,
А мнѣ мой трудъ—и другъ, и братъ;
Онъ мнѣ отраднѣй во сто кратъ
Бездѣлья тусклой позолоты!..
Смѣлѣй—дорогою труда
Пойдемъ, любимая подруга!
Любовь споётъ намъ въ часъ досуга,
Какъ не пѣвала никогда...
Любовь разбила цѣпь загадокъ,
Найдя съ тобой у насъ пріютъ..
Пусть наши дни вѣнчаетъ трудъ!
Мы любимъ; отдыхъ будетъ сладокъ!..

---

* * *

Если любимъ я, какъ прежде, тобою,—
Любо идти намъ дорогой одной!
Если сроднилась ты съ нашей судьбою,—
Будь мнѣ по прежнему близкой, родной!..

Нѣтъ! не по прежнему... Ближе, роднѣе!.
Сердцемъ забейся въ любимой груди!
Въ битву за право на счастье смѣлѣе—
Къ жизни—отъ холода смерти веди!..

Намъ-ли безвольно дрожать предъ борьбою?
Намъ-ли другъ друга въ бѣдѣ покидать?
Намъ-ли въ разбродъ, безъ дороги, блуждать,
Если любимъ я, какъ прежде, тобою?!.

* *
*

Больше блаженства... но только—блаженства,
Только не призраковъ блѣдныхъ его!
Если-же нѣтъ даже въ немъ совершенства,
    Лучше не надо совсѣмъ ничего!..

Больше страданья... но только страданья,
А не тупой, а не мертвой тоски;
Пусть будутъ муки мои велики
    Такъ—чтобы не было имъ и названья!..

Если пить счастье,—въ чаду опьяненья;
Если страдать—до безумья страдать...
Жить вполовину не стоитъ волненья,
    Жизни—за жизнь лишь не жалко отдать!..

---

* * *

Забвеніе?!. О, нѣтъ! Не нужно мнѣ забвенья!..
Его я не искалъ въ тяжелый день тоски;
Я не зову его въ минуты вдохновенья,
Когда сомнѣнія отъ сердца далеки—
Какъ далеки отъ дня ночныя привидѣнья...
Какъ привидѣніе, какъ призракъ гробовой,
Пугаетъ мысль о немъ измученную память;
Оно страшитъ меня, какъ тучей снѣговой
Тревожитъ путника полуночная заметь,—
Когда она крутитъ дорогой столбовой...

Пускай оно идетъ къ тому, кто счастья не пилъ
Изъ чаши бытія, кто не терялъ его,
Кто не сжигалъ надеждъ, кто вѣры знойный пепелъ
Не сѣялъ на полѣ страданья своего,—
Къ тому—кто у судьбы не отнялъ ничего!..
А мнѣ—испившему всего до опьяненья,
А мнѣ—узнавшему такъ много черныхъ дней,
Питомцу жгучихъ думъ, товарищу сомнѣнья,
Невольнику мечты восторженной своей,—
О, нѣтъ! Не надо мнѣ, не надо мнѣ забвенья!.

* * *

Память!.. Казни меня, мучай
Ревностью къ прошлому жгучей,
Сердце и душу мнѣ болью
Рви—давъ просторъ своеволью!

Пусть мнѣ укоромъ возстанутъ
Всѣ, кѣмъ бывалъ я обманутъ,
Всѣ—передъ кѣмъ виноватымъ
Са́мъ я былъ въ гнѣвѣ проклятомъ!

Всё, что на свѣтѣ я видѣлъ,
Что я любилъ, ненавидѣлъ,
Что пронеслось стороною,—
Пусть все пройдетъ предо мною!

Думы, рожденныя тайно
Въ сердцѣ безумномъ случайно,
Чувства и страсти, и мысли—
Все, какъ судья, перечисли...

Каждое дѣло и слово
Вызови ты изъ былого,
Знахарь—палачъ мой могучій!
Память!.. Казни-жъ меня, мучай..

---

* * *

Хотѣлъ-бы я бѣжать отъ радостей ничтожныхъ,
Желалъ-бы я уйти отъ горькой злобы дня
Туда, гдѣ нѣтъ ни чувствъ напыщенныхъ и ложныхъ,
Туда, гдѣ нѣтъ борьбы вопросовъ непреложныхъ,—
Гдѣ встрѣтило бъ одно Молчаніе меня!..

Я знаю: есть такой блаженный край вселенной;
Но гдѣ, въ какой странѣ—не вѣдаю про то...
Къ нему ведетъ лишь смерть—подруга жизни плѣнной,
Предъ нимъ стихаетъ шумъ тревоги нашей тлѣнной;
Тамъ—царствуетъ надъ всѣмъ великое Ничто!..

* *
*

Кто далъ мнѣ такъ много желаній,
Что жизнь только ими полна?
Кто близокъ мнѣ въ мірѣ терзаній?!.
Одна и одна лишь она!

Кто дастъ мнѣ часы упоенья,
Кто выпить поможетъ до дна
Глубокую чашу терпѣнья?—
Она и она лишь одна!

Кто въ жизни мнѣ жизни дороже?
Кто сердцу душою вѣрна?
Кто вѣритъ любовью, о, кто-же? —
Одна и одна лишь она!

Такъ будемъ-же, будемъ съ тобою,
Тревожное сердце мое,
Бороться съ гнетущей судьбою
Всегда и вездѣ за нее!..

---

* *
*

Я не знаю, я не помню,—
Былъ-ли въ нашемъ счастьѣ мигъ,
Чтобъ во мнѣ бурлилъ такъ сильно
Страсти ключъ, любви родникъ...

Я не помню, я не знаю,—
Приходилось-ли когда
Такъ страдать, такъ горько плакать,
Такъ терзаться, какъ тогда...

Знать—не знаю, не припомню!
Только знаю, что—любя,
Помнить—помню, что—страдая—
Побѣждалъ я самъ-себя!..

* * *

Не вспоминай!.. Зачѣмъ, къ чему?!.
Вѣдь для тебя—не будетъ снова
Всходить тотъ день изъ тьмы былого
На горе счастью моему...

Всходилъ онъ робко, гасъ угрюмо;
И вечеръ былъ, была и ночь...
Ахъ, ночь была черна, какъ дума;
И думы съ ней умчались прочь!..

Прошло; минýло; пролетѣло...
Смотри: какъ ясенъ небосклонъ!
Надъ нами—солнце заблестѣло!
Ужасный день?.. Да былъ-ли онъ?!.
О, нѣтъ! О, нѣтъ... То былъ лишь сонъ...

---

* * *

О, да! Я тебя не покину,—
Мнѣ страшно и думать о томъ,
Что можетъ быть часъ тотъ на свѣтѣ,
Когда мы не будемъ вдвоемъ...
О, нѣтъ, дорогая! Подумай—
Кто сталъ-бы тогда мнѣ, любя,
Шептать, замирая отъ счастья:
«И жизнь мнѣ не жизнь безъ тебя!..»
Кто сталъ-бы тогда поцѣлуемъ
Сжигать мнѣ уста безъ огня,
Кто сталъ-бы веселою пѣсней
Печаль отгонять отъ меня?
Кого-жс, кого въ это время
Холодныхъ и лживыхъ людей
Любилъ-бы я первою страстью,
Послѣдней любовью своей?..

Послѣдніе листья.

I.

Послѣдніе листья—багряные листья,—
Ихъ осени мертвая ласка сожгла,
Багряные листья—предвѣстники смерти,
Эмблема побѣды холоднаго зла!

Послѣднія грезы—мятежныя грезы,—
Въ нихъ страсти, въ нихъ—чувства и мысли пожаръ;
Мятежныя грезы—безумнаго счастья,
Безумныхъ надеждъ искупительный даръ.

Послѣднія пѣсни—счастливыя пѣсни,—
За ними не будетъ и пѣсенъ другихъ;
Счастливыя пѣсни: онѣ отзвучали,
А сердце все помнитъ, все помнитъ о нихъ!

Съ послѣдними листьями вся облетаетъ
Цвѣтущихъ садовъ и лѣсовъ красота;
Съ послѣдними грезами пылкое сердце
Послѣднія пѣсни зоветъ на уста...

II.

Увядаетъ...
Увядаетъ кругомъ и повсюду...
Я стою и дивлюсь, словно чуду,

Что найти я никакъ и нигдѣ не могу
Ни цвѣтовъ на пестрѣвшемъ цвѣтами лугу,
Ни кудрей густолиственныхъ сада,
Гдѣ пьянила дыханьемъ прохлада,
Гдѣ весеннимъ и лѣтнимъ ночамъ соловьи
Серенады пѣвали свои...

Увядаетъ...
Ходитъ пò саду осень дозоромъ,
Все обводитъ тоскующимъ взоромъ,—
Гдѣ ни взглянетъ лихая—и взадъ, и впередъ,
Вихорь-вихремъ, поблёклые листья мететъ...
Всюду слышенъ таинственный шорохъ,
Словно смерть въ этихъ призрачныхъ взорахъ
Разлила свой губительный, медленный ядъ...
Помертвѣлъ и замолкъ старый садъ...

Увядаетъ...
И становится больно и жутко...
Осень—времени горькая шутка!..
И невольно твержу самому я себѣ,
Что земля, покоряясь гнетущей судьбѣ,
Въ эти дни навсегда потеряла
Всю красу—чѣмъ цвѣла и сіяла,—
Что померкнулъ навѣки и солнышка свѣтъ,
Что любви, что любви въ сердцѣ нѣтъ!..

III.

Не вѣрю, не вѣрю,—мечты не увяли:
Ихъ розы такъ ярки, ихъ цвѣтъ—такъ душистъ!
Пусть вянетъ природа—подруга печали,
Пусть кружится пò вѣтру блёкнущій листъ...
Чтò листья, чтò слезы тоскливой природы,
Чтò травъ и цвѣтовъ потускнѣлый нарядъ!

Въ мои молодые и знойные годы
Всё ярче, все жарче стремленья горятъ!.
Не осени поздней больному дыханью,
Не чахлымъ порывамъ зловѣщихъ вѣтровъ
Конецъ положить огневому желанью,
Развѣять вѣнокъ вдохновенныхъ цвѣтовъ!
Пусть горькими небо рыдаетъ слезами,
Пусть вянутъ родные сады и лѣса,—
Я плакать не стану: съ моими мечтами
Цвѣтущей весны неразлучна краса!..
Не дамъ надъ собой насмѣяться печали,—
Пускай улетаетъ, какъ пò вѣтру листъ!
Мечты молодыя мои не увяли,—
Не вѣрю, не вѣрю,—ихъ блескъ такъ лучистъ!..

Умереть, иль жить—всё равно съ тобой,—
Неразрывной мы цѣпью связаны:
Наши радости недосказаны,
Хоть взялась любовь нашей быть судьбой!

Милый другъ ты мой—лютый ворогъ мнѣ!
Какъ назвать тебя, непокорную?
Какъ размыкать мнѣ думу черную,
Какъ размыслить намъ о весёломъ днѣ!.

Если мы—вдвоёмъ, такъ судьба на насъ
Смотритъ грѣшницей нераскаянной...
Если я—одинъ, такъ нечаянной
Жизнь борьбой даритъ въ неурочный часъ!..

Нѣтъ! Не сладить намъ со своей судьбой...
Пусть всѣ радости горемъ связаны,
Недомолвлены, недосказаны...
Не домолвитъ жизнь, скажетъ смерть собой!..

11 января 1895 г.

II.

БЫВАЛЬЩИНЫ.

Бертрада.

Посвящ. кн. Мих. Ник. Волконскому.

I.

Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Французскихъ королей
Отбою нѣтъ отъ званыхъ
И нѐзваныхъ гостей;
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Богатства всей земли
Подъ сводомъ залъ высокихъ
Пріютъ себѣ нашли;
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
И счета нѣтъ пирамъ
Въ честь юной королевы—
Царицы гордыхъ дамъ...

Счастливецъ Генрикъ Первый
Всѣхъ латниковъ своихъ
Беречь ее приставилъ,
Беречь отъ глазъ лихихъ;
Счастливецъ Генрикъ Первый
Съ Бертрадой молодой
Готовъ забыть и славу,
И честь страны родной...

Но юная Бертрада—
Отрада короля,
Томится и тоскуетъ,
Веселья не дѣля;
Но юная Бертрада
Все чаще съ каждымъ днемъ
Вздыхаетъ тихомолкомъ
И слезы льетъ тайкомъ...

Спросилъ, спросилъ-бы Генрикъ,
Что̀ мучаетъ её,
Что нѐлюбо такое
Веселое житьё;
Спросилъ, спросилъ-бы Генрикъ,—
Открылась-бы ему,
Супругу-властелину,
Владыкѣ своему...

Пируетъ дворъ разгульный,—
Отъ блюдъ трещатъ столы;
Охотничьей потѣхой
Смѣняются балы;
Пируетъ дворъ разгульный,—
Всѣ тосты—за одну,
За юную Бертраду,
За Генрика жену;
Пируетъ дворъ разгульный,—
Но весело-ли ей,
Подъ бѣлымъ горностаемъ,
Въ кругу своихъ пажей?!.

2.

Забудетъ-ли Бертрада
Что Анной крещенà,—
Звалася Ярославной

На родинѣ она;
Забудетъ-ли Бертрада,
Что здѣсь не свой народъ,—
Что взоръ ея родного
Ни въ чемъ здѣсь не найдетъ;
Забудетъ-ли Бертрада,
Какіе дни пришли
Съ красавицей-весною
Для всей родной земли?..

Нѣтъ, помнитъ королева,
Что на Руси святой
Всѣмъ свѣтелъ Свѣтлый Праздникъ,—
Будь князь, будь смердъ простой...
Нѣтъ, помнитъ королева:
На цѣлый Кіевъ-градъ
Теперь на всѣхъ раскатахъ
По цѣлымъ днямъ звонятъ...

Всю Свѣтлую Недѣлю—
Пасхальный красный звонъ;
Отъ Лыбеди до Свири
Гудётъ, не молкнетъ онъ...
Всю Свѣтлую Недѣлю
Словутичъ-Днѣпръ и лѣсъ,
И горы, и пещеры
Поютъ: «Христосъ воскресъ!..»

Вздыхаетъ Ярославна:
«По берегу Днѣпра,
Поди, и хороводы
Давно водить пора!..»
Вздыхаетъ Ярославна,
А думушка—опять:

«Пусть тѣсенъ княжій теремъ,
Привольно въ немъ дышать!..»

Въ парижскомъ славномъ зáмкѣ
Конца веселью нѣтъ...
«Да въ Кіевѣ на радость
Наложенъ ли запретъ?!.»
Въ парижскомъ славномъ зáмкѣ
Десятки трубъ гремятъ...
«Да въ гриднѣ Ярослава
Звончѣе гуслей ладъ!»
Въ парижскомъ славномъ зáмкѣ
Все есть—что̀ ни спроси!..
«Да зáмокъ-то, да зáмокъ—
Стоитъ не на Руси!..»

Златоогненный цвѣтъ.

(Изъ весеннихъ фантазій)

Говорятъ, на Руси—съ незапамятныхъ лѣтъ
Расцвѣтаетъ въ лѣсахъ златоогненный цвѣтъ,—
На Иванову ночь, подъ намётомъ кустовъ,
Словно жаръ, онъ горитъ между травъ и цвѣтовъ.
Это—кладъ, не цвѣтокъ; подойди, да сорви,
И потомъ весь свой вѣкъ безъ заботы живи!
Да найти-то его мудрено́—мудрено́;
Да не всякимъ глазамъ и увидѣть дано...
Кто и сможетъ къ нему подобраться тайкомъ,—
Такъ и то цвѣтъ-огонь упорхнётъ мотылькомъ...
Кто сорветъ,—такъ и тотъ не съумѣетъ уйти:
Съ нимъ порой въ трёхъ соснахъ не отыщешь пути!..

* *
*

«—Эхъ, была—не была: отъ судьбы не уйдешь,
«А судьбы не пытать—развѣ долю найдешь?!»—
И пошелъ онъ, пошелъ въ боръ сырой—въ темный лѣсъ
На Купальскую ночь—ночь великихъ чудесъ...
На опушкѣ лѣсной сердце сжалось въ груди,—
Словно кто зашепталъ: «Берегись, не ходи!..»
Но въ зеленой листвѣ вспыхнулъ полымемъ свѣтъ:
«Ужъ не здѣсь-ли растетъ златоогненный цвѣтъ?..»
Буйный вѣтеръ пахнулъ, зашумѣлъ надъ травой:
«Догони-ка меня, паренёкъ молодой!..»

И за вѣтромъ лѣснымъ онъ не шелъ, а бѣжалъ;
И пришелъ онъ тропой на крутой вѣтровалъ...

* *
*

Подъ обрывомъ—внизу пробивался потокъ:
Надъ ручьемъ въ темнотѣ засинѣлъ огонекъ...
Онъ—въ оврагъ; передъ нимъ—шелеститъ очерётъ:
«Кладъ-цвѣтокъ золотой на шиханѣ растетъ!»...
Онъ—наверхъ, на бугоръ,—нѣтъ и нѣту цвѣтка;
А въ душѣ—страхъ не страхъ, и тоска не тоска...
Онъ—впередъ и впередъ, черезъ ямы, пеньки;
А вдали, впереди—огоньки, огоньки. .
Вдругъ, какъ листъ предъ травой, всталъ старикъ передъ нимъ,—
Борода—словно лёнъ, волосà—точно дымъ...
Онъ—къ нему: «Чуръ меня! Миръ тебѣ, вѣщій дѣдъ!.
«Укажи, гдѣ растетъ златоогненный цвѣтъ!..»

* *
*

Засмѣялся старикъ, покачалъ головой:
«Не найдешь ты его въ темной чащѣ лѣсной!
«Этотъ кладъ не въ травѣ подъ кустами лежитъ,—
«Въ знойномъ сердцѣ твоемъ, словно жаръ, онъ горитъ!..»
Усмѣхнулся старикъ и за елью пропалъ...
А надъ пущей лѣсной лучъ зари заигралъ...
Солнце всплыло... Иль нѣтъ,—то на бѣломъ конѣ
Богъ любви, Свѣтлый Яръ, выѣзжалъ въ вышинѣ...
Такъ-же землю лобзалъ онъ лучами, какъ встарь;
Такъ-же ризы его серебрилась объярь;
Такъ-же несъ онъ въ очахъ всѣмъ тепло и привѣтъ,
Сѣя людямъ въ сердцà «златоогненный цвѣтъ»...

———

Потайный сказъ.

Посвящ. Дмитрію Наркиссовичу Мамину-Сибиряку.

I.

«Что̀ за лихо приключилося,—
Взять и въ толкъ я не могу,
А его не пожелала-бы
И заклятому врагу!..
Изсушила немочь лютая,
Словно зельемъ извела,—
Думы дѣвичьи завѣтныя
Жаромъ-по̀лымемъ сожгла...
Обвилась змѣёю, на́-сердце
Припадаетъ, кровь сосетъ,—
Бѣлымъ днемъ и темной ноченькой
Сна-покою не даетъ!
Не красно̀ мнѣ красно солнышко,
Опостылѣлъ Божій свѣтъ;
На бесѣдѣ у подруженекъ
И веселья словно нѣтъ...
Пѣсни всѣ перезабыла я,
А пѣвала—больше всѣхъ;
То не вѣтромъ-ли развѣяло
Мой примaнный звонкій смѣхъ?
Все изъ рукъ, все на́-земь валится...
Сяду-ль прясть я бѣлый лёнъ,—

Не прядётся пряжа тонкая;
А въ глазахъ—все онъ, да онъ!
Откачнись ты, ворогъ! Чуръ меня!..
Сгинь ты, нехристь!.. Нѣтъ, глядитъ;
И отъ черныхъ глазъ разгарчивыхъ
Сердце заревомъ горитъ!..
Ну, добро-бы приглянулся мнѣ;
Ну, добро-бы сталъ мнѣ милъ!
Такъ, вѣдь, нѣтъ-же... Словно нéспроста
Надо мной кто подшутилъ!.»

2.

«Ой, пойти—сходить мнѣ къ знахарю!..»
За околицей села,
На отшибѣ, хатка малая
Въ землю окнами вросла...
Постучалася легохонько
Подъ оконцемъ: «Дóма дѣдъ!..»
Отворилась дверь скрипучая:
—«Съ чѣмъ пришла, краса, чуть-свѣтъ?»
До сырой земли низёхонько
Поклонилась старику,
Два конца холста лощёнаго
Подала: «Сыми тоску,
Развяжи меня съ кручиною,
Злую немочь отгони!..»
Глянулъ старый въ ковшикъ нá воду:
—«Аль замаяли *они?*»
«Кто—они?!»—«Глаза-то черные!
Извели, поди, въ конецъ...
Охъ, ушибъ-убилъ касаточку
Вольный кречетъ-удалецъ!..
Ну, да противъ *глаза* этого
Есть *словечко* у меня;
Коль не сыметъ бóлѣсть черную,—

Не взвидать мнѣ Свѣта-Дня!
Вотъ тебѣ мой крѣпкій нáговоръ,
Вотъ тебѣ—потайный сказъ:
Гдѣ, когда ни встрѣтишь сокола,—
Не своди съ него ты глазъ...
Откачнется вся къ обидчику
Немочь лютая!..»
И дверь
Заскрипѣла: вышла дѣвица:
—«Попадись-ка мнѣ теперь!..»

3.

Анъ, не мимо слово молвилось:
На вспоминѣ онъ легóкъ...
На плечахъ—червленый óпашень;
Шёлкомъ шитъ сафьянъ-сапогъ;
А въ рукахъ-то гусли-рóзмысли;
Шапка-соболь на-бекрень...
Тёменъ взоръ, что ночь осенняя,
Веселъ—словно вешній день!
Поровнялся, молвитъ: «Гдѣ была?»
—«Тамъ давно меня и нѣтъ!»
—«Ой-ли? можетъ, чернобурая
Замела лисица слѣдъ!»
—«Много будешь знать, состаришься!..»
И глазами на него,
Ненарокомъ точно, вскинула,—
Обожгла огнемъ всего.
—«Ой, не сглазь!» смѣется мóлодецъ...
Улыбнулась:—«Нѣтъ, мои—
Голубые, не опасные...
Не такіе, какъ твои!»
А пригожъ гусляръ-дѣтинушка:
Силой взялъ, въ рѣчахъ гораздъ...
Налетай орда поганая,—

Такъ и той въ полонъ не дастъ!
Говоритъ: —«А что́, красавица,
Можетъ, намъ и по-пути?
Проводи меня до мельницы,—
Веселѣй самъ-другъ идти!..»
—«А сыграй!..» Запѣли гусельцы...
Крѣпокъ былъ потайный сказъ,—
Всю дороженьку съ немилаго
Не свела касатка глазъ...

4.

Исполать волхиту-знахарю!
Всё сбылось, какъ молвилъ дѣдъ:
Минулъ день,—а лиха-не́мочи—
Словно не было и нѣтъ!
Исполать вамъ, гусли-розмысли!..
Воротился звонкій смѣхъ;
Въ хороводѣ-ль, на бесѣдѣ-ли
Запоетъ,—слышнѣе всѣхъ...
Сядетъ прясть—такъ шёлкомъ лоснится
Мягкій лёнъ въ рукахъ у ней,
Нитка вьется, всѣмъ-то на̀ диво—
Тоньше, крѣпче и ровнѣй...
Ой, ты, ночка безпотемная,—
Ты, какъ зоренька, свѣтла!
Ой, ты, дѣвица-красавица,—
Ужъ не кладъ-ли ты нашла?
Ой, гусляръ—пригожій мо̀лодецъ!..
Да и чѣмъ-же онъ не кладъ?!.—
Не холопъ,—людинъ свободный онъ;
Не богатъ—да тороватъ!..
Счастье дѣвичье! Наищешься—
Не найти, коль не судьба;
На роду-жъ кому написано,
Не искалъ—полна изба!..

По рукамъ отцы ударили...
Старый знахарь на пиру
Веселъ былъ отъ меду пьянаго...
Говорили всѣ: «Къ добру!..»
Впрямь—къ добру; къ добру, старинушка,
Твой потайный крѣпкій сказъ:
Безъ него—-не сговорили-бы
Голубыхъ, да черныхъ глазъ!..

Бѣгство боговъ.

(Изъ легендъ вымирающаго племени.)

Посвящ. незабвенной памяти Никол. Михайл. Ядринцева.

I.

Двѣнадцать могучихъ тойоновъ-князей—
Съ Тобола, съ Туры и съ поморья—
Спѣшили на праздникъ къ святынѣ своей
На Обь, къ Иртышу, въ Бѣлогорье...

На Бѣлой горѣ, за стѣнами лѣсовъ,
Сидѣли—безмолвны и строги—
Остеръ и Рача̀, господари боговъ,
И дѣти ихъ—мудрые боги.

Кипѣла ключомъ у подножья вода,
Клубились ночами туманы,
И каждое утро сходились сюда
Радѣть въ пѣснопѣньи шаманы...

Двѣнадцать князей разметали шатры;
И ночью надъ Обью глубокой
Зажглись—задымили повсюду костры
Дозорною цѣпью широкой.

Чуть ясная зорька надъ темной тайгой
Всполохи по-у̀тру забила,
Сошлась къ Бѣлогорью несмѣтной толпой
Народа остяцкаго сила...

Ударили въ бубны... Предъ ликомъ боговъ
Князья на колѣни упали,
И пѣніемъ вторили вою вѣтровъ
Шаманы въ священной печали.

Но вдругъ, заглушая молитвы князей,
Шамановъ призывные клики,
Съ гранитнаго трона, съ богиней своей,
Возсталъ Повелитель Великій:

«Закапывай стрѣлы въ трясину болотъ,
«Ломай острозубыя копья,—
«Могучая сила тебя, мой народъ,
«Размечетъ, какъ снѣжные хлопья...

«Князья! хоронитесь за нами въ тайгу,
«Бѣгите въ лѣсистыя крѣпи,
«Когда не хотите поддаться врагу,
«Надѣть добровольныя цѣпи!»

2.

Не громъ прокатился надъ Бѣлой горой,—
Гранитныя сдвинулись ноги,
И съ троновъ своихъ, безсловесной гурьбой,
Бѣжали остяцкіе боги...

Но долго двѣнадцать могучихъ князей,
Къ добру-ли, не вѣдая—къ худу-ль,
Отважно изъ дебрей лѣсныхъ и степей
Скликали народную удаль.

И слышались рѣчи: «Мужайтесь, бойцы,—
«Мы силой и волей не слабы!
«Проклятье, позоръ вамъ навѣкъ, бѣглецы,—
«Не боги вы—старыя бабы!..»

А Обью-рѣкой подплывалъ на стругахъ
Ермакъ-побѣдитель героемъ,

Съ крестомъ на груди и со стягомъ въ рукахъ,
Сопутствуемъ огненнымъ боемъ...

Пришелъ, постоялъ-порадѣлъ атаманъ
За русскую вѣру и правду;
И вѣсть пролетѣла о немъ, какъ буранъ,
Къ поморью, за Конду и Тавду...

А тамъ, гдѣ безлѣсныя тундры лежатъ,
Гдѣ жизнь и природа убоги,
До нашей поры одиноко стоятъ
Въ болотахъ застрявшіе боги.

Не ходятъ къ нимъ больше князья на поклонъ,
Не только не пляшутъ шаманы,
Но даже не носятся стаи воронъ,
Не плаваютъ даже туманы.

Ни хмурый остякъ, ни суровый якутъ
Не стонутъ предъ ними, рыдая;
Да ихъ и богами теперь не зовутъ,
За «каменныхъ бабъ» принимая...

Княжія проклятья настигли боговъ,
Бѣжавшихъ владыкъ Бѣлогорья;
И будутъ имъ вторить во вѣки вѣковъ
Летучія вьюги поморья...

Русалочья заводь.

(Изъ волжскихъ преданій.)

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ крутояромъ
День и ночь на темный берегъ плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ...

Не пройти и не проѣхать къ той пещерѣ, что̀ подъ кручей
Обозна̀чилась изъ груды мелкой осыпи ползучей...

Выбиваютъ прямо со̀-дна, и зимой не замерзая,
Семь ключей—семь водомётовъ и гремятъ, не умолкая...

Закружитъ любую лодку въ пѣнѣ ихъ молочно-бѣлой,
И погибнетъ, и потонетъ въ ней любой безумецъ смѣлый.

Далеко̀ потомъ, далёко—на просторѣ на гульливомъ
Тѣло мертвое на берегъ Волга выброситъ приливомъ...

Было время... Старожилы рѣчь ведутъ, и не облыжно,
Что стояла эта за̀водь, какъ болото, неподвижно;

Въ камышахъ, огородившихъ омутъ чащею зеленой,
Семь русалокъ выплывали изъ рѣчной воды студёной,—

Выплывали и прохожихъ звали пѣснями своими
Порѣзвиться въ хороводѣ подъ луною вмѣстѣ съ ними.

И, бывало, кто поддастся приворотному призыву,
Да сойдетъ къ рѣчному логу косогоромъ по обрыву,—

На него всѣ семь русалокъ и накинутся толпою,
Перекатнымъ звонкимъ смѣхомъ заливаясь надъ водою.

Защекотятъ сёстры нà-смерть гостя бѣлыми руками
И глаза ему замечутъ разноцвѣтными песками;

А потомъ, потомъ зароютъ въ той пещерѣ, въ той могилѣ,
Гдѣ другихъ гостей безъ счету—безъ числа нахоронили...

Кличъ русалочій приманный услыхалъ одинъ прохожій,
Вѣщей силой надѣлённый, прозорливый старецъ Божій,—

Услыхалъ и проклялъ зàводь нерушимымъ гнѣвнымъ словомъ,
И на берегъ, и на волны палъ туманъ густымъ покровомъ...

Въ тотъ-же мигъ сталъ осыпаться по обрыву щебень сѣрый
И повисъ щитомъ надёжнымъ надъ осѣвшею пещерой;

А русалки такъ и сгибли въ расходившейся пучинѣ,—
Семь гремячихъ водометовъ выбиваютъ тамъ донынѣ...

Вешней ночью въ этомъ плескѣ слышны тихіе призывы,
Внятны робкія моленья, слезъ и смѣха переливы;

А подъ утро надъ ключами, передъ зорькой ранымъ-рано,
Семь тѣней дрожатъ и вьются въ дымномъ облакѣ тумана...

Конный мимо нихъ несется, не жалѣя конской силы;
Пѣшій усталь забываетъ близь русалочьей могилы...

И поютъ ключи, и плачутъ,—слезно плачутъ въ гнѣвѣ яромъ,—
Точно правятъ панихиды надъ зеленымъ крутояромъ...

Ювалъ.

(Библейское сказаніе.)

I.

Изъ двухсотъ сыновъ Ламеха
Кто счастливѣе Ювала—
Внука Циллы чернокудрой,
Брата мощнаго Тувала?..
Кто изъ Каина потомковъ
Всѣхъ душой своей смѣлѣе;
Чей острѣе взглядъ орлиный,
Мысль крылатая—быстрѣе?!.
Чей шатеръ—краса и диво
Всѣмъ шатрамъ родного стана?
На кого такъ смотрятъ дѣвы—
Розы горнаго Ливана?!.
И къ двоимъ Ювала братьямъ
Вкралась змѣемъ въ душу злоба;
И завистники—счастливца
Умертвить рѣшились оба...
А Ювалъ—не зналъ, не вѣдалъ
Ни о чемъ и, новой пѣсней
Зорю каждую встрѣчая,
Съ каждымъ днемъ пѣвалъ чудеснѣй...
Самъ не зналъ онъ, гдѣ учился
Тѣмъ чарующимъ напѣвамъ,

Что безъ пламени порою
Зажигали сердце дѣвамъ...
Самъ не зналъ, какъ догадался
Онъ—изъ братьевъ самый юный—
Изъ тягучихъ жилъ звѣриныхъ
На доскѣ наладить струны...
Подъ рукой пѣвца искусной
И доска запѣла эта—
Арфа перваго на свѣтѣ
Музыканта и поэта...

2.

Ночь была темна, какъ тайна;
Звѣзды прятались за тучи;
Лѣсъ дремалъ; однѣ лишь волны
Шумно прядали на кручи...
Въ эту ночь сыновъ Ламеха
Зависть черная томила,
Въ эту ночь—два сердца разомъ
Злоба жгучая щемила...
Тайный умыселъ лелѣя,
Черезъ станъ пробрались двое
И—держа въ рукахъ по камню—
Шли на дѣло роковое...
Ото всѣхъ шатровъ поодаль
Былъ намётъ шатра Ювала;
Ближе всѣхъ къ нему подъ небомъ
Этой ночью смерть стояла...
Камни подняты... Мгновенье,
И—покончили-бы дѣло;
Да въ шатрѣ высокомъ что-то
Прозвенѣло-загудѣло...
То какъ шопотъ затаённый,
То какъ голосъ тайной муки,

То какъ зовъ мятежной страсти
Звуки сыпались на звуки...
И росла-росла, какъ буря,
Сила пѣсни музыкальной,
О потерянномъ Эдемѣ
Говоря землѣ печальной...
И—упали камни наземь;
И вражда забыта злая;
И—въ забвеньи, и въ смятеньи—
Братья пали ницъ, рыдая...

3.

Мракъ свѣтлѣлъ... Заря алѣла,
Разливаясь за рѣкою;
И въ шатрѣ смолкала арфа
Подъ ювaловой рукою...
Всталъ пѣвецъ, на волю вышелъ,—
Видитъ братьевъ...Тѣ—со стономъ
Брату обняли колѣни:
«Спой, Ювалъ! О, спой ещё намъ!..»
Понялъ Каина потомокъ,
Чтò за силой, чтò за мочью
Зависть—пращура наслѣдье—
Побѣдилъ онъ тёмной ночью...
И опять запѣли струны;
И, въ порывѣ вдохновенья,
Огласила станъ скитальцевъ
Пѣснь блаженнаго забвенья...
Пролеталъ орёлъ надъ лѣсомъ,—
Замеръ въ воздухѣ могучій;
Тучки плыли, уплывали,—
Тише сталъ ихъ бѣгъ летучій...
Солнце, словно красный лебедь,
Изъ глубокихъ водъ взлетало,—

Слыша пѣснь отца всѣхъ пѣсенъ,
Всё въ лучахъ затрепетало...
Старый лѣсъ тряхнулъ кудрями,
Встрепенулись въ гнѣздахъ птицы, —
Повторили звонкимъ хоромъ
Пѣснь Ювала ихъ станицы...
Шли вѣка, тысячелѣтья;
Но еще не отзвенѣли,
Въ звукахъ утра голубого,
Этой дивной пѣсни трели...

Водяной.

Выплылъ сѣдой воевода,
Данникъ морского царя, —
Смотритъ: въ рѣку съ небосвода
Льется заката заря;
  Смотритъ и черную думу
  Думаетъ хмурый старикъ...
  Берегу шепчетъ безъ шуму
  Мягкій, пушистый тростникъ:
«Знаешь-ли, берегъ родимый,
Что за печаль, за тоска
Гложетъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Сердце того старика?
  «Помнятъ и волны рѣчныя,
  Какъ здѣсь красотка жила,—
  Косу тогда лишь впервые
  На двѣ она расплела.
«Въ цѣломъ теперь околоткѣ
Нѣтъ у насъ больше такой
Рѣзвой пѣвуньи-красотки
Съ пышною русой косой.
  «Какъ въ хороводѣ, бывало,
  Пѣсню она заведетъ,—
  Сводитъ съ ума запѣвало
  Весь православный народъ.
«Всѣхъ красотой полонила...
Не поддавался отецъ,—

Ломить соломенку сила,—
Свёлъ съ чужакомъ подъ вѣнецъ!
«На̀ диво справили свадьбу,
Пиръ былъ на славу... А тамъ
Сталъ собираться въ усадьбу
Мужъ и—не вѣритъ глазамъ:
«Сгинула... нѣтъ молодухи;
Ищутъ всѣ, сбилися съ ногъ
Всѣ—до прабабки-старухи;
Гдѣ—никому не въ домёкъ!..
«Ну, а она по задворкамъ
Дальше, да дальше съ села:
Шла по ложбинамъ, по горкамъ,—
Къ омуту прямо пришла...
«Дѣвичью волю-свободу
Крѣпко любила она,—
Перекрестилась—да въ воду
И не всплывала со дна...
«Старъ Водяной, ну а все-же
Не устоялъ передъ ней:
Понялъ старикъ, что̀ дороже
Въ жизни всего для людей.
«Сталъ онъ ее со слезами
Къ дряхлой груди прижимать,
Нѣжными тѣшить словами,
Словно родимая мать:
«Дитятко!» молвитъ: «съ тобою
Весело будетъ намъ жить,—
Будешь довольна судьбою,
Въ жемчугѣ станешь ходить!..»
«Только хотѣлъ онъ съ добычей
Плыть въ свой подводный пріютъ —
Тѣшиться лаской дѣвичей,—
Видитъ—двѣ лодки плывутъ...
«Смотритъ, а въ бѣлыя груди
Кто-то вцѣпился багромъ;

Видитъ—осилили люди...
«Такъ не разстанусь добромъ!..»—
«Мертвое тѣло красотки
Къ мужу пришлось отнести...
Въ цѣломъ теперь околоткѣ
Новой такой не найти!
«Да, не найти!..»
Звонкимъ смѣхомъ
Вдругъ засмѣялся тростникъ...
Берегъ откликнулся эхомъ:
«Пусть-молъ поищетъ старикъ!»
А надъ широкой рѣкою
Думалъ-гадалъ Водяной,
Волны покрывъ головою,
Точно огромной копной...
Вдаль онъ смотрѣлъ, на дорогу,
Словно кого поджидалъ...
А ужъ востокъ понемногу
Утренней зорькой пылалъ...

Лада.

—«Ой, Лада! Лель, люли!»
Изъ народныхъ припѣвовъ.

Чуть солнышко свѣтлѣе
Среди зимы блеснётъ,
Чуть взглянетъ веселѣе
На весь честной народъ,—
Такъ—русскихъ зимъ услада.
Зазноба вешнихъ чаръ—
Пойдетъ пѣвунья Лада
Развѣять сердца жаръ...
Веселая красотка
Дородна и статна;
Что бѣлая лебёдка,
Что павушка—она...
Шугай изъ горностая,
Шелко̀вая фата;
Коса у ней густая,
Саха̀рныя уста;
Глаза-то съ поволокой,
Посмотритъ—жизнь отдать!..
Красѣ голубоокой
Одинъ лишь Лель подстать!
Идетъ-нейдетъ, а пляшетъ,—
Сама поетъ о немъ,
Надъ бѣлымъ снѣгомъ машетъ
Парчёвымъ рукавомъ.

Куда-куда ни глянетъ,—
Вездѣ-то путь предъ ней,
Какъ масломъ политъ, станетъ
И глаже, и ровнѣй...
За нею слѣдомъ тройки
Летятъ въ перегонки;
И смѣхъ, и пѣсни бойки,
И тѣшатъ слухъ звонки...
Варятъ пива по селамъ,
Вся Русь печетъ блины—
Въ разгулѣ развеселомъ,
Въ честь вѣстницы весны...
Прихода свѣтлоокой
Одинъ не чуетъ Лель,—
Его въ тайгѣ глубокой
Баюкаетъ мятель!
Не день, не два—недѣлю—
Идти краса должна
Путемъ-дорогой къ Лелю,
Отъ радости хмѣльна;
Придетъ, найдетъ и будетъ
Лелѣять Леля сны;
И вся-то Русь забудетъ
Про Ладу до весны!
Весна—не за горами;
Ужъ скоро вздохъ земли
Раздастся надъ лѣсами:
«Ой, Лада! Лель, люли!..»

Бѣлбожичъ.

1.

Таинственныя горы
Зовутся облаками,
Таинственное поле
Засѣяно звѣздами.
  Въ горахъ темнолиловыхъ,
  Въ лазурно-синемъ полѣ
  Томится онъ безславно
  По славной прежней долѣ.
Онъ—въ латахъ изъ тумана,
Онъ—въ шапкѣ-невидимкѣ;
На нёмъ—цвѣтная ферязь
Изъ рудожелтой дымки...
  Онъ взоръ на поле кинетъ,—
  Тамъ молнія сверкаетъ,
  Стрѣлою исполинской
  Всѣ горы разсѣкаетъ.
Промолвитъ, гнѣвный, слово,—
Всё небо дышетъ громомъ;
Заплачетъ, обезсилѣвъ,—
Хоть пей слезу шеломомъ!..

2.

Онъ въ Кіевѣ когда-то
Людской кропился кровью,

Съ нагорной вышки виденъ
Днѣпру и Заднѣпровью...
Стоялъ онъ на желѣзныхъ
Ногахъ своихъ могучихъ,
Съ усами золотыми,
Съ колчаномъ стрѣлъ летучихъ...
Алѣли на рубахѣ
Каменья-самоцвѣты;
Какъ жаръ на нёмъ горѣли,
На шеѣ, амулеты...
И день, и ночь дымился
У ногъ костеръ дубовый;
И каждый день встрѣчалъ онъ
Кровавой жертвой новой...
И звали всѣ баяны,
Гусѐльнымъ вторя струнамъ,
Его всесильнымъ богомъ,
Бѣлбожичемъ—Перуномъ...

3.

Къ нему сходились гриди,
Онъ видѣлъ Святослава;
И за̀ море летѣла
О немъ грозою слава...
На Русь изъ Царегграда
Ударилъ свѣтъ въ оконце,
Надъ Кіевомъ взыграло
Владимірово солнце...
И грознаго Перуна—
Былой не вѣря силѣ—
Къ порогамъ ко днѣпровскимъ
Безславно проводили...
И плылъ онъ, плылъ—безсиленъ
Предъ силой неземною,
Поруганъ всей дружиной,
Оплаканный волною...

Погибъ бездушный идолъ,
Но духъ его могучій
Взлетѣлъ къ полямъ небеснымъ
Грозóвой темной тучей...

4.

Одинъ лишь день остался
Въ году, когда онъ снова
Могучъ, силёнъ и властенъ,
Грозёнъ--какъ въ дни былого...
Въ тотъ день никто въ народѣ
Не выйдетъ на работу;
Въ тотъ день—стрѣлокъ-охотникъ
Забудетъ про охоту...
Когда-жъ въ тотъ день сверкаютъ
Въ поляхъ серпы да косы,—
Перунъ нá небѣ мечетъ
Утёсы на утёсы;
И молніи, какъ искры,
Летятъ изъ-подъ огнива,
И—полымемъ пылаетъ
Повѣть, гумно и нива...
Въ тотъ день святая церковь,
По всей Руси широкой,
Въ молитвахъ славословитъ
Великаго Пророка;
И всѣ-то, всѣ забыли,—
Что не Илью,—Перуна,—
Когда-то величали
Въ тотъ день баяновъ струны!..

Суженый.

(Святочная бывальщина.)

«Суженое—ряженому!»

I.

У косящата окошечка—
Одинёшенька-одна—
Поджидала съ торгу дальняго
Мужа стараго жена.
Были святки; время позднее...
Нѣтъ и нѣту старика!
Пала нà сердце молодушкѣ
И докука, и тоска...
Всѣ мы—люди, ходимъ пòдъ Богомъ:
Неровёнъ часъ!.. «Вотъ бѣда»,—
Словно шепчетъ кто ей нà ухо:
«Онъ—старикъ, ты—молода!
«Бралъ тебя твой старъ-неровнюшка,
Даже разу не спросилъ
У невѣсты, у зазнобушки:
Любъ-ли ей онъ, аль не милъ.
«Задарилъ отца подарками,—
Не нахвалится зятькомъ.
Сговорили... Какъ убитая,
Ты стояла подъ вѣнцомъ...

«Дни бѣжали, шли и мѣсяцы;
Пролетали и года.
А была-ль за нимъ ты счастлива,
Знала-ль радости когда?
«Пусть умретъ, вдовѣ—богачество;
А за вдовушкой такой
Хмѣлемъ будетъ увиватися,
Да не кто-нибудь,—любой!
«Можетъ быть, сидишь ты—ждешь его,
А судьба твоя не ждетъ
И кощею-мужу старому
Память вѣчную поетъ...
«Можетъ статься, новый суженый
Есть на свѣтѣ у тебя,
Торгаша вдову-красавицу
Дожидается, любя!..
«Чѣмъ крушиться безо времени,
Даромъ сердце жечь себѣ,—
Вспомни, вспомни волю дѣвичью,
Погадай-ка о судьбѣ!.»

2.

...Загадавъ—не передумывать!—
Ленту въ косу заплела,
Крестъ сняла и передъ зеркаломъ
Свѣчи яркія зажгла.
Сѣла, смотритъ лебедь бѣлая,—
Очи темныя, какъ ночь,—
А докуки—точно не было,
А тоска умчалась прочь...
За окномъ мететъ метелица,
Словно водятъ хороводъ
Снѣги бѣлые пушистые
У тесовыхъ у воротъ;
Словно тройка прокатилася—
Съ гикомъ, съ посвистомъ лихимъ...

Что-же вздрогнула гадальщица
Передъ зеркаломъ своимъ?
Бѣлогрудая лебёдушка,
Черна-ворона жена,
Что-жъ ты нáвзничь запрокинулась,
Ровно въ смертный часъ блѣдна?
Опустились бѣлы рученьки,
Глазъ молодкѣ не отвесть;
«Чуръ меня» нѣтъ силы вымолвить,
Ни молитвы не прочесть!
На нес глядитъ изъ зеркала,—
Статенъ, молодъ и пригожъ,—
Кто—невѣдомо, лишь знаемо,
Что на мужа не похожъ:
Кудри смоль, глаза что уголье;
Черна бархата камзолъ,
Шапка—соболя сибирскаго...
Молвитъ: «Вотъ и я пришелъ!..
«Кто-же ты?»—«Да твой-то суженый!
Не гадала, не ждала?»
Усмѣхнулся, сѣлъ желанный гость
О-бокъ съ нею, у стола...
Кудри вьются, змѣи-змѣями,
Разсыпаются до плечъ;
Рѣчь повелъ,—сладка молодушкѣ
Показалась эта рѣчь!
Страхъ прошелъ; знать, поцѣлуями
Выпилъ гость его до дна,
Что на ласки не осталася
И красотка холодна:
Разгасилась-разгорѣлася,
Словно зоренька-заря,—
Заглядѣлася, заслушалась
Удальца-богатыря...
Поклялась великой клятвою,
Что, когда старикъ умретъ,—

За него, за добра молодца,
Вольной волею пойдетъ...
И, на грудь его могучую
Спрятавъ бѣлое лицо,
Отдала съ руки червонное
Обручальное кольцо...

3.

Обнялъ гость и помѣнялся съ ней
Перстенёчкомъ золотымъ...
Вдругъ пѣтухъ запѣлъ, и мо̀лодецъ—
Весь растаялъ, дымомъ-дымъ...
Поблѣднѣла раскрасавица,
Краше въ гробъ кладутъ другихъ;
Гдѣ стояла—тамъ и грянулась
Прямо на полъ въ тотъ-же мигъ...
Потемнѣло все, померкнуло
У молодушки въ очахъ;
Ретиво̀е разомъ смолкнуло,
Запеклася кровь въ устахъ...
А за дверью вьюга плакала
По хозяйкѣ старика:
«Рано замужъ ты собралася—
Отъ живого муженька...
«Твой-отъ суженый—неряженый
Появился неспроста:
Отъ него-бы оградилась ты
Силой Божьяго креста!..»
...Мужъ вернулся утромъ,—стараго
Не встрѣчаетъ молода̀;
Что съ ней было, что ей сталося,—
Не узналъ онъ никогда.
Снаряжали въ гробъ, съ руки у ней
Перстенька снять не могли,—
Съ нимъ отпѣли, схоронили съ нимъ
Въ глубь холодную земли...

Слухъ прошелъ, что по могильнику,
Въ святки, каждый Божій годъ,
Бродитъ ȍ-полночь покойница,—
Выкликаетъ и зоветъ;
И, кропя слезами горькими
Исхудалое лицо,
Заклинаетъ снять проклятое
Неразстанное кольцо...
Съ нимъ земля не приметъ бѣдную,—
Хоть лежи въ ней цѣлый вѣкъ!
Видно, суженый-то мȯлодецъ
Былъ совсѣмъ не человѣкъ!..

Подводная пустынь.

(Изъ заволжскихъ преданій.)

Были тяжелые дни;
Матушку-Русь полонила
Хана Батыя орда,
Злая татарская сила.

Гости лихіе пришли,
Справили пиръ-новоселье;
Пьянъ былъ отъ крови народъ,—
Двá вѣка длилось похмѣлье!

Гулко неслись за рубежъ
Страшнаго грома раскаты;
Зарево съ Волги, съ Тверцы
Видѣли даже Карпаты.

Наше Заволжье одно—
Уголъ страны необъятной—
Отъ разоренья спаслось,
Только не силою ратной!

Пустынь на Волгѣ была;
Бѣдные люди простые—
Въ ней за мірскіе грѣхи
Старцы молились святые.

Возлѣ опушки лѣсной
Встала, готовясь къ налёту,
Коршуновъ дикихъ орда
Станомъ въ страстную субботу.

Въ полночь воскресшій Христосъ
Шествовалъ свѣтлой стезёю,
Въ полночь великую—звонъ
Къ стану донёсся волною.

Тёменъ былъ лѣсъ вѣковой,
Все-же сквозь темныя ели
Зоркіе рысьи глаза
Въ храмѣ огни разглядѣли...

Бросилась нѐхристей рать
Волкомъ на стадо Христово,
Тучею стрѣлы взвились
Выше намёта лѣсного...

Смотритъ—не вѣритъ орда:
Вмѣсто монашескихъ келій
Всюду вода, да вода—
Озеро въ рамкѣ изъ елей;

Свѣтъ выбиваетъ со дна,
Благовѣстъ слышенъ оттуда.
Страха исполнился врагъ,
Въ страхѣ отъ Божьяго чуда...

Съ первою зорькою ханъ,
Думать не думавъ по-долгу,
Бросивъ путину свою,
Плыть порѣшилъ черезъ Волгу...

Дымомъ окутало Русь,—
Вся, какъ свѣча, запылала:
Нивы свои не дождемъ—
Кровью людской орошала;

6

Гибло княжое гнѣздо,
Рать полегала за ратью;
Только Заволжье одно
Божьей спаслось благодатью:

Мечъ и огонь пронесла
Мимо поганая сила;
Цѣлая матушка-Русь
Въ жертву себя приносила!

Много цѣпей на себѣ
Видѣли волжскія воды,
Только цѣпямъ не сломить
Нашей исконной свободы:

Вынесъ народъ богатырь
Грозной татарщины тягу;
Много тянулось другихъ
Къ старому русскому стягу!

Съ каждою новой бѣдой
Крѣпла родная держава,
Съ каждой грозою—цвѣла
Ярче народная слава.

Даже и Русь-то сама
Стала не Русь, а—Россія;
Гдѣ-же ей помнить тебя,
Дикая сила Батыя!

Всё измѣнилося въ ней;
Только одно нерушимо
Слово сказаній живетъ—
Старою Волгой хранимо...

Слово сказаній родныхъ,
Мощное, вѣчное слово!
Свѣтлый, кипучій родникъ—
Кладезь богатства родного!..

Каждую вёсну въ бору,
Въ самую полночь Святую,
Озеро ломитъ у насъ
Кровлю свою ледяную...

Въ самую полночь со дна
Каменный островъ всплываетъ:
Кельи и стѣны, и храмъ,—
Утреню клиръ совершаетъ.

Благовѣстъ льется окрестъ;
И въ облакахъ фиміама
Старцы святыню несутъ,—
Ходятъ вкругъ древняго храма.

Будитъ священный тропарь
Сонъ заповѣднаго бора,
Къ небу доходитъ напѣвъ
Древле-уставнаго хора...

Утромъ, какъ только заря
Лѣса окраситъ сѣдины,—
Острова нѣтъ и слѣда,
Ходятъ по озеру льдины...

Ночью-же—сорокъ ночей—
Слышенъ дорогой окольной,
Вмѣстѣ съ дыханьемъ весны,
Красный трезвонъ колокольный...

Правда, немногимъ дано
Видѣть своими глазами
Пу́стыни Божьей отцовъ,
Пѣніе слышать во храмѣ;

Только въ Святую-то ночь—
Въ ночь Воскресенья Христова—
Каждую вёсну встаетъ
Островъ изъ озера снова:

Богомъ завѣтъ положонъ
Старцамъ на вѣчные годы—
Силою вѣры спасать
Край отъ наносной невзгоды!..

28 марта 1894 г.,

С.-Петербургъ.

Изгой.

(Старое сказанье.)

I.

Князь-Юрью, изгою, обидъ не снести, —
Замучила дума изгоя:
Отъ горькаго срама ему не уйти,
Нѣтъ княжьей гордынѣ покоя...
У смердовъ рука на него поднялась, —
Свой ставленникъ смердамъ не дорогъ!
Поблажку давалъ, всѣмъ былъ «батюшка-князь»;
Мирволить не сталъ—«лютый ворогъ»...
Слышь, вирой зорилъ ихъ, былъ норовомъ крутъ,
Отъ правды-де шелъ онъ далече...
Волёнъ-ли надъ княземъ безсудный твой судъ,
Псковскòе мужицкое вѣче?!..
Такъ нѣтъ-же, не быть, не бывать по сему,—
Князь Юрій на столъ свой вернется;
Лихая обида—народу всему
Больнѣе еще отзовется!..
И мчится изгой на конѣ воронòмъ
За дальнія грани и межи;
И думаетъ Юрій: «Не хочешь добромъ —
Неволей поклонишься мнѣ-же!..»

2.

Привелъ на своихъ лиходѣевъ изгой,
Привелъ басурманскія рати;
Изъ дебрей лѣсныхъ полунóчной порой
Ко Пскову подкрались, какъ тати;
И стѣны со всѣхъ обложили сторонъ;
А въ городѣ—ночью не спали:
Надъ нимъ расплывался всполóхомъ трезвонъ,
Въ церквахъ—на молитвѣ стояли...
Молились усердно попы-чернецы,
Молились бояре и гости,—
Стрѣлой облетѣло пятйны-концы,
Что вороги жалуютъ въ-гости!
«Умремъ—не отворимъ ворота вовѣкъ
Насильнику, князю-изгою!»—
Клялся весь народъ, какъ одинъ человѣкъ,
Готовясь къ сидѣнью и къ бою...
Ночь—выколи глазъ!.. Не видать-бы ни зги,
Когда-бъ не пылали посады,
Когда-бъ деревень не палили враги!
Пожаръ—былъ кануномъ осады...

3.

Лилась надъ рѣкою Великой заря,
Надъ Зáпсковьемъ пáзори плыли;
И солнце взошло—первый день озаря
Псковской приснопамятной были...
«Князь-Юрью осадою стѣнъ заправлять:
Ему каждый камень въ нихъ вѣдомъ!»—
Вожди порѣшили... И сталъ снаряжать
Осаду изгой, тѣмъ-же слѣдомъ...
Былъ князь въ ратномъ дѣлѣ зѣло искушонъ·
На приступъ ударился съ тыла,—
Тамъ буйному Пскову великій уронъ
Могла нанести вражья сила!..

Догадливъ и свѣдомъ обиженный князь,—
Недаромъ сидѣлъ онъ во Псковѣ;
Ужъ башня воротъ подъ тараномъ тряслась,
Ужъ рѣки струилися крови!
Не долго-бъ и стѣнамъ дѣтинца стоять
Подъ Юрьевымъ натискомъ вражьимъ,—
Да вдругъ отошла басурманская рать,
Словамъ повинуяся княжьимъ...

4.

«На Русь, на святую, ты нѐрусь ведешь»,
Онъ слышитъ, откуда—не зная,—
«Славянскую доблесть врагу продаешь,
О славѣ родной забывая...
Обидѣли крѣпко тебя псковичи;
А вспомни, кàкъ правилъ ты ими?
На Юріѣ-князѣ обиду ищи:
Твое обезчестилъ онъ имя!
Онъ—ворогъ твой лютый!..»
Смутился изгой:
Обидчика дерзкаго взоры
Напрасно искали-бы всюду съ тоской,—
Онъ сердцемъ заслышалъ укоры!..
«Назадъ!» И враги отступили назадъ—
Туда, гдѣ дымились посады,
Гдѣ волны Великой свободу струятъ
И даже во время осады...

5.

«Заутра на приступъ, и—нашъ старый Псковъ!»
Князь молвитъ своимъ басурманамъ...
Вотъ, новое утро встрѣчаетъ враговъ
На небѣ пожаромъ багрянымъ...
«Гдѣ князь, гдѣ князь-Юрій?!...» Нѣтъ князя совсѣмъ:

Изъ стана полуночью темной
Пробрался онъ въ Псковъ—не услѣженъ никѣмъ,
Подъ рясою инока скромной...
Псковичъ на врага и нахлынулъ съ зарей—
Всѣмъ городомъ—дружно и смѣло;
И шелъ впереди чернаризецъ-герой,
Замысливщій тайное дѣло...
Погибнуть-бы Пскову! Погибъ, да не онъ:
Враги-басурмане бѣжали—
За крѣпи лѣсныя, за горный услонъ...
Гдѣ былъ побѣдитель—не знали!..
Не могъ онъ тоски покаянной снести,
Обиду свою успокоя!
И прянулъ князь-Юрій въ стремнину рѣки,
И—приняли волны изгоя...

Святогоръ.

Въ старину Святогоръ-богатырь,
Чуя силу въ себѣ дерзновенную,
Въ часъ недобрый надумалъ рукой
Приподнять-опрокинуть вселенную.

И на борзомъ своемъ скакунѣ
Онъ поѣхалъ въ путину не малую,—
Ѣдетъ тягу земную искать,
Видитъ гору вдали небывалую...

«Ужъ не здѣсь-ли?!..» И плеткой коня
Онъ ударилъ рукою могучею,—
Ко̀нь взлетѣлъ, словно птица, наверхъ
И, какъ вкопанный, всталъ по-надъ кручею...

Слѣзъ съ сѣдла богатырь Святогоръ,—
Хоть-бы птица—кругомъ, перелетная!
Ни души... Только смотритъ: предъ нимъ
Словно сумка лежитъ перемётная...

Поклонился землѣ богатырь,
Хочетъ сумку поднять: не воро́хнется...
Что̀ за диво! Ни взадъ, ни впередъ...
А вокругъ вѣтерокъ не шело̀хнется...

Понатужился,—потъ въ три ручья
Покатился съ лица загорѣлаго,
И тревога за сердце взяла
Святогора, воителя смѣлаго...

«Чтò за нéчисть!.. Такъ нѣтъ-же, умру,
«А не дамъ надругаться надъ силою!..»
И опять приналёгъ богатырь,
И—гора стала силѣ могилою:

Гдѣ стоялъ, тамъ онъ въ землю ушелъ,
Не сдержавъ богатырскаго норова,
Вмѣстѣ съ тягой земною въ рукахъ...
Тамъ—и *мѣсто* теперь *Святогорово!..*

На горѣ, на крутой, дò сихъ поръ—
Тамъ, гдѣ бездна-оврагъ разверзается,
Камень-конь своего сѣдока
Больше тысячи лѣтъ дожидается...

А кругомъ—только вѣтеръ шумитъ,
Вѣтеръ пѣсню поетъ неизмѣнную:
—«Не хвалился-бы ты, Святогоръ,
Приподнять-опрокинуть вселенную!..»

1893 г., ноябрь.

Смерть-невѣста.

(Изъ германскихъ народныхъ легендъ.)

На Рейнѣ, въ старомъ замкѣ, жилъ
Богатый юный графъ,
На утрѣ лѣтъ, во цвѣтѣ силъ
Имѣвшій гордый нравъ...
    Онъ холостъ былъ; найти не могъ
    Невѣсты по себѣ,—
    Къ себѣ былъ слабъ, а къ людямъ — строгъ,
    Наперекоръ судьбѣ...
Плѣнить собою не могли
Красавца-гордеца
Красотки—цвѣтъ родной земли,
Сжигавшія сердца...
    «У насъ, на Рейнѣ, нѣтъ невѣстъ»,—
    Сказалъ однажды графъ,—
    «Скорѣе—въ путь изъ этихъ мѣстъ,
    «Туда, за грань дубравъ!
«Коня!..» Осѣдланъ борзый конь—
Въ снарядѣ боевомъ,
Не конь, а вѣтеръ, а огонь!
Поѣхалъ графъ на немъ...
    Вотъ, лѣсомъ ѣдетъ онъ густымъ
    На вѣрномъ скакунѣ
    И видитъ,—дѣвушка предъ нимъ
    Мелькнула въ сторонѣ...

Остановилъ коня сѣдокъ,
Снялъ черный свой берэтъ,
Поклонъ—красоткѣ: «Ты—цвѣтокъ,
«На свѣтѣ краше нѣтъ!
«Клянуся небомъ и землей,
«Что буду счастливъ я
«Въ объятьяхъ встрѣтить смерть съ тобой,
«Красавица моя!..»
А та въ отвѣтъ:—«Возьми, возьми
«Меня въ свою страну!
«Во мнѣ къ своей груди прижми
«Невѣсту и жену!..»
Красотку рыцарь посадилъ
Бокъ-о-бокъ на коня;
И конь, какъ вихорь, подхватилъ,
Копытами звеня...
Въ объятьяхъ графа трепеталъ
Воздушно-нѣжный станъ,
Счастливцу очи застилалъ
Волшебныхъ грезъ туманъ...
—«За этотъ мигъ, за этотъ часъ
Готовъ я умереть!..»
Онъ повторялъ несчётно-разъ...
И началъ день темнѣть...
Ночь принесла на крыльяхъ тьму...
Графъ смотритъ: при лунѣ,
Сидитъ—прижалася къ нему
Старуха на конѣ,—
Взвѣваетъ вѣтеръ клочья косъ,
Старухи косъ сѣдыхъ,
Въ ея дыханіи—морозъ
Зимы степей нагихъ...
Зловѣщій страхъ сжимаетъ грудь,
А конь летитъ стрѣлой;
А путь—надъ бездной вьется путь.
«Кто ты?!»—«Красавецъ мой,

«Свою-ль невѣсту не узналъ?
«Не самъ-ли ты сейчасъ
«За мигъ блаженства отдавалъ
«*Мнѣ* жизнь?! Насталъ мой часъ!..»
И обняла она его...
И—рухнулъ навзничь графъ,
Въ подругѣ сердца своего,
Въ невѣстѣ—смерть узнавъ...

Красная Весна.

Посвящается Петру Васильевичу Быкову.

I.

То не бѣлая купавица
Расцвѣла надъ синью водъ,—
Съ Красной Горки раскрасавица,
Ярью-зеленью, идетъ.
Пава-павой, поступь ходкая,
На ланитахъ—маковъ-цвѣтъ,
На устахъ—улыбка кроткая,
Свѣтелъ-радошенъ привѣтъ.
Красота голубоокая,—
Глубже моря ясный взглядъ,
Шея—кипень, грудь высокая,
Руса-косынька—до пятъ.
Лѣтникъ—прàзелень, оборчатый
Облегаетъ стройный станъ;
Голубой подъ нимъ, узорчатый
Аксамитный сарафанъ...
За повязку, зернью шитую,
Переброшена фата:
Ото взоровъ неукрытою
Расцвѣтаетъ красота..
Ни запястій, ни мониста нѣтъ,
Ожерелій и колецъ;

И безъ нихъ-то взглянешь—выстынетъ
Сердце, выгоритъ въ конецъ!
Слѣдомъ, всюду, за дѣвицею,—
Ступитъ красная едва,—
Первоцвѣтомъ, медуницею
Запестрѣетъ мурава.
Гдѣ прошла краса,—дѣлянками
Цвѣтъ-подснѣжникъ зажелтѣлъ;
Стелетъ лѣсъ предъ ней полянками
Ландышъ, руту, чистотѣлъ...
Въ темномъ лѣсѣ, на левадѣ-ли,
По садамъ-ли,—соловьи
Для нея одной наладили
Пѣсни первыя свои...
Чу, гремятъ: «Иди, желанная!
«Будь привѣтлива-ясна!
«Здравствуй, гостья богоданная!
«Здравствуй, Красная Весна!..»

2.

Знай—спѣшитъ, идетъ безъ роздыху
Раскрасавица впередъ;
Отъ нея—волной по воздуху—
Радость свѣтлая плыветъ.
Птичьи пѣсни голосистыя
Переливами звенятъ;
Травы-цвѣтики душистые
Льютъ медвяный ароматъ.
Сыплетъ солнце дань богатую—
Злато-сѣребро лучей—
Въ землю, жизнью тороватую,—
Ослѣпляетъ взоръ очей;
Проникаютъ въ глубь подземную—
Чудодѣйно-горячи,—
Выгоняютъ подъяремную
Силу вешнюю лучи.

Выбиваетъ сила вόлнами,
Расплывается рѣкой,—
Силу пригоршнями полными
Черпай смѣлою рукой!
Набирайся мочи нà-лѣто
По веснѣ, родимый край!
Всюду силы стόлько налито,—
Сила плещетъ черезъ-край!..
То не заревомъ отъ пламени
Утромъ пышетъ даль, горя,—
Въ зеленѣющія рамени
Льются золота моря.
Лѣсъ дремучій, степь раздольная,
Хлѣбородныя поля,—
Дышетъ силой вся привольная
Неоглядная земля...
Что ни день—то ароматнѣе
Духовитые цвѣты;
Что ни пядь—всё необъятнѣе
Чары вешней красоты...
Всё звончѣй, звончѣй крылатая
Пѣсня, въ честь ея, слышна:
«Расцвѣтай, красой богатая,—
«Царствуй, Красная Весна!..»

3.

Въ полномъ цвѣтѣ—раскрасавица,
Заневѣстилась совсѣмъ,—
Всѣмъ купавицамъ—купавица,
Алый розанъ—розамъ всѣмъ!
Закраснѣлся лѣсъ шиповникомъ,
Въ незабудкахъ—всѣ луга,
Розовѣетъ степь бобовникомъ;
Въ небѣ—радуга-дуга.
Время къ Троицѣ... Далёко-ли
Праздникъ дѣвичій—Семикъ!

По низинамъ-ли, высо́ко-ли,—
Всюду зеленъ березни́къ...
Заплетать вѣнки-бы, за́годя,
Краснымъ дѣвушкамъ себѣ,—
Ужъ гадать пора на заводи
О негаданной судьбѣ!
Вётлы—по́лны чернымъ галочьемъ;
Возлѣ вётелъ, въ тальникѣ,
Ночью выкликомъ русалочьимъ
Кто-то кличетъ на рѣкѣ...
Впрямь—русалки по-надъ во́дами
Плясъ заводятъ по ночамъ,—
Тѣшатъ сердце хороводами
На соблазнъ людскимъ очамъ.
То они—порой вечернею,
Выплывая тамъ и тутъ,
Надъ водой, повитой чернію,
Зелень косъ своихъ плетутъ...
Семь ночей—въ Семикъ—положено
Вспоминать былое имъ,—
Такъ судьбою наворожено,
А не знахаремъ мірскимъ!
Семь ночей имъ—въ волю вольную
Пѣть-играть у береговъ,
Жизнь посельскую-попольную
Зазывать къ себѣ съ луговъ...
И по логу неоглядному
Семь ночей ихъ пѣснь слышна:
«Уступай-ка лѣту страдному
«Царство, Красная Весна!..»

Могила троихъ.

Изъ пѣсенъ Намалъ-Балклада *).

(Киргизская легенда.)

I.

Ты видишь пустынныя горы вдали,
Пустынныя бѣлыя горы?
За ними—зелёныя степи легли,
Чаруя собою всѣ взоры..

А черную сопку въ горахъ мѣловыхъ
Ты видишь?!. Въ степяхъ называютъ
Её—неприступной «Могилой троихъ»,—
Надъ ней духи смерти летаютъ...

Не любятъ киргизы холодной зимы;
Чуть землю обниметъ сѣдая,—
Всѣ ждутъ—не дождутся, когда изъ тюрьмы
Вернется весна молодая...

Раскинетъ Аллахъ свой весенній шатеръ
Для всѣхъ на просторѣ широкомъ,—
Ни стѣнъ, ни дверей не увидитъ тамъ взоръ,
Гдѣ западъ сойдется съ востокомъ...

---

*) *Намалъ-Балкладъ*—киргизскій пѣвецъ-импровизаторъ, жившій въ 80-хъ гг. въ Тургайской области, близъ Мугоджарскихъ горъ.

Родимая степь! Твой узорный халатъ
Пестрѣй всѣхъ халатовъ султана;
Кто видѣлъ тебя, тотъ вернется назадъ—
Къ тебѣ изъ долинъ Фарзистана!..

2.

Стояла весна; бѣлый день угасалъ,
Зарей пламенѣя надъ степью;
Въ небесныхъ мечетяхъ Аллахъ зажигалъ
Огни надъ гористою цѣпью...

Хоть сладко звучали въ затишьи степей
Пѣвучія струны курая,
Да слаще звенѣлъ сандугачъ-соловей,
Баянъ Магометова рая...

Тургайскихъ улусовъ орлица-краса—
Джанымъ—шла тропинкой степною;
У ней расплелася густая коса,
И слезы блистали росою...

Съ обидой бороться—ни воли, ни силъ;
Измѣна—острѣе кинжала!
Джанымъ—удалой Акъ-Булакъ разлюбилъ,
И смерти она лишь искала...

Летѣла орлица къ пустыннымъ горамъ,
Гдѣ ворономъ сопка чернѣла;
И—бросилась въ бездну, отдавши червямъ
Въ добычу и душу, и тѣло...

3.

За лѣтомъ въ темницу весну увели
Проворные слуги тумана...
Одна—увяданья наряда земли
Совсѣмъ не видала Майдана...

Сказалъ ей батырь Акъ-Булакъ удалой;
«Къ Майданѣ весну ворочу я!»
И сердце раскрылось у розы степной
Цвѣткомъ—отъ его поцѣлуя...

Но горъ Мугоджарскихъ джигита-орла
Никто не удержитъ собою:
Ему—только вольная воля мила,
Онъ—тѣшится только борьбою!

Его отовсюду умчитъ аргамакъ;
Да только отъ сабли туркмена
На немъ не ушелъ молодой Акъ-Булакъ:
Сразила она, какъ измѣна!..

Надъ черною сопкой, въ горахъ, онъ убитъ
Слугою подземнаго мрака...
Джанымъ! Спи спокойно: съ тобой твой джигитъ...
Майдана! Не жди Акъ-Булака!..

4.

Привольемъ степей пролетала мятель,
Въ горахъ пировали шайтаны;
Всю ночь оставалась холодной постель
Въ богатой кибиткѣ Майданы..

На красной бухарской кошмѣ предъ огнемъ
Сидѣла она одиноко;
А вѣтеръ стоналъ за кибиткой: «Пойдемъ!
«Здѣсь—твой Акъ-Булакъ недалёко!..»

И вышла Майдана, за вѣтромъ пошла,—
Не шла, а на крыльяхъ летѣла,—
И тамъ—молодого джигита нашла,
Гдѣ спали два мертвыя тѣла...

Измучилъ её этотъ путь, страшный путь,—
Казалось, ему и конца нѣтъ,—

Упала она на любимую грудь
И въ мертвыя очи не взглянетъ...

А вѣтеръ молвой прокатился въ степяхъ,—
Сказанія съ вѣтромъ летаютъ:
Всѣ—черную сопку на бѣлыхъ горахъ
«Могилой троихъ» называютъ!..

С.-Петербургъ,

30 ноября 1893 г.

Доброгнѣва.

(Стародавняя быль.)

Оплотъ страны поляковъ—
На Русь изъ-за Карпатъ,
Глядитъ вельможный Краковъ,
Какъ царственный магнатъ.
    Въ кругу шляхе́тныхъ пановъ,
    Въ дворцѣ занявшихъ роль,
    Подъ звонъ коронныхъ жбановъ
    Пируетъ панъ-король...
Лилась Днѣпромъ,—съ водою
Мѣшалась братьевъ кровь·
Взяла верхъ надъ враждою
Славянская любовь!
    Тому, кто счёта ранамъ
    Не зналъ въ честно́мъ бою,
    Круль самъ льетъ по стаканамъ
    Мальвазіи струю.
Кунтушъ на немъ бобрами
И соболемъ подбитъ;
Надъ черными кудрями
Вѣнецъ, какъ жаръ, горитъ...
    Хвала и слава миру!
    Покончена война;
    Добычей Казимиру—
    Красавица-жена...
Любви и миру слава,—

Хвала и слава той,
Что̀ въ гриднѣ Ярослава
Сіяла красотой!..
У ней—повадка княжья,
Гроза—въ огнѣ очей;
А грудь-то, грудь лебяжья...
А голосъ—соловей...
Изъ всѣхъ сестеръ привѣтнѣй
Душа у ней была—
Знойна, какъ полдень лѣтній,
Какъ быстрый ключъ—свѣтла.
Цвѣтовъ весны моложе
Красавицы мечты,
А сердце въ ней дороже
Цвѣтущей красоты!
На вѣно—въ память свадьбы,
Въ подарокъ—ей готовъ
Яснѣйшій круль отдать-бы
Сокровища отцовъ:
—«Цвѣтныхъ каменьевъ зерни,
«Казнѣ—потерянъ счетъ;
«Отъ па̀новъ и отъ черни
«Къ намъ золото течетъ!
«И фряжскій бархатъ рытый,
«И жемчуга лари,
«Багрецъ, шелками шитый,—
«Что хочешь—все бери!..»
Но сердце чье богато,
Кто самъ—звѣздой блеститъ,—
Того не тѣшитъ злато,
Жемчу̀гъ и аксамитъ!—
«Не нужны мнѣ на вѣно
«Каменья-жемчуги;
«А злато драгоцѣнно—
«Для Польши береги!..
«Въ темницахъ, скрытыхъ строго

«Отъ зоркихъ глазъ чужихъ,
«Томится плѣнныхъ много...
«Пусти на волю ихъ!»
Круль глянулъ на крулеву:
—«Да будетъ по сему!»
И—славятъ Доброгнѣву
По городу всему...
Не блещутъ алебарды,
Не машутъ бердыши...
Поютъ сѣдые барды,—
Имъ въ ладъ—звенятъ ковши!..
Богатъ весельемъ Краковъ—
Оплотъ земли родной;
И счастливъ круль поляковъ
Съ крулевою-княжной...
А съ краковскаго склона—
И здѣсь, и тамъ, и тутъ—
Изъ польскаго полона
Толпы на Русь идутъ...
Бокъ-о-бокъ, съ ними вмѣстѣ,
Къ Днѣпру изъ-за Карпатъ,
Летятъ орлами вѣсти
Въ родимый Кіевъ-градъ:
Отъ дочери-крулевы
Къ отцу поклонъ-привѣтъ,—
«Счастливѣй Доброгнѣвы
«На бѣломъ свѣтѣ—нѣтъ!..»

Князь-богоборецъ.

(Скандинавская сказка*).

I.

Жилъ-былъ князь въ странѣ безвѣстной—
Непомѣрно-гордый князь;
Передъ княжеской гордыней
Всё дрожало, преклонясь.
Князь ходилъ въ чужія земли,
Всюду нёсъ огонь и мечъ:
Города предъ нимъ пылали,
Кровь лилась въ разгарѣ сѣчъ...
Побѣдители пощады
Не дарили никому—
Старцамъ, женщинамъ и дѣтямъ,
Никому и ничему!
День отъ дня и годъ за годомъ—
Слава княжая росла;
Имя—ужасъ наводило,
Съ нимъ удача о̀-бокъ шла...
Вывозилъ онъ изъ сожженныхъ—
Разоренныхъ городовъ
Горы се́ребра и зла̀та,
Горы скатныхъ жемчуго̀въ...

*) Мотивъ Андерсена.

Въ славной княжеской столицѣ,—
Не дома, а всё дворцы;
Князя воины—богаты,
Что заморскіе купцы...
«Слава князю! Князю слава!»—
Раздавалося кругомъ...
Слава отъ моря до моря
Шла-всплывала рубежомъ...
Въ шумномъ хорѣ славословья
Не слыхали стоновъ-слезъ,—
Хоть ко княжескому замку
За собой ихъ вѣтеръ несъ...
Гордъ былъ князь добытой славой,
Князь говаривалъ не-разъ:
«Мы—сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ!
«Равныхъ въ мірѣ нѣтъ для насъ!..
«Мы за нашей колесницей,
«Какъ диковинныхъ звѣрей,
«На цѣпяхъ, на золочёныхъ,
«Водимъ плѣнныхъ королей...
«Наша воля—счастье наше,
«Воля наша—всѣмъ законъ...
«Захотѣть,—къ намъ силы неба
«Сами прйдутъ на поклонъ!..»
А однажды, за пирушкой,
Предъ дружиной князь-гордецъ—
Выпивъ пѣннаго не въ мѣру—
Разбахвалился въ конецъ:
«Наши статуи—повсюду
«По широкимъ площадямъ,—
«Захотимъ, и—станутъ люди
«Имъ молиться по церквамъ!..»
—«Полно, князь!»—сказали князю:
«Ты великъ, но ты—не Богъ!
«Съ Нимъ помѣряться-поспорить
«Даже ты бы самъ не смогъ!..»

И—безумно ослѣплённый
Буйной гордостью своей—
Князь рѣшилъ идти войною
Противъ Князя всѣхъ князей...
Вся въ тревогѣ, вся въ смущеньи—
Внемлетъ тѣмъ-же днемъ страна:
«Противъ Бога, противъ Бога
«Объявляется война!..»

2.

Княжьей волею, воздушный
Снаряжонъ корабль... И вотъ—
Въ немъ, что по морю по синю,
Князь по воздуху плыветъ...
Пестрой росписью расписанъ
Кузовъ чудо-корабля;
Всюду—пушки-самопалы
Смотрятъ, князя веселя...
Князь—одинъ плыветъ, безъ войска,
И не надобно его:
Корабельныя пружины
Крѣпче войска самого...
Тронь-ка ихъ, нажми легонько
Хоть одну, иль двѣ изъ нихъ,—
Оглушитъ могучій грохотъ
Ста снарядовъ боевыхъ!..
Князь плыветъ, князь къ солнцу правитъ...
Далекóнекъ путь, ой-ой!...
Князь плыветъ, проклятья сыплетъ,
Вызываючи на бой...
«Одолѣть и Бога впору
«На такомъ-то кораблѣ»,—
Мыслитъ онъ,—«война и въ небѣ,
«Чай, одна—что на землѣ!..
«Мы поборемся, поспоримъ!
«Пусть посмотрятъ: кто—кого!

«Выходи!..» И видитъ—туча
Держитъ прямо на него...
Грянулъ залпъ... А туча—мимо,
Пава-павой проплыла;
Только князя, малымъ дѣломъ,
Подмочила-залила...
«Выходи!..» И чу—заслышалъ
Князь далёкій зовъ трубы...
«Ну,—подумалося князю,—
«Близокъ, близокъ часъ борьбы!
«Что-жъ, борьба—бойцу не внòвѣ,
«Сердце тѣшится борьбой!..»
Смотритъ князь, глядитъ и—что-же?!.
Комариный видитъ рой...
Вотъ они—кружатъ-толкутся,
Подлетѣли къ кораблю;
Впереди—трубачъ играетъ:
«Прочь съ дороги! Раздавлю!..»
Ухмыльнулся князь: «Ну, это—
«Не опасные полки...
«Богатырская сноровка;
«Ростомъ—нè взяли, мелки!..»
Что за невидаль?! Съ налёту
Жалятъ въ руки и въ глаза,—
Не поспѣть и отмахнуться!..
«Тьфу ты, пропасть!.. Знать, гроза,—
«Знать, сегодня дождикъ будетъ...
«Нѣтъ отбою, сладу нѣтъ!..»
Комары—загрызть грозятся
Князя въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ:
Жалятъ въ носъ, набились въ уши,—
Такъ и пляшутъ передъ нимъ...
Князь—за мечъ, мечомъ-булатомъ
Машетъ въ воздухѣ своимъ...
Князь—къ пружинамъ чудодѣйнымъ,
Срыву-срòзмаха нажметъ,—

Грянутъ пушки—затрясется
Весь корабль, весь самолётъ...
Комарамъ—и горя мало:
Невредимъ ихъ малый полкъ,—
Хоть пали безъ передышки—
Врядъ-ли выйдетъ больше толкъ!..
А комаръ-трубачъ всё тру́битъ...
Сбросилъ князь съ кудрей шеломъ;
Князь сорвалъ съ себя кольчугу,—
Бьется-мечется кругомъ..
Князь—ревмя-реветъ отъ боли,—
Глазъ не смотритъ, носъ распухъ...
Предъ напастью небывалой
Князь забылъ свой гордый духъ:
«Боже, Боже мой!»—взмолился,—
«Помоги мнѣ, помоги!..»
Нѣтъ помо́ги... Одолѣли
Побѣдителя враги...
Всталъ онъ на́-бортъ корабельный
И— долой, туда—къ землѣ;
Комары одни остались
На отбитомъ кораблѣ...
Гордый князь упалъ въ болото,
Прямо въ тину головой,
И, захлёбываясь иломъ,
Слышитъ о́крикъ: «Братецъ мой!
«Гдѣ ужъ намъ бороться съ Богомъ!..
«Похвальба-то не хитра,
«Да посмотришь, разглядишься,—
«Не осилить комара!..»
Князь не зналъ, чей слышалъ голосъ...
Это—квакала въ тиши,
На болотинѣ, лягушка—
Забираясь въ камыши...

Несмѣяна-королевна.

(Изъ русскихъ сказокъ.)

I.

Былъ король на свѣтѣ—Мѣсяцъ,
И богатъ, и тороватъ;
А про мѣсяцеву славу
Людямъ звѣзды говорятъ.

Былъ онъ старъ, какъ неба пологъ,—
Вдовъ, но не былъ одинокъ:
Онъ не сéребро, не злато—
Дочку въ теремѣ берегъ...

Дочка старому—дороже
Всѣхъ сокровищъ дорогихъ,
Взоръ красавицы свѣтлѣе
Искрометныхъ звѣздъ ночныхъ...

Вдругъ подѣялося лихо,
Вдругъ—попритчилося ей,—
Скрылась ясная улыбка
Королевниныхъ очей;

Потускнѣлъ румянецъ алый,
И—печальна, и блѣдна—
Изъ Свѣтланы въ Несмѣяну
Превратилася она...

Что ни дѣлалъ старый Мѣсяцъ,
Какъ ни думалъ, ни гадалъ,
А весёлой дочь родную
Въ жизни больше не видалъ...

А, ужъ кажется, веселью
Во дворцѣ и смѣны нѣтъ,—
Тамъ шуты и скоморохи
Собираются чуть-свѣтъ;

Тамъ волынки не смолкаютъ,
Пѣснямъ-пляскамъ—нѣтъ конца,
И гостей смѣняютъ гости
У тесоваго крыльца...

И пиры, и состязанья;
Что ни день, то—новый пиръ!
Тамъ—къ услугамъ королевны
Всё, чѣмъ веселъ Божій міръ...

Да—всѣмъ на́-диво, на горе —
Лишь она не весела!
А недавно—всѣхъ счастливѣй,
Веселѣе всѣхъ была...

2.

Былъ на свѣтѣ дивный островъ,
Островамъ всѣмъ царь—Буянъ;
Отдѣлялъ его отъ міра
Непроѣздный океанъ.

Тамъ поля, сады и рощи
Златомъ-се́ребромъ цвѣли;
Тамъ каменья-самоцвѣты
Осыпали грудь земли;

Тамъ летали, гнѣзда вили
Стаи цѣлыя жаръ-птицъ;

Тамъ рѣзвились, вмѣстѣ съ ними,
Хороводы царь-дѣвицъ...

Тамъ стоялъ дворецъ алмазный
Надъ медвяною рѣкой;
Во дворцѣ—престолъ высокій
Изъ жемчужины морской.

Въ той жемчужинѣ хранился
Чудо-камень, алатырь;
На престолѣ красовался
Солнце—отрокъ-богатырь...

Камень жизни, камень счастья,
Камень мудрости небесъ—
Алатырь таилъ отъ смертныхъ
Силы вѣчныя чудесъ;

И сіялъ изъ-подъ престола
Онъ, какъ ранняя заря!..
Охраняли дивный камень
Гридни Солнышка-царя—

Исполинская дружина
Безъ сѣкиръ и безъ мечей:
Свита всё и всѣхъ на свѣтѣ
Сожигающихъ лучей...

А вокругъ дворца безсмѣнно
Въ рядъ, бывало, день и ночь,
Семь Вѣтровъ—семь грозныхъ братьевъ—
Всё чужое гонятъ прочь...

И до острова Буяна
Ввѣкъ никто не доплывалъ,—
Корабли еще далёко
Билъ на щепки бурный валъ...

3.

Жилъ, да былъ на свѣтѣ бѣломъ,
Въ царствѣ Мѣсяца, лихой
Запѣвало кудреватый,
Корабельщикъ молодой...

Полюбился корабельщикъ,
Пуще стараго отца,
Королевнѣ свѣтлоокой,—
Зазнобила молодца...

Сколько было и бывало
На дворцовыхъ, на пирахъ
Королевичей заморскихъ
У Свѣтланы на глазахъ...

Сколько сваталось—напрасно:
Всѣмъ остуда, всѣмъ отказъ...
Былъ одинъ—милѣе-краше
Для прекрасныхъ этихъ глазъ!..

Ровно снѣгъ весенній—таялъ,
Сохнуть началъ онъ съ любви;
А у юной королевны—
Пламя-полымемъ въ крови...

Королю-бы имъ открыться,
Ну—погнѣвался-бъ отецъ,
Да и грянула-бы пѣсня:
«Скуй, кузнецъ, имъ златъ-вѣнецъ!..»

Нѣтъ, рѣшила королевна
Испытанье наложить:
«Ищешь доли, хочешь счастья—
«Такъ съумѣй его добыть!..»

«Ты,—сказала,—всё исплавалъ;
«А ходилъ-ли въ океанъ?

«А слыхалъ-ли ты про островъ,
«Островамъ всѣмъ царь—Буянъ?!.

«Алатырь есть камень,—слышалъ,—
«Въ царствѣ Солнышка-царя?!.
«Привези его—невѣстѣ...»
И уплылъ онъ за моря...

И увезъ съ собой улыбку
Королевны молодой
Кудреватый, черноглазый
Корабельщикъ удалой...

4.

Время шло... Давно пора-бы
Воротиться моряку
И подаркомъ драгоцѣннымъ
Съ Несмѣяны снять тоску!..

Гости ѣдутъ, сваты идутъ;
Ста царевичамъ—отказъ:
Милый сталъ еще милѣе,
Какъ пропалъ у ней изъ глазъ...

Встосковалась королевна:
«Доля горькая моя!..
«Не леталъ-бы ты, мой соколъ,
«Въ чужедальніе края!..

«Ой, не плавалъ бы ты, гоголь,
«Въ нелюдимый океанъ,
«Не искалъ-бы дивный островъ,
«Островамъ всѣмъ царь—Буянъ!

«Неужели, милъ-желанный,
«Неужели ты не зналъ,
«Что отъ Мѣсяца до Солнца
«Ввѣкъ никто не доплывалъ?!.»

Встосковалась... Встосковался,
На́ дочь глядючи, отецъ...
Вдругъ, негаданно-нежданно,
И пришелъ ему конецъ:

Умеръ-померъ старый Мѣсяцъ,
Свѣтъ очей померкъ-погасъ...
Воцарилась Несмѣяна
Въ королевствѣ въ тотъ-же часъ...

Изъ дворца ушло веселье;
Нѣтъ ни пѣсенъ, ни пировъ,
Ни разгульныхъ дней утѣшныхъ,
Ни веселыхъ вечеровъ...

Одного—ждетъ королевна,
Да его-то—нѣтъ какъ нѣтъ;
А прошло съ его отъѣзда
Много-много долгихъ лѣтъ!

Не дождаться морехода:
Корабельщикъ молодой
Въ дальнемъ морѣ-океанѣ
Спитъ глубо́ко подъ водой...

5.

Отчего луна печальна,
Почему она блѣдна?
Потому, что Несмѣяной
Прозывается она!..

День-деньской краса томится
Въ бѣлоду́бовомъ дворцѣ
Во нарядѣ подвѣнечномъ
И съ фатою на лицѣ...

Только вечеръ-мгла настанетъ,
Только ночь къ землѣ сойдетъ,—

Королевна Несмѣяна
Къ морю синему идетъ

И съ подругами-звѣздами,
Надъ затихшею землей,
Вдаль плыветъ въ дали лазурной—
Вѣковѣчною стезёй...

И—полна тоски глубокой,
И тоской любви горя—
Ищетъ путь непроторённый
Въ чужедальнія моря,—

Въ тѣ моря, куда поѣхалъ
Добывать подарокъ ей
Тотъ, кому она чесала
Гребнемъ мягкій шелкъ кудрей;

Тотъ—кого она украдкой
Миловала въ поздній часъ,
Обнимала-провожала
Въ сторонѣ отъ зоркихъ глазъ,—

Кто ей сталъ еще дороже
Съ той поры, какъ за неё
Загубилъ въ волнахъ бурливыхъ
Счастье тайное свое...

Не дождаться морехода,
Подъ вѣнецъ съ нимъ не пойти!
А до острова-Буяна
Всѣ затеряны пути...

Всё равно: чуть ночь раскинетъ
Свой шатеръ надъ зыбью водъ,
Королевна Несмѣяна
Къ морю синему идетъ...

Перстень.

(Поволжская бывальщина.)

1.

Загорѣлась рѣка отъ холодныхъ лучей,
Отъ холодныхъ лучей блѣднолицей луны;
Смотритъ-воззрилась ночь взоромъ звѣздныхъ очей
На песчаное дно, гдѣ лежатъ валуны...

2.

Посреди валуновъ, утопая въ пескѣ,
Зо̀лотъ-перстень блеститъ; въ немъ алмазъ-самоцвѣтъ;
Красовался-горѣлъ онъ на бѣлой рукѣ,
Да прошло съ той поры, много мѝнуло лѣтъ...

3.

Тайны крѣпко хранятся въ рѣчной глубинѣ,
Да не всякую тайну схоронишь навѣкъ:
Говорлива бываетъ волна по веснѣ,
А подслушать горяздъ и волну человѣкъ!..

4.

По народу—окрестъ ходитъ-бродитъ разсказъ,—
Что въ забытые дни стародавнихъ времёнъ
Здѣсь былъ лѣсъ, а въ лѣсу хоронился отъ глазъ
Воровской городокъ—молодецкій притонъ...

5.

Налетали на Волгу, за лѣсъ, удальцы;
Далекó заводилъ ихъ орёлъ-атаманъ...
Натерпѣлись отъ кречетовъ вольныхъ купцы,—
Рѣдкій—мимо ихъ рукъ проплывалъ караванъ!..

6.

А съ налёта—на станъ возвращались они;
Тамъ дѣлили дувáнъ, зарывали казну;
Тамъ—свои коротали веселые дни,
Заливая виномъ добытую вину...

7.

Съ гнѣздъ однажды снялись разудалые прочь,—
Полетали за лѣсомъ, слетѣлись опять:
Смѣхъ-веселье у всѣхъ; только тёменъ, что ночь,
Атаманъ: онъ привезъ небывалую кладь!...

8.

Изъ добычи несмѣтной онъ взялъ—лишь её:
Злата, жемчуга, тканей персидскихъ не жалѣ,—
Всё смѣнялъ на одну; развѣ горе свое
Взялъ въ придачу, да лютую думу-печаль!..

9.

Грѣхъ таить,—дорога-дорога кладь была:
И не видывалъ станъ краше этой красы,—
И статна, и пышна, и румяна-бѣла,
И чернѣли, что смоль, двѣ змѣи—двѣ косы..

10.

Зазнобила-зажгла молодецкую кровь:
Пить не пьетъ, ѣсть не ѣстъ,—спитъ и видитъ во снѣ
У лихихъ—атамана отбила любовь
Къ полонянкѣ-красѣ, къ чужемужней женѣ...

11.

Ночь-полнóчь, атаманъ—черной ночки темнѣй;
Бѣлый день, атаману—свѣтъ ясный не милъ...
На запорѣ сидитъ, хороводится съ ней,
А склонить на любовь вольной волей—нѣтъ силъ!..

12.

Не сдаётся на ласку, пыталъ и грозить,—
Не берутъ и угрозы:—«Въ твоихъ я рукахъ,
«Да убей ты, зарѣжь—не заставишь любить,
«Коль жена я другому!..» И пламя въ очахъ...

13.

«Ой, со мной не шути!.. Силой, слышь ты, возьму!..»
Анъ не взять,—понапрасному тратитъ слова!
А люба; да вѣдь такъ полюбилась ему,
Что отъ думъ тяжела на плечахъ голова...

14.

Не слыхать про наѣзды... Заржавѣетъ мечъ
Въ золочёныхъ ножнàхъ у него на боку...
Борзый конь позабудетъ, какъ духомъ изъ сѣчь
Выносилъ атамана на полномъ скаку...

15.

Заскучали по крови давно молодцы,
Отлежали бока на тиснёной кошмѣ;
А лежать не охочи совсѣмъ удальцы,
А не роздыхъ, не сонъ у лихихъ на умѣ!..

16.

Время шло... Зашумѣлъ весь притонъ воровской...
До ушей атамана молва донеслась:
«Ужъ не сиднемъ-ли сталъ онъ за бабьей спиной?
«Али больно, знать, пò сердцу ласка пришлась?!.

17.

«Баба, мы-ли,—одно что ни есть,—выбирай!..»
Слышитъ молвь удалой... А краса:—«Отпусти!
«Отпусти, аль убей!.. Не крушись, не терзай!..»
—«Отпуститьʔ!. Нѣту, нѣтъ!.. Удаль-воля, прости!..

18.

«Эхъ, прости ты, прощай, удалое житьё!..
«Нѣтъ!.. Коль ласки ужъ мнѣ не извѣдать твоей,
«Такъ никто отъ меня не дождётся её,
«Такъ никто-жъ и твоихъ не увидитъ очей!..»

19.

Взялъ онъ, на руки поднялъ её со скамьи,—
Вышелъ за̀ дверь, да вмѣстѣ—съ обрыва, въ рѣку...
Только ночь, да луна услѣдить и могли,—
Гдѣ любовь атаманъ схоронилъ, гдѣ тоску!..

20.

Крѣпко обнялъ лихой полонянку-красу,
Крѣпче-жарче впился поцѣлуемъ въ уста;
Не застигъ ихъ никто въ сыръ-дремучемъ лѣсу,—
Тайну свято хранили глухія мѣста!..

21.

Много-ль, мало-ли времени-вѣку прошло,—
Подняла ихъ со дна прибылая вода;
По теченью тѣла́ далеко̀ унесло,
Гдѣ имъ пристань нашлась—не узнать никогда...

22.

А съ руки у красавицы, съ бѣлой, упалъ
Золотой перстенёкъ,—въ нёмъ алмазъ-самоцвѣтъ,—
И упалъ онъ въ песокъ, и въ пескѣ пролежалъ
Вплоть до нашей поры—много дней, много лѣтъ!

23.

Пролетѣли вѣка... Безпотёмная ночь,
Полнолунная ночь, залегла надъ рѣкой,—
Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то бахвалилась мочь,
Гдѣ когда-то стоялъ городокъ воровской...

24.

Были дни, да ушли,—утекли, что рѣка;
Лѣсъ дремалъ кондовой, тёменъ боръ-богатырь,—
На сто верстъ не отыщешь теперь и пенька:
Поле-полемъ кругомъ—неоглядная ширь!..

25.

Ночь легла... Загорѣлась рѣка отъ лучей,
Отъ холодныхъ лучей вѣковуши-луны;
Увидала луна, гдѣ лежатъ валуны,
Видитъ—перстень блеститъ, разомъ вспомнила: чей!..

Чудище-Ложь.

Посвящ. Алексѣю Никол. Будищеву.

I.

О бываломъ—у насъ,
Въ людяхъ, память легка,—
Но дошелъ вѣщій сказъ
Про былые вѣка...

Дивамъ сказокъ родныхъ,
Порожденію тьмы,
Силѣ духовъ земныхъ
Покорялися мы...

Видѣлъ взоръ, слышалъ слухъ,
Чуялъ разумъ людей:
Чтò ни пядь, то и духъ;
Чтò ни духъ—лиходѣй!

Издѣвались они
Надъ пугливымъ умомъ,
Все—на что ни взгляни—
Населяли кругомъ:

Жилъ въ дому домовой,
А въ бору—лѣсовикъ,
На рѣкѣ—водяной,
На поляхъ—полевикъ...

Избылась быль давно;
Только,—вѣрь, иль не вѣрь,—
Живо лихо одно
На Руси и теперь!..

2.

Не зачуешь его,—
Гдѣ не думалъ—найдешь,—
Не щадитъ ничего;
Имя чудищу—Ложь...

Вмѣстѣ съ міромъ на свѣтъ
Ложь изъ тьмы рождена,—
Ходитъ тысячи лѣтъ
О-бокъ съ людомъ она:

Гдѣ есть живъ-человѣкъ,—
Смердъ-ли онъ, онъ-ли князь,—
Знай—вѣкуетъ съ нимъ вѣкъ,
Въ городахъ обжилась...

Не изъ былья-травы,—
Что въ пылу не горитъ,—
Вѣдьма-Ложь изъ молвы
Злыя зелья варитъ;

Въ зелья злыя свои
Подбавляетъ она,
Вмѣсто яда змѣи,
Хмѣльной лести вина;

Ей молва—что трава,
И разрывъ-перелётъ,—
Не скупясь на слова,—
Ложь повсюду найдетъ...

3.

Ни обличья у ней,
Ни примѣтъ, ни слѣдовъ;

Не стыдится друзей,
Не боится враговъ...

Хоть сердца—всѣ въ полонъ
Полонитъ Ложь себѣ,
Ей—проклятья въ поклонъ
На ея ворожбѣ..

Съ кривдой, злобной душой,
Побраталася Ложь;
Правдѣ-чести мірской
Молвь облыжная—ножъ...

Ложь правдивымъ словцомъ
Обернется подчасъ,—
Влезетъ въ ухо вьюномъ,
Отведетъ зоркій глазъ;

Ложь отравитъ любовь,
Сгубитъ сѐмью въ конецъ,—
Пьетъ горячую кровь
Изъ горячихъ сердецъ...

Заворо̀житъ съ лихвой
Взоръ и чувство, и слухъ
Этотъ духъ роковой—
Неотвязчивый духъ!..

4.

Ой ты, гой еси, Ложь!
Ты—Горынчище-Змѣй!..
Охъ, когда-жъ ты уйдешь—
Улетишь отъ людей?!.

Темной силѣ навѣкъ
Путь заказанъ у насъ:
Свѣтомъ живъ человѣкъ,
Правдой—живъ каждый часъ!

Полно!.. Будетъ тебѣ
Волховать на міру...
Лжешь на горе себѣ,
Залгалась—не къ добру!..

Разсѣвается тьма,
Развѣвается дымъ,—
Захлебнешься сама
Лютымъ зельемъ своимъ...

Царство чернаго зла,
Силу духовъ земныхъ
Затуманила мгла
Лихолѣтій былыхъ,—

Все пропало вдали...
Что-же ты? Ты-то что-жъ
Не уходишь съ земли,
Злое чудище, Ложь?!.

Пиръ въ камышахъ.

1.

За зеленымъ частоколомъ
Молодого лозняка
Вмѣстѣ съ по́свистомъ весёлымъ
Слышенъ топотъ трепака.
    Пѣсня льется—вьется хмѣлемъ
    По обоимъ берегамъ;
    Нѣтъ конца звенящимъ трелямъ,
    Счета—звонкимъ голосамъ...
Пѣснѣ въ ладъ, надъ всей рѣкою
Изъ росистыхъ камышей,
Вмѣстѣ съ гусельной игрою,
Раздаётся звонъ ковшей...
    То не сила-ль водяная
    Разгулялась не къ добру
    И затѣяла—лихая—
    Пѣсни-пляски на пиру?!.

2.

Только ночь, развѣсивъ пологъ,
Закупалась въ лознякѣ;
Только тысячами пчёлокъ
Звѣзды вспыхнули въ рѣкѣ,—
    Только сторожъ неба—мѣсяцъ—
    Справилъ свой ночной дозоръ

И забросилъ подъ навѣсецъ
Тёмныхъ вётелъ свѣтлый взоръ,—
Какъ—голодныхъ глазъ приманка—
Показалась изъ воды
Мигомъ скатерть-самобранка;
Съ ней—и снѣди, и меды...
Что откуда ни взялося!
И на пиръ, за браный столъ,
Столько званыхъ набралося,
Что незваный прочь пошелъ...
Нѐчисть вся поднялась сò-дна,—
Водяному дѣду честь,—
Вдоволь всѣхъ, кого-угодно,
А русалокъ—и не счесть!..

3.

Сколько ихъ — въ бурмицкихъ бусахъ,
Съ вѣчнымъ смѣхомъ на устахъ,
Молодицъ зелёнорусыхъ—
Разыгралось въ камышахъ!..
Всѣ онѣ—сѣдому любы,
Всѣ—одна передъ одной;
И у всѣхъ алѣютъ губы,
Грудь колышется волной...
Да *одна* ему дороже
Всѣхъ русалокъ, всѣхъ сестёръ;
Только что-то у пригожей
Грусть туманитъ ясный взоръ...
Ото всѣхъ подругъ подàль
Встала водъ рѣчныхъ краса...
Горе тайное, невзгода-ль?
Что-же съ ней за чудеса?!.

4.

Вонъ ужъ тамъ она—гдѣ лозы
Побѣжали на обрывъ,—

И поётъ, поётъ сквозь слезы,
Косы наземь распустивъ...
И поетъ-зоветъ, не зная,
Какъ приkликать, какъ назвать,
Хоть однимъ глазкомъ желая
Всё кого-то повидать...
Вся полна былымъ, завѣтнымъ
И отъ слезъ дыша едва—
Шепчетъ пошептомъ привѣтнымъ
Полюбовныя слова:
«Соколъ ясный, милъ-желанный!
«Какъ тебя мнѣ разлюбить?..»
Но тоски ея нежданной—
На рѣкѣ не утопить!..
А предъ ней—за частоколомъ
Камышей и лозняка,
На пиру, на развесёломъ,
Такъ и пляшетъ вся рѣка...

Степь-урочище.

(Кантата-фантазія.)

1.

Черезъ всю-то Русь крещёную,
Безъ пути, да безъ дороженьки,
Разстилалась степь-урочище,
Пустошь-глушь непроходимая...

2.

Выростала вёсну каждую
Въ той степи одна бурьянъ-трава;
Степь глушило безо времени
Чернобылье непролазное...

3.

Проторяли въ немъ тропиночки
Сиромахи-волки стаями,
А надъ ними проносилося
Чёрно-вóронье съ мятелями...

4.

Хоронилась сила-моченька—
Испоконъ-вѣковъ нетронута,
Ни сохою не распахана,
Острымъ плугомъ не ворóхнута...

5.

Пропадала даромъ силушка—
Безъ заклятья въ кладь уложена,
Кладъ великій—мочь богатая,
Вѣковая, черноземная...

6.

Ой, ты, степь-ли, степь-урочище,
Глухоморье запустѣлое!
Встань ты, выдь ты, утро ясное!..
Всплыло,—смотритъ красно солнышко...

7.

Смотритъ солнце: ратью-рать идетъ,
Рать-дружинушка хоробрая,
Сила-воинство несмѣтное,
Ополченье богатырское...

8.

Только чтой-то не мечи блестятъ,
Чтожъ не копья мурзамѐцкія,
Чтожъ не сабли, не булатныя,
Бранный стягъ не вѣетъ пѓо-вѣтру?!.

9.

Видитъ солнце: слѣдомъ, зȁлежью,
Тянутъ кони сохи, бороны;
Видитъ солнце: косы звонкія
Рѣжутъ пóдъ-корень бурьянъ-траву...

10.

Смотритъ солнышко: урочищемъ,
Новью поднятой-распаханной,
Бороздами проложóными
Идутъ странники съ кошницами...

11.

Идутъ-сѣютъ, крестнымъ знаменьемъ
Осѣняя грудь могутную,—
Сѣютъ жито горстью-при́горшней—
Рожь, пшеницу бѣлоярую...

12.

Видитъ солнце: зеленѣются
Зеленя́, волнами зыблются,
Въ одночасье въ колосъ мечутся,
Одночасьѐмъ наливаются...

13.

Тамъ-же, гдѣ коса работала,
Тамъ—трава-ковыль высокая,—
Словно скатерть, шелкомъ шитая,—
Надъ покосомъ разстилается;

14.

Ковылёмъ-травой шелко̀вою—
Мелкой зернью понасыпаны,
Что узоры шемаханскіе,
Алы цвѣтики—лазоревы...

15.

Смотритъ солнце: степью-нивою,
Вслѣдъ за ратью богатырскою,
Невеличка-рать веселая—
Гусляры́ бредутъ, утѣшники...

16.

То не звонъ, не красный звонъ, плыветъ,
То не волны бьются-плещутся,—
Вьется ласточкой-касаточкой
Пѣсня гуслей перекатная;

17.

Взговорили мысли-гусельцы,
Самогуды говорятъ-поютъ;
Пѣсню ладятъ загусельщики
Старокладную, умильную:

18.

«Исполать»,—несется нивою;
«Исполать»,—травою стелется,—
«Исполать вамъ, люди добрые,
«Исполать вамъ! Богъ вамъ нà-помочь!..

19.

«Ой, пропàсть-бы силѣ зàлежью,—
«Да нашлась на силу силушка:
«Обернулась черноземная
«Вольной нивой колосистою!

20.

«Слава Богу, слава нà небѣ,
«Осударю—на Святой Руси!
«Воеводѣ—честь, оратаю;
«Слава—пахарямъ-дружинникамъ!..»

Королевская милость.

(Эпизодъ 1240 года).

I.

Были дни: костры пылали,
Орошались кровью плахи;
Ополчались на евреевъ
Кэнтербрійскіе монахи.

Но Британію нежданно
Облетѣла вѣсть живая,
Всѣхъ «отверженцевъ закона»
Въ сѣнь законовъ призывая.

Вѣсть изъ лондонскаго замка
Бѣлой птицей—альбатросомъ
Пронеслась къ горамъ, къ долинамъ,
Къ моря шумнаго утёсамъ.

Услыхавъ ее въ Оксфордѣ,
Подхватилъ Кэмбриджъ съ Линкольномъ;
Долетѣла вѣсть къ Ламаншу
Словно звономъ колокольнымъ...

Объявляетъ Генрихъ Третій,
Недовѣріе посѣявъ,
Что второй парламентъ—новый
Учрежденъ имъ для... евреевъ.

«Милость,—сказано въ декретѣ,—
«Вѣрноподданнымъ короны,
«Милость—всѣмъ безъ исключенья,
«Кто блюдётъ страны законы!..»

2.

...«Короли—жидамъ мирволятъ!..»
На декретъ въ обидѣ перы:—
«Ну, не думали дожить мы
«До такой постыдной мѣры!..»

Графы, лорды, баронеты—
Возмущенные глубо́ко—
Короля зовутъ безумцемъ,
«Жертвой регентства Пемброка»...

И несется гордый ропотъ
По наслѣдственнымъ палатамъ:
«Онъ забылъ, что есть на свѣтѣ
«Magna Charta Libertatum!»

Но еврейскіе раввины,
Но англійскіе гао́ны
Собираются немедля
Въ путь, куда зовутъ законы...

«Что-то будетъ?.. Будь, что̀ будетъ!..»—
Мыслятъ старцы, хмуря брови,—
«Неужели больше станетъ
«Литься нашихъ братьевъ крови?!.

«Или—горемъ, Боже правый,
«Переполнилася чаша?
«Или—раньше всѣхъ взлетѣла
«Къ небесамъ молитва наша?!.»

3.

«Parlamèntum Judaicum»...
Самъ король, самъ Генрихъ Третій,
Обращается къ собранью
Съ рѣчью, полной междометій...

Говорилъ—довольно много
Онъ объ ихъ и общемъ благѣ,
Говорилъ—и не короче—
О британскихъ войскъ отвагѣ;

Кончилъ рѣчь,—всѣ обомлѣли...
Да и какъ не обомлѣть имъ,
Повторяя заключенье
Вслѣдъ за Генрихомъ, за Третьимъ?!.

«Каждый годъ»,—сказалъ ораторъ
(Рѣчи смыслъ лишь тутъ сталъ ярокъ),—
«Каждый годъ вы обсуждайте,
«Ка̀къ вамъ двадцать тысячъ марокъ—

«Доставлять въ казну короны...
«Первый срокъ—чрезъ двѣ недѣли!..»
Кончилъ, всталъ, ушелъ со свитой...
Долго ра̀вви вслѣдъ глядѣли...

4.

...Не безумецъ, видно, Генрихъ...
Даже—слишкомъ онъ умненекъ,—
Если выдумалъ парламентъ
Для своихъ «карманныхъ денегъ»!..

Заплатили... Годъ отъ года,
Словно что-то роковое,
«Милость» Генриха къ евреямъ
Возростала ровно вдвое...

Двадцать тысячъ золотыми...
Сорокъ тысячъ... А не въ силѣ,—
Такъ всегда за недоимки
Кровью сборщики платили...

И—опять костры дымились,
И—опять кропили плахи
Кровью равви и гаоновъ
Хладнокровные монахи...

Горислава.

(Былинное сказанье *).

I.

Былъ въ Кіевѣ пиръ... За дубовымъ столомъ
Сидѣлъ князь Владиміръ съ дружиною;
Варяжская чара летала орломъ,
Братаяся съ русской братиною.

Добрыня, Алёша и старый Илья,
И вся-то дружина хоробрая
Была на пиру—побратимы-друзья,
Семья богатырская добрая.

Молчалъ хлѣбосольный хозяинъ—угрюмъ,
Какъ черная туча грозовая,—
Ни хмѣль не боролъ непокладистыхъ думъ,
Ни пѣсня не тѣшила новая...

Вдругъ—слышатъ: сѣдой запѣвало-гусляръ
Наладилъ игру по старинному
И грянулъ подъ звонъ опорожненныхъ чаръ—
«Ой, гоже-ль быть князю единому?!.»

И видятъ всѣ гости,—князь-солнышко са̀мъ
Очами сверкнулъ соколиными,

---

*) По варіантамъ былины «Сватъ-Добрыня».

Провелъ княженецкой рукой по кудрямъ,
Бровями метнулъ соболиными:

—«И впрямь,—не добро мнѣ единому быть..
«Безъ солнца встоскуются пàжити,—
«Безъ любы-княгинюшки нѐлюбо жить,
«А съ нѐмилой—лучше не княжити!

«А гдѣ-жъ мнѣ по сердцу невѣсту найти,—
«По сердцу-ль, по норову княжьему?!.»
Добрыня смѣется:
—«Свѣтъ-княже! Идти
«Заутра намъ къ Полоцку вражьему...»

2.

Тѣсною стѣною Полоцкъ обложила
Кіевскаго князя воинская сила.

«Покорись, Всеславичъ!»—бирючи кричали;
Съ полоцкаго валу стрѣлы отвѣчали.

Стольный князь Владиміръ, юный воевода,
Сáмъ пошелъ на приступъ къ башнямъ Рогволода.

Дрогнули бойницы стараго заплота,
Рухнули подъ кручу древніе ворота.

Долго-ли, корóтко-ль сѣча здѣсь кипѣла,—
Смѣтилъ и Всеславичъ, что пропало дѣло;

Видитъ—въ полочанахъ духъ отваги вымеръ,—
Покорился гордый:
— «Твóй верхъ, князь Владиміръ!..»

3.

Минулъ день; другой—на смѣну...
Побѣдителю въ почетъ,

Побѣжденный князь на-славу
Столованье задаетъ...
Вкругъ дѣтинца городского—
Кіевлянъ, варяговъ рать
Послѣ боя, возлѣ тына,
Встала станомъ отдыхать...
Въ Рогволодовыхъ палатахъ,
За разубраннымъ столомъ,
Славя князя и Перуна,
Пьютъ дружинники кругомъ...
Да не радошенъ Владиміръ,
Да не веселъ Рогволодъ,—
Честь побѣдная не тѣшитъ,
Пиръ безчестья не беретъ!
А Добрыня—Рогволоду:—
«У тебя въ свѣтлицѣ есть
«Дочь-красотка, Горислава...
«Покажи намъ, сдѣлай честь!..»
Ахнулъ князь, когда увидѣлъ,—
Не встрѣчалъ такой красы,
Ни очей, что сине-море,—
Ни, что тёмна-ночь, косы...
А Добрыня: «Помнишь, княже,—
«Не добро едину быть?!.»
Смотритъ князь; а сердце—князю:
«Съ ней—тебѣ тоску забыть!..»
Заглядѣлась на касатку
Княжьихъ соколовъ семья—
И Алёша-младъ Поповичъ,
И сѣдой старикъ Илья.
—«Слышь, Всеславичъ!»—князь промолвилъ:
«Шелъ я ворогомъ къ тебѣ,
«А пришелъ,—глазамъ не вѣрю,—
«А пришелъ—къ своей судьбѣ!..
«Стольно-кіевскаго князя
«Хочешь взять себѣ въ зятья?

«Не шучу,—клянусь Велесомъ —
«Полоцкъ — твой, княжна — моя!..»
Глянулъ старый: «Грѣхъ неволить!..
«Любъ, скажи, аль нѣлюбъ князь?»
Дочь-красавица — ни слова,
Зорька-зоренькой зажглась...
«Любъ! ой, любъ!..»—кричитъ Добрыня...
И чрезъ весь-то Полоцкъ-градъ
О нежданномъ рукобитьѣ
Рѣчи стрѣлами летятъ...
Изволеньемъ Свѣтлояра—
Свадьбу въ Полоцкѣ игралъ
Князь Владимiръ, двѣ недѣли
Князя-тестя ублажалъ...
А путемъ-дорогой въ Кiевъ
Пролетѣла вѣсть—прошла,
Что красою Горислава
Славу бранную сожгла!..

Удаль.

I.

То не диво-ли, не чудо-ль?—
Всѣ, кого-то ни спроси,
Всѣ гуторятъ, что про удаль
Не знавали на Руси...

Словно въ часъ недобрый заметь
По-надъ ними пронеслась,—
Старикамъ отшибло память:
«Не слыхали отродясь!..»

Молодёжь не надивится,—
Только молвить про нее!
Точно мнѣ, подижъ-ты, снится
Слово русское мое!..

«Удаль? Не было печали!
«А была—такъ умерла,
«И молва по ней едва-ли
«Долговѣчнѣе была!..»

Полно! Бросьте молвь пустую!..
Совѣсть зазритъ слушать васъ..
Видѣлъ я её—живую—
На святой Руси у насъ!..

2.

Въ годы пращуровъ ѣзжала
Удаль въ полѣ боевомъ
Нараспашку, безъ забрала
И звалась богатыремъ...

Съ некрещеными ордами,
Въ одиночку, съ грудью грудь,
Билась голыми руками,—
За рубежъ торила путь...

Лютыхъ вороговъ разила
Удаль русская сплеча;
И росла, росла въ ней сила—
И хмѣльна, и горяча...

Въ новоградскомъ славномъ вѣчѣ
На стѣну стѣною шла,
Завершала боемъ рѣчи,
Въ старый Волховъ кровь лила...

Удаль-мочь въ былые годы
Убѣгала отъ цѣпей—
Съ буйной жаждою свободы—
Въ глушь лѣсовъ и въ глубь степей...

На просторѣ вольныхъ становъ,
По лѣсистымъ Жегулямъ,
Выбирала атамановъ
Удаль соколамъ-орламъ...

То она — грозна весельемъ, —
Задавала бранный пиръ,
Не страшась передъ похмѣльемъ,—
Пиръ на весь боярскій міръ...

То она—развѣявъ пламень,
Шла съ ватагой Ермака
За далёкій Поясъ-Камень,
Разливаясь, что рѣка...

Удаль кречетомъ смотрѣла
Въ очи Грознаго царя,
Не боялась «слова-дѣла»,
Правду-матку говоря...

Удаль русская! Не ты-ли
Волги пѣнила струи?
Не съ тобой-ли въ Каспій плыли
Стеньки Разина ладьи?!.

3.

Пусть тебѣ—безъ латъ и въ латахъ—
На распутьи не стоять,
Въ царскихъ гридницахъ-палатахъ
На гусельцахъ не играть,—

Нѣтъ, пускай, разбойныхъ становъ
Въ Жегуляхъ и на Дону,
Славныхъ былью атамановъ,
Звавшихъ къ волѣ старину...

Но не ты-ль и въ наше время
Водишь соху на поляхъ,
Трудового пота бремя
Подымаешь на плечахъ?

А не ты-ли шла съ войсками—
За Балканы, въ край чужой,
Устилая путь костями,
Братьямъ жертвуя собой?

А не ты-ль, платя съ лихвою
Дань бездолью и тоскѣ,
Пляшешь съ нищенской сумою
Во притынномъ кабакѣ?!.

«На Руси ея нѣтъ!..»—Ой-ли?!.
Бросьте праздныя слова!
А не удалью родной-ли
Пѣсня русская жива?!.

1895 г., 26 января.

Послѣдній богатырь.

1.

Прямоѣзжею дорогой—
За лѣсовъ дремучихъ крѣпь—
Конь несётся рѣзвоногій,
Скачетъ всадникъ черезъ степь.

2.

Синей сталью воронёной
Латы искрятся на нёмъ;
Силой чаръ заговорённый—
Смѣлый взоръ горитъ огнемъ.

3.

На червлёной однорядкѣ—
Красный опашень-кафтанъ;
Вьются кудри въ безпорядкѣ;
Полонъ звонкихъ стрѣлъ колчанъ.

4.

Каждый взглядъ—стрѣла, зарница;
На кудряхъ блеститъ шишакъ...
Конь подъ всадникомъ—конь-птица,—
Скокъ—силёнъ, и вѣренъ шагъ...

5.

Городами, иль по сёламъ
Путь лежитъ ему,—за нимъ
На судьбу глядитъ веселымъ
Самый хмурый нелюдимъ!

6.

Поровняется съ палатой,—
Гостю: «Милости прошу!..»
Онъ—не брезгаетъ и хатой,
Подвернётъ и къ шалашу!..

7.

Гдѣ не ладится веселье,
Только воззрится въ народъ,—
Грусть разгонитъ—какъ похмѣлье,
Скуку—шуткой отведетъ.

8.

Смотритъ тризной похоронной
Пиръ-бесѣда безъ него,—
Съ нимъ, что съ вѣрной обороной,
Не боишься ничего!..

9.

Ни за что онъ не въ отвѣтѣ,
Съ нимъ—приволье въ мірѣ жить;
Онъ одинъ—волёнъ на свѣтѣ
И въ бездольи не тужить.

10.

Онъ заразъ, чудесной силой,
Можетъ быть во всѣхъ мѣстахъ,—
Гдѣ докуки нѣтъ постылой,
Гдѣ—улыбка на устахъ...

11.

Гдѣ печаль—туда путина;
Гдѣ веселье—тамъ давно
Подъ окномъ стоитъ дѣтина...
Не дивиться—мудрено!..

12.

И несется кличъ: «Дивитесь!
«Нѣтъ ему ни въ чемъ помѣхъ!
«Это—славный русскій витязь,
«Богатырь послѣдній—Смѣхъ...»

Безродная.

Посвящ. Никол. Никол. Златовратскому.

I.

«Христосъ воскресъ!»—урочною
Порою полунóчною
Гудитъ со всѣхъ сторонъ;
Гудётъ-растетъ раскатами
Надъ нивами, надъ хатами
Великодневный звонъ.

Просёлками окольными
Съ волнами колокольными—
Волнá-волной—плыветъ
Распутьемъ бездорожія
Радѣтель храма Божія—
Посельщина-народъ.

Сіяютъ церкви яркія,
Костры пылаютъ жаркіе
По стаявшимъ буграмъ;
Въ оградахъ—ходы крестные,
Хвалы-стихи воскресные
Выводятъ по крюкамъ.

И вся земля крещеная
Внимаетъ—умиленная—
Святымъ словамъ небесъ;

Вся—въ голосъ отзывается,
Вся—въ кличъ одинъ сливается:
«Воистину воскресъ!..»

2.

Заутреню съ обѣднею
Стояла ты,—послѣднею
От̀ъ паперти пошла—
За силой богомольною
Бобылкою бездольною
Къ деревнѣ изъ села.

«Ни роду-то, ни племени!»—
Крушилась не ко времени,
Въ пресвѣтлый день Христовъ—
Грустна̀, что пѣснь разстанная,
Блѣдна̀, что даль туманная,
Смутна̀, что мгла лѣсовъ.

Въ чужомъ углу пригрѣтая,
Попрёками отпѣтая—
Не знала доли ты;
И на̀-сердцѣ таилися.
Въ слезахъ тоски роилися
Залётныя мечты.

Не веселъ праздникъ радостный,
Трезвонъ не красенъ сладостный,
Не свѣтелъ солнца свѣтъ,
За зорькой-зоряницею—
За красною дѣвицею—
Занявшійся вослѣдъ...

3.

«Христосъ воскресъ, желанная!»—
Послышалась нежданная
Молвь—тихій голосокъ...

Кто́-жъ кинулъ слово встрѣчное,
Словечушко сердечное,—
Сироткѣ—невдомёкъ!

Повитъ-ли бѣлой дымкою,
Подъ шапкой-невидимкою,
Весенній легкій духъ
Встревожилъ рѣчью краткою,
Разнѣжилъ вмигъ украдкою
Дѣвичій чуткій слухъ?

Иль вѣтеръ—гость непрошенный,
Стрѣлою за́-лѣсъ брошенный,
Шепнулъ съ налёту ей
Слова́, для всѣхъ обычныя,
Одной-то ей не свычныя
Среди чужихъ людей?!.

Безродному, бездольному
Хоть воздуху-бы вольному,
Хоть вѣтру—быть сродни!
А то они, безсчастные,
Въ дни-ль—нѐпогодь въ дни-ль ясные,
Всегда, всегда одни!..

4.

Погостъ... Кресты съ часовнями—
Надъ ровнями-неровнями
Ровнёхонько стоятъ,—
Подъ тёмными ракитами,
Листвой не пріукрытыми,
Столпились въ тѣсный рядъ...

Шла вплоть, остановилася
Горюша,—осѣнилася
Родительскимъ крестомъ;

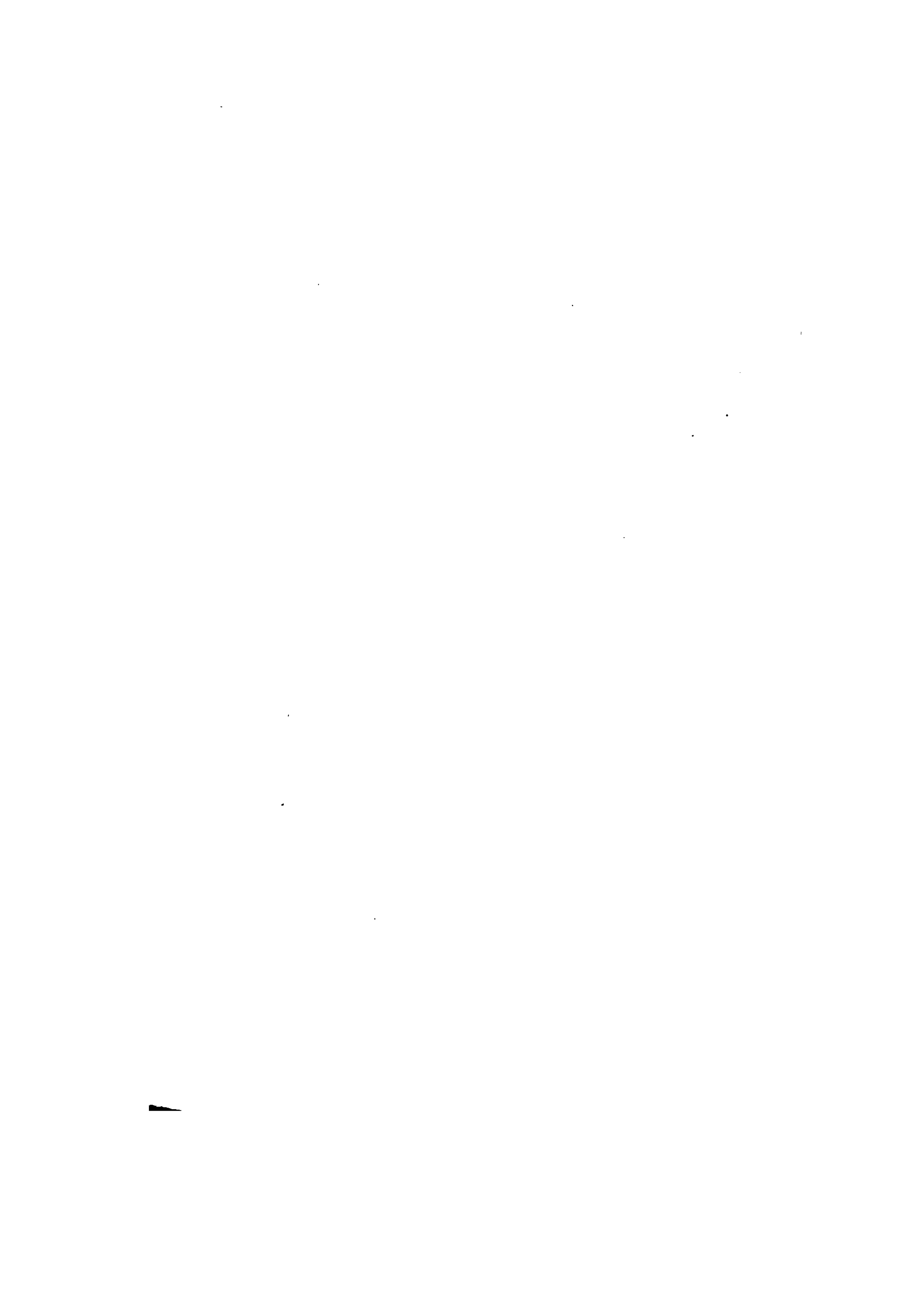
Чу,—сердце всполохнулося:
Всё встало-ль, всё-ль проснулося
На кладбищѣ пустомъ?..

«Христосъ воскресе, сроднички,
«Подземные колоднички!»
И—чудо изъ чудесъ:
Вся ширь, вся даль окрестная
Откликнулась, безвѣстная,—
«Воистину воскресъ!..»

Идти безродной—радостнѣй:
Плыветъ за ней все сладостнѣй
Пасхальный звонъ церквей;
Вступилъ съ нимъ въ жизнь обиженныхъ,
Бездольныхъ и униженныхъ
Христосъ, воскресшій въ ней...

III.

ОТГОЛОСКИ.

Подъ знамя святого труда!
Подъ знамя любви благородной,—
Забитая жизнью нужда,
Стекайся дорогой свободной!..

За этою дивной четой
Идти можно прямо и смѣло—
На каждый призывъ молодой,
На всякое честное дѣло.

Трудъ вынесетъ всё на плечахъ,
Силёнъ богатырскимъ терпѣньемъ;
Любовь загорится въ сердцахъ—
Покажется трудъ наслажденьемъ.

Любя—мы душою смѣлѣй;
Спорится съ любовью работа,
И пѣсня звенитъ веселѣй,
И легче лихая забота.

Дружнѣй—за работу, друзья,—
На пользу родимаго края!
Работниковъ смѣлыхъ семья,
Трудись, на любовь уповая!..

На всю святорусскую ширь
Раздайся ты, голосъ народный:
«Да здравствуетъ Трудъ-богатырь
«Съ Любовью живой и свободной!..»

Женщинѣ.

Дорогу—той, друзья,—ктò намъ въ земномъ пути
Поможетъ смѣлою и мощною любовью
Страданій тяжкій крестъ до гроба донести,
Отдавъ себя на судъ безсудному злословью!..

Привѣтъ и откликъ—той, кому повѣрить мы
Во всемъ, вездѣ, всегда съ душой открытой можемъ,—
Кто сердцемъ видитъ всё среди житейской тьмы,
Чью совѣсть мы ничѣмъ напрасно не встревожимъ!..

Благословенье—той, кто, въ смуту нашихъ дней,
Идетъ—надѣяся, любя и даже вѣря...
И слава, слава—той, кто кротостью своей
Умѣетъ укрощать въ насъ человѣка-звѣря!..

1894 г., 28 декабря.

Долина вражды.

Посвящ. Александру Константиновичу Шеллеру.

I.

...И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной
Медлительной, усталою стопой;
И шелъ Онъ—праведникъ на всей землѣ единый,
Учитель кроткій и благой.

Предъ Нимъ раскинулись широкой пеленою
Безбрежныя, безмолвныя поля;
Дышали небеса живительной весною,
Но смертью вѣяла земля.

Надъ солнцемъ выжженной, затоптанною нивой
Взошелъ другой—негаданный посѣвъ,
Засѣянный враждой людей нетерпѣливой,
На гибель пахарямъ созрѣвъ.

Тѣла, одни тѣла бѣлѣлися повсюду
На темени полей безплодныхъ и нѣмыхъ;
И труповъ каждую бѣлѣющую груду
Смѣняла груда тѣлъ другихъ.

И всюду между нихъ, запекшись алой кровью,
Обрызгавшей мечи и копья, и щиты,
Склонялись къ мертвецамъ, приникнувъ къ изголовью,
Кроваво-красные цвѣты...

Дорогу торную порою заграждали
Громады сѣрыя—развалины камней;
Вилась она змѣей, теряясь въ темной дали,
И кровь ручьемъ лилась по ней.

Незримо, надо всѣмъ широкимъ кругозоромъ,—
Гдѣ жизнь еще вчера кипѣла и цвѣла,—
Витала Смерть, молніеноснымъ взоромъ
Считая мертвыя тѣла.

И тучей грозною на дальнемъ небосклонѣ—
Какимъ-то призракомъ безформеннымъ, сѣдымъ—
Въ багрянцѣ зарева, какъ въ пурпурномъ виссонѣ,
Тянулъ съ пожарищъ ѣдкій дымъ.

А надъ угрюмою долиною печальной,
Надъ этимъ кладбищемъ — погостомъ безъ гробницъ,
Не слышавшимъ святой молитвы погребальной,
Кружились стаи черныхъ птицъ...

Кружились стаи птицъ, въ своей тревогѣ жадной
Готовыя начать въ долинѣ злобы пиръ...
И было имя той долинѣ безотрадной—
Подлунный міръ!..

2.

...И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной
Усталою, медлительной стопой;
И шелъ Онъ—праведникъ на всей землѣ единый,
Учитель кроткій и благой.

Съ понуреннымъ челомъ, закрывъ глаза рукою,
Ланиты оросивъ струёю жгучихъ слезъ,
Въ Себѣ, въ Своей груди, измученный тоскою,
Онъ всѣ страданья міра нёсъ.

А въ памяти Его—далёкія, иныя,
Вѣка безсмертія вѣнчавшія собой—
Картины яркія и образы живые
Всплывали пестрою гурьбой.

Вставали передъ Нимъ долины Галилеи
И Галилеянинъ, вмѣстившій Божество
Въ Свою земную плоть... Сіонъ и фарисеи...
И проповѣдь нагорная Его...

Любовь великая Его одушевляла—
Свѣтлѣе свѣтлыхъ звѣздъ, какъ горный снѣгъ чиста,
И шествіе Его лучами озаряла
Отъ Назарета до Креста...

Свершилось... Крестный путь... Голгоѳское страданье...
И пролилась людьми Божественная кровь;
Но въ обновленный міръ еще свѣтлѣй сіянье
Лила воскресшая Любовь...

Вѣка, прошли вѣка... Конецъ тысячелѣтью;
Второе, новое, склонилось подъ исходъ;
И снова тёменъ міръ, опутанъ старой сѣтью
Грѣховъ, проклятій и невзгодъ.

Забытъ святой Завѣтъ—завѣтъ Любви небесной,
И въ братьевъ мрачная вселяется вражда;
И Богочеловѣкъ идетъ подъ ношей крестной,
Но—для послѣдняго суда!..

А силы темныя крикливой стаей жадной
Давно, давно вершатъ на стогнахъ жизни пиръ;
И кровью залитой долиной безотрадной
Лежитъ весь міръ!..

Изъ жизни природы.

I.

Рдѣется зорькою небо румяное,—
Вспыхнула, пóлымемъ пышетъ надъ нивою;
Весело солнышко всходитъ багряное,
Видѣть надѣясь всю землю счастливою.

Поймы дымятся медвяными росами,
Сѣтью туманъ поднимается зыбкою;
Солнце, всплывая, горитъ надъ покосами,—
Бѣлому дню отвѣчаетъ улыбкою.

Пташка взвилась изъ травы быстролетная,—
Пѣсня въ лучахъ потонула крылатая;
Въ рощѣ откликнулась трель перемётная,
Роща поетъ—соловьями богатая.

Зáводь рѣки разцвѣтилась рубинами;
Небо—шатромъ голубѣетъ надъ вóдами;
Стелятся тѣни ночныя ложбинами,
Утра лучи къ нимъ спѣшатъ хороводами...

II.

Вечерѣетъ...
Предъ закатомъ—
Залитъ пурпуромъ и златомъ—
Веселъ ясный вешній день.

Небо—моря необъятнѣй;
Даль прозрачнѣй; ароматнѣй
И шиповникъ, и сирень...

Вечерѣетъ...
Чтожъ такъ ясенъ,
Такъ безтрепетно прекрасенъ
Этотъ гаснущій денёкъ?
Иль не знаетъ онъ, что скоро
Ночь изъ сумрачнаго бора
Тьмой взойдетъ въ его чертогъ?!.

Вечерѣетъ...
Солнце—ниже;
Мракъ ночной—все ближе, ближе;
Лучезарнѣе закатъ:
Гаснетъ день, но гаснетъ—зная,
Что развѣетъ тьму, блистая,
Завтра утромъ младшій братъ!..

Дѣти вѣка.

Гдѣ начинается въ нихъ человѣкъ?
Гдѣ въ нихъ кончаются дикіе звѣри
Въ этотъ больной и озлобленный вѣкъ,
Вѣкъ позабывшій о правдѣ и вѣрѣ?!..

Только борьба и борьба на умѣ—
Дикая, черствая, мелкая, злая;
Разумъ—ихъ солнце, но бродятъ во тьмѣ
Всѣ они, словно безумная стая...

Точно голодная стая волковъ,
Рыщутъ—не внемля ни зову, ни кличу;
Каждый изъ нихъ въ каждомъ видѣть готовъ
Только свою роковую добычу...

Скромное, жалкое счастье другихъ—
Имъ на дорогѣ стоитъ, имъ обидно...
Какъ это? Счастливъ онъ?!.. Что-же у нихъ
Этого глупаго счастья не видно?!..

Развѣ онъ смѣетъ *своимъ* называть
Что-нибудь въ ихъ полновластное время?
Развѣ онъ можетъ оковы срывать,
Если—ихъ давитъ ужасное бремя?!..

Дикіе люди... Да нѣтъ, дикари—
Грубыя, темныя дѣти природы—
Были душою предъ ними цари,
Больше другъ-другу давали свободы,—

Болѣе въ сердцѣ хранили любви,
Бо́льшія жертвы добру приносили,
Хоть и лелѣяли звѣря въ крови,
Хоть и казались звѣрями по силѣ...

Смутный, больной и озлобленный вѣкъ!
Люди, забывшіе съ вѣкомъ о вѣрѣ,—
Гдѣ въ васъ кончаются лютые звѣри?
Гдѣ начинается въ васъ человѣкъ?!..

15 января 1894 г.
С.-Петербургъ.

Листопадъ.

(На мотивъ Лейтхольда.)

Тише падайте на землю,
Пѣсни горя и труда—
Листья дерева, что цвѣта
Не видало никогда!

* * *

Вѣтромъ сорванные листья,
Провозвѣстники зимы,—
Тише падайте на землю:
Въ ней—хоронимъ счастье мы!..

Два солнца.

(Импровизація.)

Посвящается А. А. Лукьянову.

I.

Міра свѣтило прекрасное,
Всѣмъ ты и любо, и дорого!
    Солнышко красное,
Грѣешь ты друга и вòрога!..

* *
*

Сёстры твои богоданныя
Съ золоторусыми кòсами—
    Зори румяныя—
Вспоены вешними росами...

* *
*

Солнцевы дѣтки игривыя—
Братья-лучи искрометные,
    Искры гульливыя,
Каждому взору примѣтныя...

* *
*

Дождь-ли, ненастье нагрянуло
Съ бурей, съ грозой, съ непогодою,—
    Солнышко глянуло—
Сгинуло горе невзгодою!..

* *
*

Солнце, свѣтило могучее,
Вѣчно—и ясно, и молодо;
Жизнью, живучее,
Вѣетъ на смерть въ царствѣ холода!

* *
*

Избранныхъ нѣтъ у прекраснаго:
Создано солнце для всякаго,—
Счастье безсчастнаго,
Грѣетъ весь міръ одинаково!..

2.

...Солнце на небѣ одно; на землѣ-же ещё есть другое—
Тоже свѣтило прекрасное,
Знойное, ясное,—
Міру туманному свѣтъ возрожденія—солнце второе!..

* *
*

Всходитъ надъ жизнью оно,—тѣ-же всходятъ съ нимъ алыя зори,
Счастья земного ровесницы,
Сестры-кудесницы;
Свѣта, огня и сіянья въ нихъ цѣлое морюшко-море!..

* *
*

Солнце второе! Съ земли ты на небо нежданно уносишь
Силой лучей заколдованныхъ
Всѣхъ очарованныхъ;
Только ты жертвъ непосильныхъ за счастье небесное просишь!..

* *
*

Полымя пышетъ въ тебѣ; но инымъ—отъ него холоднѣе.
Духу людей своевольному,
Сердцу бездольному—
Свѣтишься, красное солнышко, ты иногда, и не грѣя!..

* *
*

Яркое пламя твое сожигаетъ порой безпощадно
Счастье чужое попутное.
Солнце минутное,
Къ лону безсмертія, къ вѣчности рвешься ты слѣпо и жадно!..

* *
*

Солнце земное—*любовь*... Но не всякій въ немъ счастіе встрѣтитъ:
Сердцу оно и приманчиво,
Только—обманчиво...
Солнце второе—любовь—не для всѣхъ одинаково свѣтитъ!..

---

* * *

Если хочешь любить—пріучайся страдать,—
Нѣтъ любви безъ страданья на свѣтѣ!
За блаженство минутнаго счастья въ отвѣтѣ
Вѣчность—горя безсмертнаго мать...

Если жаждешь страданья—терпѣнью учись,—
Человѣкъ терпѣливъ по природѣ!
Только надо забыть о порывахъ къ свободѣ
И съ земли не стремиться въ небесную высь...

Если любишь—страдая и терпишь—любя,—
Не подумай, что жертву приносишь собою!
Доброй волей идешь ты тернистой тропою;
Ты—страданьемъ любви услаждаешь себя!..

* * *

Съ разсудкомъ сердце—вѣчно въ спорѣ,
Не молкнетъ старая борьба;
Девизъ борьбы—«memento mori»!
За ней слѣдитъ, борцамъ на горе,
Судьба...

Кто побѣдитъ,—надъ тѣмъ злорадно
Лютуетъ въ тотъ-же мигъ она:
Подноситъ ядъ, и безотрадно
Онъ осушаетъ кубокъ жадно—
До дна...

А побѣжденныхъ воплямъ вторить—
Ей любо хохотомъ своимъ...
Разсудку съ сердцемъ—вѣчно спорить,
Да голосъ Рока переспорить
Не имъ!..

---

* * *

Роковые вопросы страстей—
Порожденіе дня многошумнаго!
Кто отвѣтитъ на васъ сонму хмурыхъ людей,
Въ смуту нашего вѣка разумнаго,—
Кромѣ сердца безумнаго?
Роковые вопросы страстей!..

Роковые отвѣты судьбы—
Дѣти воли ничтожнаго случая!
Кто пойметъ васъ въ разгарѣ холодной борьбы?..
Только смерть, только смерть неминучая,
Разгадаетъ—могучая—
Роковые отвѣты судьбы...

Роковое во всемъ и вездѣ—
Гдѣ ни взглянешь душою пытливою...
Неужели не вспыхнуть счастливой звѣздѣ
Надъ бездольной житейскою нивою?..
Нѣтъ, не быть ей счастливою,—
Роковое—во всемъ и вездѣ!..

Во дни безвременья.

Ослѣпъ нашъ дряхлый вѣкъ и, какъ слѣпецъ несчастный,
Бредетъ онъ наугадъ, окутанъ дымной тьмой;
И кажется ему весь Божій міръ прекрасный
Огромною тюрьмой...

Ни солнце Истины на небѣ мірозданья,
Ни звѣзды яркія Добра и Красоты
Не свѣтятъ для него,—не льютъ благоуханья
Живой Любви цвѣты.

Забылъ нашъ хмурый вѣкъ надежды молодыя;
Не вспомнить старику о радужныхъ мечтахъ,—
Встрѣчаетъ онъ теперь всѣ радости земныя
Съ печалью на устахъ.

Больной, угрюмый вѣкъ,—бредетъ впотьмахъ несчастный,
И некому слѣпца сѣдого довести
Рукою любящей, рукою смѣлой, властной
До новаго пути.

А этотъ новый путь лежитъ такъ недалёко;
Надъ нимъ не меркнетъ свѣтъ борьбы съ житейской тьмой;
И міръ, вокругъ него раскинувшись широко,
Не кажется тюрьмой...

Фонарь Діогена.

О, еслибы дали мнѣ боги—
Забытые боги Олимпа—
Фонарь старика-Діогена,
Съ какимъ онъ искалъ «человѣка»!
О, еслибъ услышали боги,—
Пошелъ-бы я съ нимъ торопливо
Средь бѣлаго дня на распутья,
На площади шумной столицы!

Отыскивать «душу живую»—
Живую единую душу—
Я началъ-бы всюду и всюду
Въ толпѣ мертвецовъ говорящихъ.
Быть можетъ, свершилось-бы чудо;
Быть можетъ, нашелъ-бы я душу,
Тоской не убитую мертвой,
Единую душу живую...

Наскучили пылкому сердцу,
Живому наскучили взору
Ходячіе трупы людскіе,
Холодныя дѣти разсудка...
О, еслибъ услышали боги—
Властители древняго міра!
О, еслибы дали мнѣ боги
Фонарь мудреца-Діогена!..

Поэтамъ.

Въ древности—мощный Антей, утомленный неравной борьбою,
Къ матери падалъ на грудь—къ матери Геѣ-землѣ;
Но, поднимаясь при кличѣ къ нежданному, новому бою,
Силы могучей приливъ чуялъ и—гордый собою—
Шествовалъ къ храму побѣдъ, съ новымъ вѣнкомъ на челѣ...

* *
*

Братья, поэты-пѣвцы! Не терзайтесь тоскою безсилья!
Пусть, что ни день, тяжелѣй злого безвременья гнетъ,—
Садъ нашъ еще не заглохъ (хоть не мало и въ немъ чернобылья!)...
Вѣрьте: свобода найдётъ, гдѣ расправить орлиныя крылья,—
Русская сила жива, живъ богатырь нашъ—народъ!..

* *
*

Къ матери нашей, землѣ, къ сердцу народа скорѣе
Сердцемъ усталымъ своимъ, духомъ—угасшимъ въ борьбѣ,
Пѣснею скорбной своей припадемте смѣлѣй и дружнѣе:
Силы могучей приливъ, прибывавшей въ могучемъ Антеѣ,
Каждый свободный пѣвецъ ощутитъ благотворно въ себѣ!..

На чужомъ пиру.

Пиръ—горой... Въ пылу разгула
Льются вóлнами слова:
У честныхъ гостей отъ гула
Закружилась голова.

Рѣчи буйныя смѣняя,
По столамъ—полнымъ-полна—
Ходитъ чаша круговая
Чудодѣйнаго вина.

Кто хоть выпьетъ, хоть пригубитъ,—
Словно горя не видалъ;
Какъ зазноба, всѣхъ голубитъ
Хмѣль подъ сводомъ яркихъ залъ...

На пиру—всѣмъ честь и мѣсто,—
Только, пѣсня, нѣтъ тебѣ,
Вдохновенныхъ думъ невѣста
И сестра мнѣ по судьбѣ!

Только мы одни съ тобою—
Обойденные—стоимъ:
Ты кручинишься со мною,
Я—горю огнемъ твоимъ...

Но не даромъ пьяной чашей
Обнесли насъ на пиру,—

Съ простодушной музой нашей
Не пришлись мы ко двору!

Здѣсь поютъ пѣвцы другіе—
Пира шумнаго льстецы,
Отъ разгула не впервые
Захмѣлѣвшіе пѣвцы...

Гдѣ царитъ одна услада,
Не знававшая тоски,—
Тамъ съ тобою насъ не надо,
Мы для всѣхъ тамъ—чужаки!

Мѣсто наше—за порогомъ
Этихъ праздничныхъ хоромъ;
По проселочнымъ дорогамъ
Мы, сестра, съ тобой пойдемъ...

Мы послушаемъ, поищемъ,
Чтò и какъ поютъ въ глуши;
Съ каждымъ путникомъ и нищимъ
Погутòримъ отъ души...

Перехожею каликой,
Скоморохомъ-гуслярòмъ
Мы по всей Руси великой
Съ пѣсней-странницей—вдвоемъ;

По деревнямъ и по селамъ
Разстилается нашъ путь.
Намъ, и грустнымъ и веселымъ,
Будетъ радъ хоть кто-нибудь...

Гой вы, гусли! Гей вы, мысли!
Гой ты, струнъ гусельныхъ строй!
Чтò вамъ тучи, что нависли
Надъ побѣдной головой?!.

Гряньте пѣсню дружнымъ ладомъ,
Какъ пѣвали встарину,—
Русскимъ словомъ, русскимъ складомъ
Подпѣвать я вамъ начну...

Здравствуй, удаль! Здравствуй, воля—
Воля вольная!.. Авось,
На просторѣ наше поле
Клиномъ въ полѣ не сошлось!..

Неуловимое.

...День-ли то былъ, утомившійся зноемъ,
Утро-ли ясное жаркаго лѣта?
Ночь-ли, съ ея молчаливымъ покоемъ,—
Ночь непроглядная, съ звѣзднымъ-ли роемъ,—
Вечеръ-ли тихій съ улыбкой привѣта?!.

Не соловьи-ли то мнѣ рокотали
Въ чащѣ тѣнистой, въ затишьи зеленомъ?
То не ручьи-ли мнѣ сказки журчали,
То не деревья-ли въ шумной печали
Кланялись вѣтру надъ горнымъ услономъ?!.

Буря-ли выла, гроза-ль грохотала,
Дождь-ли въ окошко стучалъ сиротливо?
Башня-ль на башню руиной упала,
Молнія-ль тучи огнемъ разсѣкала,
Или шумѣла волнистая нива?!.

Звуки летали, какъ вольныя птицы,
Или то рѣяли яркія краски?
Иль голубыя мерцали зарницы,
Звѣзды-ль свои закрывали зѣницы,
Млѣя отъ мѣсяца трепетной ласки?!.

Камнемъ недвижнымъ лежалъ-ли я въ морѣ,
Въ безднѣ-ли неба лазурно-воздушной
Я пролеталъ, утопая въ просторѣ?
Нѣтъ! Позабылъ я про старое горе...
Нѣтъ! Я ушелъ отъ толпы равнодушной!..

Въ лѣсномъ царствѣ.

Посвящ. Александру Васильевичу Круглову.

I.

Бѣлыхъ березокъ куртина,
Красной сосны колоннады;
Верба, ивнякъ и рябина,—
Царство зеленой прохлады!..
    Тлѣетъ въ травѣ предо мною
    Хрупкій валежникъ пластами;
    Вѣетъ ко мнѣ тишиною,
    Звуками полной, мечтами...
Чудится мнѣ ихъ такъ много—
Звуковъ лѣсныхъ отовсюду;
Крадется въ сердце тревога,
Въ сердце—доступное чуду...
    Мнится: вонъ тамъ, на шиханѣ,
    Всадникъ—просѣкой пробитой
    Ѣдетъ къ широкой полянѣ,
    Солнца лобзаньямъ открытой...
Скачетъ... Всмотрѣлся, гляжу я:
Это—не всадникъ; то—ели,
Вѣтра дыханье почуя,
Вѣтками вдругъ зашумѣли...

II.

Всё ель кругомъ, повсюду—ель;
Стою: ни шороха глухого,
Какъ-будто отъ всего живого
Ушелъ за тридевять земель...
Не шелохнётъ, не дрогнетъ вѣткой,
Какъ заколдованъ хмурый лѣсъ;
Едва сквозитъ просвѣтъ небесъ—
Полузатянутъ хвойной сѣткой...
Внизу ни травъ нѣтъ, ни цвѣтовъ,—
Песокъ разсыпчатый, да глина;
Вдали—зыбучая низина
Съ ковромъ сѣдыхъ и тощихъ мховъ...
Однообразна и бѣдна̀ ты,
Картина сѣверной глуши;
Но для родной тебѣ души
И эти краски—такъ богаты!..
Богаты странной красотой—
Той красотой, очамъ незримой,
Той красотой неуловимой,
Что̀ осязается мечтой...
Да, этотъ лѣсъ въ былые годы
За храмъ бы слылъ, а богомъ могъ
Быть въ этомъ храмѣ—Чернобогъ,
Славянскій геній зла природы...

III.

Песчанымъ тѣснымъ логомъ
Иду я наугадъ;
Въ порубежьи отлогомъ
Теряется мой взглядъ.

Нависнулъ вдоль по скату
Орѣшникъ молодой;
Ручей по перекату
Поитъ пески водой,—

Сорвался въ котловину,
Родникъ сталъ родникомъ,
Заросъ на-половину
Вѣтвистымъ тальникомъ.

Дѣлянокъ земляники
Вокругъ него не счесть,
И даже для клубники
Рости здѣсь—честью-честь...

Глядится солнце свыше
Въ кремнистый водоёмъ,
Сквозь зелень зыбкой крыши
Лучи купаетъ въ немъ...

Стрекозы въ день погожій
Ведутъ здѣсь рѣчь свою:
«Сюда, сюда, прохожій,
«Къ студёному ручью!..»

IV.

Старыя липы, какъ тихо подъ вами!
Какъ хорошо, какъ прохладно въ тѣни!..
Травы лѣсныя—куда ни взгляни—
Всюду пестрѣютъ лѣсными цвѣтами...

Старыя липы надъ ними стоятъ,
Вѣкъ свой второй на вѣку доживая;
Вѣетъ спокойствіемъ сѣнь ихъ живая,
Зеленью мягкой ласкаючи взглядъ...

Старыя липы вѣтвями своими
Тянутся, тянутся словно туда,
Гдѣ—за безмолвною гладью пруда—
Хуторъ безмолвно любуется ими...

Старыя липы тамъ видятъ порой
Дѣвушки скромной черты молодыя,
Русую косу, глаза голубые—
Съ ихъ простодушно-наивной игрой...

Старыя липы! Гуляя подъ вами,
Ландыши въ маѣ сбирала она;
Въ сердцѣ у ней разцвѣтала весна
Первой любви золотыми цвѣтами!..

V.

Тамъ—на щиты наброшены щиты,
Одинъ другого тяжелѣе..
Чѣмъ ниже—тѣмъ плотнѣе
И вѣтви, и листы!..

Ихъ не пробьетъ ни ливень-дождь, ни градъ;
Внизу—подъ ихъ зыбучей крышей
Рокочетъ даже тише
Громовъ весны раскатъ..

Впиваетъ грудь цѣлительный покой
Подъ этой сѣнью вѣковою;
Но даже здѣсь—борьбою
Кипитъ мірокъ живой!..

Борьба за жизнь—у юркихъ муравьевъ,
Одна трава глушитъ другую,
И плоть дубовъ сырую
Пилитъ пила жучковъ...

А между тѣмъ, глядишь и мыслишь ты:
Вотъ здѣсь—всему успокоенье!
Здѣсь пьютъ съ росой забвенье
И травы, и цвѣты!..

VI.

Завели перекличку, гремятъ соловьи,
Пахнетъ свѣжею влагой зеленою;
Прячетъ солнышко лѣсъ за вершины свои—
Лѣсъ, увѣнчанный солнцемъ-короною...

Близь меня, надо мною, запѣлъ соловей—
На черёмухѣ, между березами;
Чу, другой перекинулся съ нимъ изъ вѣтвей
Соловьиными звонкими грёзами!..

Трель—на трель; соловей услыхалъ соловья...
Трубадуровъ лѣсныхъ состязаніе!
Кто нѣжнѣй? Кто звончѣй? Дробь раскатистѣй чья?!..
Льется пѣсня, и—нѣтъ ей названія!..

Подъ защитою вѣтокъ я замеръ, стою—
Силой звуковъ безъ чаръ очарованный,—
Самъ откликнуться пѣсней готовъ соловью,
Упоенный, счастливый, взволнованный!..

За оврагомъ—еще и еще соловьи;
Внемлетъ лѣсъ имъ всей чащей зеленою,
Лѣсъ надъ ними склоняетъ всѣ вѣтки свои;
Солнце гаснетъ подъ пѣснь окрылённую...

VII.

Стрѣлы солнца золотыя
Пронизали предо мной
Липокъ заросли густыя,
Статныхъ клёновъ юный строй...

Щедро золотомъ червоннымъ
Изукрашенъ ихъ нарядъ,—
По вѣтвямъ, стволамъ зеленымъ,
По листвѣ—лучи горятъ.

Даже пòнизью укромной,
Гдѣ въ травѣ—среди корней—
Пріютился ландышъ скромный,
Пляшетъ рой живыхъ огней...

Осыпаемый стрѣлами,
Я—самъ-другъ съ мечтой—бреду
Подъ кудрявыми талами,
По торёному слѣду...

А мечта—хмѣльнѣе хмѣля;
Сердце—грезитъ стариной,—
Шепчетъ: «Здѣсь искала Леля
«Лада раннею весной!..»

VIII.

Зелени, сколько здѣсь зелени—
Въ этой широкой разсѣлинѣ,
Между отрогами горъ!..
Камень сѣрѣетъ осколками
О-бокъ съ зелёными ёлками;
Въ зелени—весь косогоръ...

* *
*

Ниже—березки курчавыя;
Въ чащѣ—дубы величавые,
Выше березъ головой,—
Словно надъ юностью знойною
Высятся думой спокойною
Старцы—народъ вѣковой!..

* *
*

Пóрослью мелкой, ступенями,
Тѣни сбѣгаютъ за тѣнями,
Тѣни толпятся вдали...
Ужъ не прiютъ-ли въ разсѣлинѣ,
Въ царствѣ прохлады и зелени,
Духи лѣсные нашли?!.

IX.

Затишье подъ сѣнью лѣсною,
Затишье на синей рѣкѣ,
Затишье за лентой рѣчною
И тамъ—вдалекѣ, вдалекѣ...

Недвижныя вѣтки нависли
Надъ лономъ недвижимыхъ водъ;
Не къ солнцу-ль, не въ горнюю высь-ли
Плыветъ облаковъ хороводъ?!.

Но—мимо проносятся, мимо;
И нѣтъ отъ жемчужныхъ слѣда...
Всё лѣтнею нѣгой томимо—
И небо, и лѣсъ, и вода...

Ни шелеста между кустами;
Ни шороха возлѣ корней,
Гдѣ розовой кашки цвѣтами
Пестрѣетъ зелёный пырей...

Какъ здѣсь хорошо и привольно!
Какая безмолвная тишь!..
Такъ тихо, что даже невольно
Дыханье въ груди затаишь...

И тайной молитвы не скроешь
Въ задумчивой этой тиши:
«О, еслибъ затишье такое-жъ
«Царило и въ лонѣ души!..»

X.

Окружонъ зелёнымъ лѣсомъ—
Я встрѣчаю дня разсвѣтъ;
Багрянѣющимъ навѣсамъ
И конца какъ-будто нѣтъ...

Я иду впередъ... Со мною
Не идетъ-ли самый лѣсъ,
Златоверхою стѣною
Уплывая въ глубь небесъ?!..

Здѣсь Весна-Краснá ходила
Въ пышномъ цвѣтѣ красоты,—
Травы пѐстрядью рядила,
Ароматъ лила въ цвѣты...

Здѣсь хранитъ воспоминанья
О веснѣ—среди вѣтвей—
Лѣту всѣ ея сказанья
Перепѣвшій соловей...

XI.

Медленнымъ шагомъ, четой молчаливой,
Осень съ зимою войдутъ
Въ этотъ задумчивый, въ этотъ счастливый,
Въ этотъ укромный пріютъ.

Ластиться будетъ змѣиною лаской
Осень къ деревьямъ лѣснымъ,—
Заговоритъ-заворожитъ ихъ сказкой,
Доброй покажется имъ!

Каждое деревцо осень обниметъ,
Всю позолотитъ листву,—
Да ненадолго: всё сброситъ, всё сниметъ,
Вытопчетъ даже траву!..

Выгонитъ птицъ изъ лѣсного кочевья,
Чащу откроетъ зимѣ...
Ласкѣ осенней не вѣрьте, деревья,—
Осень себѣ на-умѣ!..

Старымъ гигантамъ и осень—не внóвѣ,
Зимняя стужа—сродни...
Юная пóросль! Ты—будь наготовѣ
Встрѣтить печальные дни!..

XII.

Не русалки-ль водятъ это
Свой послѣдній хороводъ
Въ зыбкой зелени просвѣта
Надъ стоячей гладью водъ?!..
Разступился лѣсъ... Болото
Засинѣло вдалекѣ...
Мнѣ въ глаза маячитъ что-то
Въ пожелтѣломъ тростникѣ...
Что-то сѣрое за бѣлымъ
Словно тамъ погналось вдругъ...
Не летятъ-ли стадомъ цѣлымъ
Гуси-лебеди на лугъ?!..
Не русалки-ль водятъ это
Свой прощальный хороводъ?..
Нѣтъ!.. Ведетъ на смѣну лѣта
Осень свой туманъ съ болотъ...
Онъ плыветъ ко мнѣ волною,
Низомъ—стелется ковромъ;
Онъ дробится разсыпною
Мелкой зернью, серебромъ...
Лѣсъ шумитъ, заводитъ рѣчи,—
Откликъ слышится вдали:
Созываютъ птичье вѣче
Предъ отлётомъ журавли...

Изъ „Былой минувшаго“.

«Безумецъ, безумецъ!» — мнѣ сердце шептало, —
«Куда ты идешь! Тамъ погибель твоя!
«Вернись, оглянись! .» И оно замолчало,—
Впилась и въ него лютой страсти змѣя...
Отравою сердце змѣя напоила,
Кольцомъ обвилася, сжимаетъ мнѣ грудь...
Гдѣ сильная воля? Гдѣ вольная сила?
Проснитесь, свободнѣе дайте вздохнуть!..
Я гибну сознательно, гибну позорно,
Ненужную жертву собой приношу,
Словамъ обольщенья внимаю покорно,
Себя заковать въ кандалы я прошу...
Безумная страсть! Проклинаю тебя я!
Презрѣньемъ клеймите, собратья, меня;
Бросайте-же камни, меня обвиняя,—
Но мнѣ не прожить безъ нея даже дня!..
Чтò люди, чтò судъ фарисеевъ ничтожный,—
Когда предъ собою-самимъ я казнюсь,
Когда я душою больной и тревожной
Кого проклинаю—тому и молюсь!
Погибель?.. Такъ что-же! Я вызовъ ей кину,
Я смѣло пойду на погибель свою;
Любить и страдать не могу вполовину,—
Весь кубокъ отравы, до дна, я допью!..

9 іюня 1893 г.

Одинокая лампа.

Посвящ. Н. А. Соловьеву-Несмѣлову.

I.

Утопая въ печатной бумагѣ—
Озаренный рабочею лампой—
Былъ такой-же онъ полонъ отваги,
Какъ художникъ-артистъ передъ рампой...

Днёмъ—бойцовъ, утомившихся битвой,
Оживлялъ онъ своими рѣчами;
Какъ факиръ, вдохновлённый молитвой,
Онъ къ столу былъ прикованъ ночами;

И въ холодное, мёртвое слово—
Въ трудъ чужой, неискусный, небрежный—
Онъ вливалъ пламя сердца живого,
Какъ творецъ вдохновенно-мятежный...

Жизнь его обошла стороною;
Счастье мимо прошло, улыбаясь;
Только здѣсь, за работой ночною,
Жилъ онъ—мукой своей наслаждаясь..

И—укоромъ богемѣ бездомной,
Днемъ и ночью не знающей дѣла,
Долго-долго за шторою темной
Одинокая лампа горѣла...

2.

Сколько разъ былъ обманутъ врагами
Этотъ скромный работникъ отчизны,
Сколько разъ обойденъ былъ друзьями,—
Не пославъ никому укоризны...

И всегда онъ готовъ былъ увидѣть
Искру свѣта во мракѣ паденья,
Не умѣя совсѣмъ ненавидѣть
И не зная о чувствѣ презрѣнья...

Съ каждымъ годомъ темнѣй и темнѣе
Становился путь жизни туманной,
Съ каждымъ днемъ—ложь язвила больнѣе,
Каждый день мучилъ новою раной;

Но по прежнему вѣрилъ надеждѣ
Онъ, болѣя чужою заботой,—
Лишь безсоннаго чаще, чѣмъ прежде,
Бѣлый день заставалъ за работой...

А за темною шторою снова,
Озаряя подвижника смѣло,
Не пугаяся свѣта дневного,
Одинокая лампа горѣла...

3.

Всторонѣ отъ борьбы современной,
Жажды денегъ—борьбы недостойной,
Жилъ и умеръ работникъ безсонный,
Успокоился духъ безпокойный...

Смерть настигла его не въ постели,
А предъ тою-же лампою самой,
За столомъ—гдѣ до-тла догорѣли
Силы жизни въ работѣ упрямой...

Смолкъ работникъ, въ свои упованья
Свѣтозарною вѣрою полонъ,—
Словно, кончивъ земныя скитанья,
Въ смерти отдыхъ отъ жизни нашелъ онъ...

Съ философской осанкой фигуры,
Не сраженный судьбы приговоромъ,
На послѣднихъ работъ корректуры
Онъ глядѣлъ вопрошающимъ взоромъ;

И—какъ-будто съ безмолвнымъ отвѣтомъ—
Озаряя угасшее тѣло,
Ровнымъ свѣтомъ—привѣтливымъ свѣтомъ
Одинокая лампа горѣла...

31 января 1894 г.
С.-Петербургъ.

---

* * *

Путь къ счастью...
Ты знаешь-ли этотъ единственный,
Для явнаго міра таинственный,
Незыблемый смертнаго властью
Путь къ счастью, къ безсмертному счастью?

Проложенъ
Тотъ путь не въ долинѣ мечтанія,—
Идетъ онъ въ степи мірозданія;
Уму недоступенъ, для сердца возможенъ,
Онъ—міръ искупившимъ Страдальцемъ проложенъ!

Любовью—
Назвàли его на Совѣтѣ Божественномъ,
При пѣніи ангеловъ клира торжественномъ,—
Земля-жъ оросила невинною кровью
Тотъ путь, что былъ созданъ любовью!..

Страданье...
Кто любитъ,—любовью земной, иль небесною,—
Тотъ въ мірѣ проходитъ подъ ношею крестною
Туда, гдѣ кончается жизни скитанье...
Путь къ счастью—любовь и страданье!..

Силуэты.

(На мотивъ Виктора Гомулицкаго.)

I

На волнахъ.

Двое чародѣевъ—ночь и мѣсяцъ ясный—
Встали надъ рѣкою парою согласной.
Ходитъ-бродитъ вѣтеръ сторожемъ безсоннымъ;
Съ поймы вѣетъ свѣжимъ сѣномъ благовоннымъ...

Лодка... Въ ней—съ коханымъ паночка-коханка;
О-бокъ съ молодёжью и любовь-бѣглянка,—
Жаромъ въ сердце пышетъ, дерзко смотритъ въ очи,
Шепчетъ имъ про тайны тихой вешней ночи:—

«Хорошо вдвоёмъ-бы плыть-то вамъ, безъ третьей,
«Безъ почтенной пани... Да не усмотрѣть ей:
«Дремлется ей даже, сидя съ вами въ лодкѣ...
«Эй, ловите счастье,—дни его коротки!..»

Дремлетъ-ли, не дремлетъ,—пани Каролинѣ
Думается больше объ ея перинѣ,
О стаканѣ чаю съ рюмочкою рома;
Ей недурно съ ними,—только лучше дома!..

Вотъ ворчитъ старушка: «Тихо ѣдетъ лодка!..»
—«Ахъ, какъ быстро ѣдемъ!..» шепчетъ дочь-красотка...
Крутитъ усъ коханый... Ночь и мѣсяцъ ясный
Замерли надъ ними парою согласной...

II.

«Выше толпы».

Отъ звонкаго смѣха дрожитъ тихій садъ;
Взвѣвается парусомъ бѣлое платье;
Взлетаетъ красотка къ деревьямъ въ объятье,
А спѣлыя вишни на землю летятъ...

Съ лицомъ, поблѣднѣлымъ отъ пудры слегка,
Она—граціозна, какъ рѣзвый котёнокъ,
Какъ птичка свободна, мила какъ ребенокъ;
Отъ прозы житейской она—далекà...

Не садъ это,—рай!.. И взлетаетъ она
Къ зеленымъ вершинамъ, съ нихъ вишни срывая,
И—Ева столичнаго жалкаго рая—
Блаженствомъ минутной свободы полна...

Ей вторя, отъ смѣха дрожитъ тихій садъ;
Взвѣвается парусомъ бѣлое платье;
И вѣтеръ свободный летитъ къ ней въ объятье,
Съ вѣтвей отряхая рубиновый градъ...

* * *

Красавица завтра вернётся къ движеньямъ машины,
Въ среду торгашей; но въ чаду впечатлѣній своихъ,
Считая рубли и аршины,
Промолвитъ, на мигъ оторвавшись отъ нихъ:
«Я выше толпы и всего, чтò теперь предо мною;
«Вчера я взлетала надъ самой землею!..»

III.

Парія.

Съ повинной головой и льстивыми глазами,
Какъ юркая лиса—виляетъ онъ хвостомъ,
Какъ флюгеръ—вѐртится предъ нами и предъ вами,
Предъ каждымъ изъ толпы, мятущейся кругомъ.

Лицо его въ одномъ застыло выраженьи;
Безъ счастья тянется предъ нимъ за годомъ годъ;
Встрѣчаетъ мо́лча онъ насмѣшки, оскорбленья,—
Безъ жалобъ на судьбу всю жизнь свою ведётъ...

Какая-же звѣзда блеститъ во мглѣ печали,
Какой-такой предъ нимъ мерцаетъ дивный свѣтъ,—
Что онъ безропотно выноситъ иго бѣдъ,
Когда-бы, гдѣ-бъ его мы съ вами ни встрѣчали?!.

Хотите знать?.. Онъ самъ, глубоко вѣритъ самъ,
Что перемѣнятся въ грядущемъ наши роли,
Что посчастливится ему, и—въ лучшей долѣ
Плевать въ глаза лисица будетъ львамъ...

Друзья-актеры.

Спасибо вамъ, друзья!.. Я благодаренъ вамъ
За то̀, что вы своимъ примѣромъ научили,
Какъ понимать враговъ: на зло моимъ врагамъ,
Вы—ими для меня съ такой любовью были!

Трудна была вамъ роль, вамъ было не легко
Самихъ-себя ломать, душой кривить для друга;
Но велика любовь, но велика услуга!
И—благодаренъ вамъ за все я глубоко̀.

* *
*

Взявъ роль не по душѣ, вложили вы въ нее
Всю душу, весь талантъ... Съ такимъ горячимъ чувствомъ
На сцену вамъ пойти,—вы подняли-бъ ее,
Вы славу Гарриковъ затмили-бы искусствомъ!

Артистами въ душѣ вы родились на свѣтъ,
Вы генія въ себѣ-самихъ не разглядѣли...
О, еслибъ вамъ себя да проявить на дѣлѣ,—
На сценѣ въ наши дни вамъ равныхъ даже нѣтъ!

* *
*

Такую роль сыграть, да ка̀къ сыграть!.. Я самъ
Дивлюсь—не надивлюсь... Вы—жизнь мнѣ отравляли,
Какъ злѣйшіе враги... Да что, да гдѣ врагамъ!
Такъ мучить, такъ терзать? Такъ искренне?! Едва-ли!..

Вы каждый мой порывъ умѣли осмѣять,
А чувство каждое—унизить передъ всѣми...

Какъ возносили вы меня въ иное время,
Чтобъ прямо въ грязь съ небесъ сводить всегда опять!..

* * *

Въ театръ, на сцену вамъ!.. Вѣдь даже я порой
Терялся и робѣлъ невольно передъ вами,—
Не зналъ я иногда—считать-ли все игрой,
Друзей-ли видѣть въ васъ, встрѣчать-ли васъ врагами?

Безъ васъ и самъ-себя понять не могъ-бы я,
Въ сомнѣньяхъ роковыхъ безплодно изнывая:
Вы—поняли меня, себя не сознавая...
И—васъ я оцѣнилъ... Спасибо вамъ, друзья!..

Цвѣты грёзъ.

I.

Глядится къ ней въ окно холодная зима,
А сердце у нея цвѣтетъ цвѣткомъ весеннимъ;
Ей слышится во всёмъ: «Тебѣ мы не измѣнимъ,
«Покуда намъ вѣрна останешься сама!..»

Ктò не измѣнитъ ей? Отвѣтитъ-ли она?!..
Быть можетъ, промолчитъ; быть можетъ, не отвѣтитъ;
Но видно, что любовь ей въ сердце солнцемъ свѣтитъ,
Но видно, что цвѣтетъ любви ея весна...

И чтò ей до зимы, когда ея мечтамъ
Рисуются кругомъ цвѣтущей страсти розы,—
Когда самой судьбы не страшны ей угрозы,
Когда весь міръ съ мольбой припалъ къ ея ногамъ...

Весь необъятный міръ въ одинъ глубокій взоръ
Вселился для нея; объ этомъ взорѣ знойномъ —
Нѣмомъ, загадочномъ, ревниво-безпокойномъ —
Не можетъ ни на мигъ она забыть съ тѣхъ поръ...

Въ немъ было всё предъ ней: и мракъ, и свѣтъ, и зной,
И холодъ мрамора, и страсти вожделѣнье,
И властный приговоръ, и робкое моленье,—
Онъ вѣялъ на нее живительной весной...

Суровая зима глядитъ къ ней изъ окна, —
Но сердце у нея цвѣтетъ цвѣткомъ весеннимъ,
А счастье, а любовь ей шепчутъ: «Не измѣнимъ,
«Покуда намъ-самимъ останешься вѣрна!..»

2.

Весна цвѣтетъ зимой для первыхъ пылкихъ грёзъ,—
Но мнѣ смотрѣть на нихъ и тягостно, и больно;
И дума черная растетъ во мнѣ невольно:
Чтò, если вдругъ весной убьетъ цвѣты морозъ!..

Испытанный судьбой коварною не разъ,
Въ любви встрѣчавшій ядъ нежданнаго обмана,
Зарю былыхъ надеждъ затмившій мглой тумана, —
Я вижу многое, незримое для глазъ...

А первая любовь, а первыя мечты,
А первый поцѣлуй, а первыя свиданья,
А трепетъ перваго, неяснаго, желанья...
О, эти яркіе весенніе цвѣты!..

Они зовутъ въ свой міръ—въ безвѣстный, дивный край,
Они влекутъ къ себѣ заманчивою тайной;
И каждый жгучій взоръ, и каждый взглядъ случайный
Сулитъ собой тогда блаженства вѣчный рай...

А какъ не вѣрить грёзъ таинственной красѣ,
Какъ распознать въ цвѣтахъ смертельную отраву,—
Когда и рой надеждъ, и молодость, и славу
За краткій мигъ любви отдать готовы всѣ?!..

Пусть такъ... Но жалко мнѣ зимой разцвѣтшихъ розъ,
Но думается мнѣ: чтò, если въ дни цвѣтенья
Красавицы-весны убьетъ безъ сожалѣнья
Цвѣты живой любви губительный морозъ?..

Скоморошья потѣха.

„Масляница-блинница—
скоморошья радѣльница“.
Изъ волжскихъ присловій.

1.

Идутъ скоморохи деревней степной —
Разносчики удали-воли...
Идутъ по деревнѣ: «Что̀ спишь, людъ честной?
«Не хочешь потѣшиться, что-ли?

2.

«Не видишь, что съ нами въ деревню пришла
«Всѣхъ матушекъ дочка родная —
«Какъ зорька румяна, какъ сахаръ бѣла,
«Разгульна, какъ воля степная?..»

3.

Идутъ скоморохи; веселый угаръ
За ними разносится слѣдомъ —
Не все-же купцовъ утѣшать, да бояръ, —
Когда онъ и пахарю вѣдомъ!..

4.

Навстрѣчу потѣхѣ спѣшатъ мужики,
Ребята бѣгутъ, молодицы,—
Всѣмъ любо за смѣхомъ отъ горя-тоски
Умчаться на крыльяхъ жаръ-птицы!..

5.

Спѣшатъ новожёны, плетется и дѣдъ,
Гуслярнымъ разбуженный звукомъ;
Забылъ онъ, что минетъ въ субботу сто лѣтъ,
Что по́дъ-тридцать даже и внукамъ...

6.

На площади сгрудился грудой народъ —
Охотникъ до пѣсенъ и шутокъ.
Чью душу родимый напѣвъ не проймётъ,
Кто сердцемъ къ родному не чутокъ!..

7.

«Коль любо, такъ слушай! Не хочешь, уйди!»
И бродитъ, что хмѣльная брага,
Веселая удаль, и въ старой груди
Бурлитъ молодая отвага...

8.

Захожіе гости—ихъ пять человѣкъ —
Весельемъ богатые гости,
Казалось, тоски не знавали вовѣкъ,—
Не то что обиды, иль злости!

9.

Плясунъ, балалаечникъ, старый гусляръ,
Да парень — «коза въ сарафанѣ»,
Да кукольникъ, смѣло готовый свой даръ
Лицомъ показать въ балаганѣ...

10.

Бренчитъ балалайка: «ой, жги-говори!»—
Плясунъ кудреватый подхватитъ,
Хоть золото пригоршней сыпь, хоть умри, —
Всё платы за пляску не хватитъ...

11.

«Ой, любо! Ай, ловко! Работа чиста!..»
И крѣпкое русское слово —
Отъ чистаго сердца просясь на уста —
У многихъ сорваться готово...

12.

Натѣшилась вволю деревня... Народъ
Наслушался всякаго чуда...
Прошибъ на морозѣ потѣшниковъ потъ,
А все-бы погрѣться не худо!

13.

Сложили пожитки, пошли впятеромъ
Въ сосѣднія чьи-то ворота;
Веселымъ гостямъ за хозяйскимъ столомъ
Хоть впору отбавить почёта!..

14.

Въ котомки къ добру наложили добра,—
Народъ хлѣбосоленъ родимый,—
Блиновъ наметали — горою-гора,
А браги — хоть голову вымой!..

15.

Ударилъ дотошный гусляръ по струнамъ:
«Ой, время былое, воскресни!
«Не часто доводится игрывать намъ
«Умильныя, старыя пѣсни!..»

16.

За пѣсней — другая... Деревню пришлось
Пройти всю отъ хаты до хаты.
Ходили-бродили и вмѣстѣ, и врозь —
И шуткой, и пѣсней богаты...

17.

До самаго вечера ѣли блины,
До поздняго вечера пили
Желанные гости глухой стороны —
Хранители сказочной были...

18.

Пошли скоморохи дорогой большой,
Добромъ поминая сторонку.
Идутъ скоморохи... А вѣтеръ степной
Кричитъ скоморохамъ въ-догонку:

19.

«Голоднымъ не будешь, веселье, не трусь!
«Пройди-ка, пройдись деревнями!..
«Не даромъ пріѣхала гостья на Русь
«Предъ теплыми вешними днями!

20.

«Всѣхъ матушекъ дочка, всѣхъ братцевъ сестра,
«Всѣхъ бабушекъ внучка честна́я —
«Стоитъ на Руси у любого двора,
«Всѣхъ масляной рѣчью встрѣчая...

21.

«Не даромъ ту гостью *широкой* зовутъ;
«А гдѣ-жъ развернуться и шире,
«Когда не въ народѣ, гдѣ царствуетъ трудъ,
«Не знающій равнаго въ мірѣ?..»

---

* * *

Паркъ—въ весеннихъ изумрудахъ...
Краски сѣверной весны...
Стаи пташекъ бѣлогрудыхъ
Надъ деревьями видны...
Изъ-за дали бирюзовой,
Заалѣвшейся вдали,
Пѣсни старой, вѣчно новой,
Клики первые дошли.
Звонкимъ щебетомъ и свистомъ
Пронизало все вокругъ;
Въ блескѣ полдня золотистомъ
Ожилъ паркъ, весь разомъ—вдругъ...
Вотъ онѣ крылами воздухъ
Бьютъ и рѣжутъ все быстрѣй:
Знать, одна мечта о гнѣздахъ
У крылатой стаи всей!
Вотъ Невы знакомой прóсинь;
Вотъ и кровли, гдѣ ихъ строй
Собрался въ былую осень
На отлетъ къ странѣ иной...
Путь касатокъ былъ опасенъ,
Цѣль у ласточекъ ясна:
Если день возврата красенъ—
Не обманетъ ихъ весна!
Пусть ихъ грохотомъ и паромъ
Встрѣтитъ городъ въ день весны,—
«Къ старымъ кровлямъ! къ гнѣздамъ старымъ!»—
Звонко льется съ вышины...

Русскій богатырь.

Не найти вовѣкъ, даже днемъ—съ огнемъ,
Добра-молодца ни единаго,
Кто бы могъ съ тобой побрататися,
Богатырь былинъ древнекіевскихъ!..

Чѣмъ-же былъ силёнъ Геркулесъ родной,
Чѣмъ прославился онъ несказанно?
Кто отецъ ему, кто родная мать,
Гдѣ родился онъ—неизвѣданный?!.

Онъ могучъ—одной крѣпкой вѣрою,
Славенъ—удалью молодецкою;
Онъ отца не зналъ, мать—сырà-земля,
Воля—родина богатырская...

Какъ стальнымъ мечомъ, онъ собой владѣлъ;
Всѣ загадки онъ могъ отгадывать,
Говорилъ князьямъ правду горькую—
Вмѣстѣ съ гуслями-самогудами...

Однимъ взглядомъ онъ привлекалъ на грудь
Красну-дѣвицу, лебедь бѣлую,
На пирахъ онъ пилъ—за единый духъ,
Однимъ взмахомъ онъ побѣждалъ враговъ...

1893 г.

Старый флейтистъ.

I.

Старъ онъ, живетъ бобылемъ одинокимъ,
Близкихъ успѣлъ—всѣхъ давно схоронить,
Самъ-же руки не протянетъ далёкимъ,
Еслибы не было даже чѣмъ жить...

Пусть пробирается старости холодъ,
Кровь леденя, тихомолкомъ къ нему,—
Былъ онъ когда-то и пылокъ, и молодъ:
Время своё есть на свѣтѣ всему!

Тихъ онъ и кротокъ, какъ малый ребенокъ,
Шуткой на шутку отвѣтить охочъ;
Смѣхъ старика такъ заманчиво-звонокъ;
Онъ—даже выпить, порою, не прочь.

Рюмочку выпьетъ, за нею—другую,
Третью пригубитъ,—тепло старику,—
Всю-то припомнитъ онъ радость былую,
Всю позабудетъ былую тоску!

Въ бальномъ оркестрѣ игралъ онъ исправно,—
Хоть и артистомъ не слылъ никогда,—
Было вѣдь это еще такъ недавно,
Вспомнить недолго—какъ, что и когда...

Старая память, да старая флейта—
Всё, что осталось отъ жизни былой;
Мало-ль найдется отраднаго въ ней-то?
Семьдесятъ лѣтъ—не промчались стрѣлой!

Кротко его озаряетъ дорогу
Поздняго свѣта послѣдняя тѣнь;
Тянется-тянется жизнь понемногу,
Свѣтъ догораетъ, туманится день...

2.

Вотъ онъ—въ укромной, заглохшей аллейкѣ,
Въ паркѣ, въ погожій осенній денёкъ,
Съ флейтой и пледомъ на старой скамейкѣ,
Съ грустной улыбкой сидитъ—одинокъ.

Къ старенькой шляпѣ такъ мило подходитъ
Бархатный этотъ потертый пиджакъ;
Добрыхъ лѣтъ двадцать онъ въ немъ уже ходитъ,
Да и разстаться не могъ-бы никакъ!

Въ паркѣ пустынномъ всегда онъ—какъ дома,
Здѣсь старика не осудитъ никто;
Каждое деревцо близко-знакомо,—
Тотъ-же весь паркъ, только въ жизни не то...

Ахъ, этотъ паркъ! Сколько въ немъ пережито
Грезъ молодыхъ—упоительныхъ думъ;
Сколько блаженства въ тебѣ было скрыто,
Листьевъ зеленыхъ обманчивый шумъ!..

Какъ заиграетъ старикъ нашъ на флейтѣ,
Все передъ нимъ и воскреснетъ опять.
Нутка, флейтисты-артисты, съумѣйте
Вы—такъ игрою другихъ увлекать!

Флейта стара—какъ пиджакъ музыканта,
Но и она за себя постоитъ;

Не занимать горемыкѣ таланта,
Если онъ въ сердцѣ глубоко лежитъ.

Съ нимъ остаётся навѣкъ неразлучной
Счастья далекаго свѣтлая тѣнь...
Пусть-же съ тревогой своею докучной
Жизнь догораетъ—туманится день!..

Вакханалія.

Берегъ отмели отлогій,
Моря пѣнистый приливъ;
Ясный мѣсяцъ круторогій
Кроетъ ликъ Селены строгій
Въ темной зелени оливъ.

Храмъ Деметры — нивъ богини;
Гротъ подъ сѣнью сикоморъ;
Неба звѣздныя пустыни;
Вѣковѣчныя твердыни
Отступившихъ въ сумракъ горъ.

Розы, розы, розы всюду —
Ароматный водопадъ.
И — садовъ аркадскихъ чудо —
Грудой падаетъ на груду
Золотистый виноградъ.

Плескъ волны, свирѣли ропотъ,
Сладкозвучный стонъ киѳаръ,
Элевзинской пляски топотъ;
Затаенной страсти шепотъ
Пробуждаетъ Вакха даръ...

Вотъ онъ сáмъ — плющомъ вѣнчанный,
Вѣчно юный Діонисъ,
Свѣтомъ счастья осіянный,

Шумныхъ пиршествъ гость желанный —
Съ пьедестала смотритъ внизъ.

Вкругъ него, рука съ рукою,
У внезапно стихшихъ водъ,
Ослѣпляя красотою,
Бѣломраморной толпою
Вьется буйный хороводъ.

Разметавъ густыя волны,
Волны темныя волосъ,
Вотъ онѣ, какъ въ бурю челны,
Мчатся—знойной жаждой полны,
Переплетшись вязью лозъ.

«Эвоэ!» — звончѣй, звончѣе;
Гаснутъ факелы у всѣхъ;
Пляска-вихорь все быстрѣе,
Кличъ вакханокъ все смѣлѣе,
Все блаженнѣй фавновъ смѣхъ.

Рвутся къ морю вопли хора;
Но все чаще, здѣсь и тамъ,
Въ знойномъ полымѣ задора
За амфорою амфора,
Пѣнясь, ходитъ по рукамъ.

Прочь покровы! Громче, лиры!
Богъ любви — на помощь всѣмъ!..
Козлоногіе сатиры,
Вакханаліи кумиры,
Обезумѣли совсѣмъ.

Тирсы сломаны; мастика
Чуть горитъ въ тѣни оливъ,
И съ улыбкой Вакхъ-владыка
Внемлетъ зову страсти дикой,
Въ камнѣ статуи оживъ.

А изъ волнъ холодныхъ моря
Пѣсня новая звучитъ:
То, земнымъ восторгамъ вторя,
Гимнъ небесъ поютъ Аврорѣ
Хороводы нереидъ...

„Покайтеся!..“

(Изъ монологовъ жизни.)

I.

Покайтеся, дѣти порока, —
Убійца, грабитель и тать,—
Ты — падшая такъ-же глубоко,
Дѣтей позабывшая мать!..
Покайтеся, братья обмана,
Холопы коварной вражды;
Вы — сердцемъ увядшія рано
Вечернія жертвы нужды!..
Покайтеся, други разврата,
Погрязшіе въ безднѣ страстей,
И ты — подкупающій брата
Соблазна цѣной, фарисей!..
Покайтеся, слуги наживы,
Вы — роскоши праздной рабы —
И всѣ, кто не въ мѣру кичливы
Щедротами властной судьбы!..
Покайтеся, Каины слова,—
Предатель и льстецъ-клеветникъ, —
Завистники счастья людского,
Чей лживъ и продаженъ языкъ!..
Покайтесь, преступныя жены,
Невѣрные кайтесь мужья;
Покайся, поправшій законы,
Неправедный преторъ — судья!..

Покайтеся вы, лицемѣры —
Жестокіе втайнѣ ханжи,
Прикрывшіе святостью вѣры
Весь ужасъ растлѣнья и лжи!..

Покайтеся, черствыя души;
Холодныя кайтесь сердца,
Вы — люди, имѣвшіе уши,
Глухія къ завѣтамъ Творца!..

Покайтесь, питомцы разлада,
Вносящіе рознью своей
Отраву змѣинаго яда
Въ стремленья враговъ и друзей...

Покайтеся!.. Только—не словомъ,
Покайтеся всею душой;
Вѣнцомъ не вѣнчаясь терновымъ,
Распните свой грѣхъ роковой!..

2.

И — обновится міръ. . . . . .
. . . .

Смутное время.

Было у насъ, на Руси, междуцарствіе—Смутное Время,—
Въ первопрестольной Москвѣ врагъ-лиходѣй пировалъ;
Сѣяло въ тёмномъ народѣ крамолы нечистое сѣмя;
Русскихъ мятежныхъ измѣнниковъ, злобѣ продавшихся,
племя...
Но — пробѣжала волна, поднялся съ Нижня-Города
валъ, —
Рѣки увлёкъ на пути, цѣлое море собралъ,
Къ башнямъ Кремля подошелъ, и — упало тяжелое
бремя:
Врагъ пораженъ былъ рукой неподкупною въ темя,
Русскій народъ-богатырь съ сердца тенёта сорвалъ...

* *
*

Снова у насъ, на Руси, воцарилась лихая невзгода,—
Тяжкое, смутное время настало нежданно опять...
Только въ одной-ли Москвѣ, старомъ сердцѣ родного
народа?—
Въ тысячахъ тёмныхъ сердецъ!—вражья безумствуетъ
рать...
Злоба, порокъ и развратъ—всё смѣлѣй, всё смѣлѣй
годъ отъ года,
Сѣютъ крамолу свою и не могутъ другъ-друга узнать,—
Сами себя не поймутъ и не видятъ въ туманѣ исхода...
Сѣмя добра и любви погибаетъ на нивѣ до всхода...
Вѣра и правда! Спѣши лютыхъ враговъ изгонять!..

26 ноября 1893 г.
С.-Петербургъ.

Дочь улицы.

(Изъ пѣсенъ о каменномъ городѣ.)

I.

Въ темномъ платьѣ, покрытая чернымъ платкомъ,
Неразгаданной тайны какой-то полна,
Монотонно на скрипкѣ играла она
На дворѣ, подъ моимъ незакрытымъ окномъ...

Пѣла скрипка избитый веселый мотивъ,
Всѣмъ извѣстный давно и наскучившій всѣмъ;
Но подъ звуки его я забылся совсѣмъ,
Невозвратныя думы свои возвративъ...

Не веселье мнѣ слышалось въ струнахъ живыхъ,
А печаль-сирота, дочь безсонныхъ ночей;
И смотрѣла тоска изъ глубокихъ очей,
И глубокое горе таилося въ нихъ...

Хороша такъ еще, такъ еще молода
Музыкантша была; но огонь юныхъ лѣтъ,
Но завѣтнаго чувства мерцающій слѣдъ
Погасила суровой рукою нужда...

Кто, откуда она—я не зналъ, не хотѣлъ
Даже знать я; но только, но только желалъ,
Чтобы этотъ мотивъ никогда не смолкалъ,—
Почему, объяснить-бы я самъ не съумѣлъ...

Я смотрѣлъ, я слѣдилъ, какъ водила смычкомъ
По струнамъ, выдѣляясь изъ кружевъ рука;
И щемила мнѣ сердце глухая тоска,—
Самъ не знаю о чемъ, самъ не знаю по комъ...

2.

А она... А она—подъ окошкомъ моимъ—
Словно знала, ктó слушалъ такъ жадно ее;
Точно вылить хотѣла все горе свое,
Будто нà-вѣкъ она разставалася съ нимъ...

Были окна закрыты вездѣ и у всѣхъ;
Только слушали скрипку подвалъ, да чердакъ,
И бросала нужда свой послѣднiй пятакъ
За веселую грусть, за рыдающiй смѣхъ...

Съ каждой нотой смѣлѣй, всё смѣлѣе была
Музыкальная рѣчь, вдохновенная рѣчь—
Словно всѣхъ музыкантша хотѣла увлечь
Тѣмъ искусствомъ, которому жизнь отдала...

Незатѣйливымъ, грубымъ нашли-бы его
Скрипачи-виртуозы,—но чтò мнѣ до нихъ,
Если въ нёмъ лишь я музыки силу постигъ,
Если лучше всю жизнь не слыхалъ ничего!..

Пусть невѣждой меня назовутъ изъ невѣждъ,—
Но маэстро великiй, земной полубогъ,
Никогда, никогда разбудить-бы не смогъ
Столько грезъ, столько чувствъ, столько думъ и надеждъ!..

Смолкла скрипка... Простилася съ нашимъ дворомъ
Музыкантша... Затихъ звукъ послѣднихъ шаговъ...
Я стоялъ въ упоеньи, рыдать былъ готовъ,—
Самъ не зная по комъ, самъ не зная о чемъ...

1894 г.

Въ толпѣ.

Я не люблю толпы: безсмысленно-огромной
Мнѣ кажется она въ смятеніи своемъ,—
Тревогою заботъ охваченная днемъ,
Развратомъ пьяная во тьмѣ ночей нескромной...
Я не люблю толпы—за то, что нѣтъ у ней
Ни жажды подвиговъ, ни чувства состраданья;
За то, что ей смѣшны восторги и страданья
Познавшихъ Истину—непонятыхъ людей...

За что-жъ её люблю?.. За то-ли, что она
Своихъ избранниковъ вѣнчаетъ всенародно,
Таинственна какъ сфинксъ, какъ вихрь степей свободна,
И низвергаетъ ихъ — какъ смерть себѣ вѣрна?!.
За что люблю ее?!. За то-ль, что я и самъ
Могу подобно ей жестоко ошибаться?
Что — какъ струя съ волной — могу съ толпой сливаться,
Друзьямъ невѣдомый, невидимый врагамъ?!.

24 мая 1895 г.
С.-Петербургъ.

Старый ямщикъ.

(Съ натуры.)

...Вотъ онъ, вотъ—передъ тобою
У ворóтъ стоитъ, гляди, —
Съ полъаршинной бородою
И съ медалью на груди!
По осанкѣ и по росту —
Николаевскій солдатъ;
А, сказать тебѣ по-прóсту, —
Коренной ямщикъ, нашъ братъ...
«А медаль?» — Особый случай:
Везъ на тройкѣ онъ царя, —
Полюбился складъ могучій
Ямщика-богатыря;
И сѣдокъ необычайный—
За повадку, за коней—
Сáмъ взыскалъ его случайной
Царской милостью своей.
Тоже — всякое бывало!
Приводилось на-вѣку
Повозить людей не мало
Удалому ямщику, —
Помнитъ наша вся округа,
Какъ онъ птицею леталъ,
Всѣхъ — и недруга, и друга —
По дорогѣ обгонялъ...

Эхма! Сбросить лѣтъ десятокъ
Съ девяностолѣтнихъ плечъ, —
Позабылъ-бы про устатокъ,
Не хотѣлъ-бы въ гробъ залечь!
Вихорь-вихремъ, право-слово,
Подхватилъ-бы отъ крыльца,
Разуважилъ-бы любого
Господина и купца, —
Разглядѣлъ-бы ночью темной
Всѣ дороги, всѣ пути
И отъ вьюги неуёмной
Не спросилъ-бы, какъ уйти...
Вотъ-бы тройку вороную,
Ту — съ которой онъ не разъ
Отъ лихихъ на-удалую
Утекалъ въ недобрый часъ!
Пристяжныя — вѣтеръ въ полѣ,
Коренникъ — огонь-угаръ;
Разгуляться дай на волѣ, —
Разожжешь въ снѣгу пожаръ!
Какъ, бывало, первопутокъ
Забѣлѣетъ на току, —
Такъ отъ свадебъ-самокрутокъ
Не отбиться ямщику...
Сколько разъ летали кони,
Словно изъ-лука стрѣла, —
Уносили отъ погони
Тѣхъ, за кѣмъ она была.
Отъ людей уйти легко имъ:
Свистнулъ, гаркнулъ — былъ таковъ
Провожали ихъ конвоемъ
Стаи цѣлыя волковъ.
Ночью темною, глухою
Только пѣсни пой, да правь,—
Рѣки, въ ростопель весною,
Перемахивали вплавь...

Сбросить, скинуть лѣтъ десятокъ, —
Показалъ-бы старина
Безъ увёртокъ, безъ ухватокъ
Всё — чѣмъ жизнь была красна:
Подалъ, съ мѣста взялъ на славу,
Поучилъ-бы выѣздныхъ —
Отвозившимъ на забаву...
Жаль, не стало вороныхъ!..
Въ старой памяти — лихая,
Всѣхъ коней пережила:
Эта тройка удалая
Подъ самимъ царемъ была!
Вспомнитъ — молодъ онъ душою...
Вотъ онъ, вотъ стоитъ, гляди —
Съ полъаршинной бородою
И съ медалью на груди!..

* * *

Разладъ, разладъ съ самимъ-собой;
И негдѣ скрыться отъ разлада!
Онъ — отравляетъ мысль безъ яда
Своей губительной борьбой...

Чтò передъ нимъ молва враговъ,
Друзей зовущая къ злословью!
Его обидъ не смоешь кровью...
Разладъ — рѣка безъ береговъ!..

Что день — разливъ его всё шире,
Что часъ — могущественнѣй власть...
Разладъ — безсилья злая страсть;
И нѣтъ сильнѣй той страсти въ мірѣ...

Ни жизнь, ни честь не дорогà, —
Когда себя возненавидишь,
Когда почувствуешь, увидишь,
Услышишь самъ въ себѣ — врага!..

Въ паркѣ.

Сумерки скоро... Весь паркъ бы дремалъ —
Каждою вѣткой своей,
Еслибы онъ соловью не внималъ,
Еслибъ не пѣлъ соловей...
Липы — въ цвѣту и въ цвѣту звѣробой,
Алый шиповникъ зацвѣлъ;
Льютъ ароматы цвѣты вперебой, —
Днёмъ нѣтъ отбою отъ пчелъ...

Сумерки близко... Въ глубокомъ пруду
Скоро зардѣетъ заря, —
Время на отдыхъ борьбѣ и труду,
Отдыхъ природѣ даря...

Въ лодочкѣ утлой плыву — не плыву,
Шепчетъ мнѣ что-то струя;
Сыплется жемчугомъ съ липы въ траву
Дробная трель соловья...

Пой — не смолкая!.. Давно-бы дремалъ
Паркъ въ полумракѣ вѣтвей, —
Если не пѣлъ-бы, когда-бъ не рыдалъ,
Еслибъ замолкъ соловей...

Чернокнижникъ.

Посвящ. Константину Михайловичу Фофанову.

Я видѣлъ сонъ, что былъ я чернокнижникъ —
Таинственныхъ судебъ таинственный сподвижникъ, —
Что въ книгахъ бытія не находилъ страницъ,
Передъ которыми такъ часто падалъ ницъ
Мой разумъ наяву, и даже — въ дни безсилья,
Фантазія моя, ты опускала крылья!..

Хоть ярче яркихъ звѣздъ блеститъ огонь ума,
Но день и ночь стояла полутьма
Передо мной; и день, и ночь горѣла
Лампада тусклая, роняя свѣтъ несмѣло
На кости череповъ, на груды старыхъ книгъ,
На келью — гдѣ я жилъ, гдѣ мудрость я постигъ!..

И здѣсь—далёкъ отъ всѣхъ волненій жизни знойныхъ,
Не вѣдая страстей больныхъ и безпокойныхъ,
Съ отвагой властною, всегда — лицомъ къ лицу —
Я мыслью подходилъ къ Началу и Концу
Всего незримаго очамъ ума земного,
Во мракъ невѣдѣнья бросая искры слова...

А за окномъ — шумѣлъ дремучій лѣсъ;
Надъ кельей чернокнижника навѣсъ
Склоняли два сѣдыхъ гиганта-кедра,
И — какъ свой блескъ ни разливало щедро
Свѣтило дня, — единый лучъ давно
Не пролеталъ стрѣлой въ мое окно...

«Чтó солнце мнѣ!.. Не любятъ солнца змѣи»
«Но и онѣ слывутъ подъ солнцемъ всѣхъ мудрѣе!..» —
Такъ думалъ я... И мнѣ тотъ дивный свѣтъ,
Какого на землѣ и не было, и нѣтъ,
Сіялъ отъ книгъ, во мракѣ пожелтѣлыхъ, —
Отъ череповъ, во тьмѣ окаменѣлыхъ...

И шли въ дремучій лѣсъ, и шли ко мнѣ, и шли
Безумцы бѣдные мятущейся земли;
Всѣмъ озаряла путь очей моихъ услада —
Подруга мудрости, завѣтная лампада;
И каждый мой отвѣтъ, пророческій отвѣтъ,
Всѣмъ повторялъ, что тайнъ для сильныхъ духомъ — нѣтъ!..

Неслись года, вѣка — гонимые борьбою;
А я — всё жилъ, всё жилъ, гордясь своей судьбою,
Рабомъ своей судьбы... Однажды въ темный лѣсъ,
Къ окну — свидѣтелю разгаданныхъ чудесъ,
Пришли два бѣглеца, неся изъ мѣстъ родимыхъ
Два сердца любящихъ и двѣ души любимыхъ...

Онъ — молодъ былъ; прекрасна такъ она...
И вотъ, съ моихъ очей упала пелена;
И сердце мертвое вдругъ óжило отъ боли,
Проснулось отъ тоски по лучшей, новой долѣ...
Но смѣхъ услышалъ я: «Мудрѣйшій! Никуда
«Съ тобой намъ не уйти изъ кельи никогда!..»

Тотъ смѣхъ—былъ смѣхъ судьбы... И въ первый разъ
безумно
Извѣдать захотѣлъ я воли неразумной;
Я захотѣлъ бѣжать, бѣжать куда-нибудь,
Гдѣ только-бы я могъ свободнѣе вздохнуть...
И былъ я радъ отдать свой даръ проникновенья
За счастье—быть въ толпѣ, за всѣ ея мученья!..

Но я уйти не могъ... И новая толпа
Опять ко мнѣ въ окно стучалася — слѣпа

Невѣдѣньемъ своимъ, сомнѣньями томима;
За этою — прошла еще другая мимо;
И каждый мой отвѣтъ — гирлянда вѣщихъ словъ —
Казался для меня звеномъ моихъ оковъ...

А келья мудрости была моей тюрьмою...
И зналъ я, что вѣка̀ мнѣ жить подъ этой тьмою, —
Что вѣчность цѣлую мнѣ не разстаться съ ней,
Ни разу не видать мнѣ солнечныхъ лучей...
Проклятье мудрости, сковавшей кандалами
Меня съ моей судьбой!..

И дни текли за днями;
Шли годы, шли вѣка; и вдругъ... Проснулся я...
О, пробужденіе!.. О, радость бытія!..
Не чернокнижникъ я, не старецъ многодумный...
Я — тотъ-же сынъ толпы, жизнь любящій безумно,
Страдающій любя... А солнца лучъ давно
Врывается ко мнѣ въ открытое окно!..

---

* * *

Гдѣ ты, кротость моя, добрый геній любви,
Безмятежнаго счастья предвѣстница?
Вспомяни обо мнѣ и меня оживи,
Воротись, воротися, кудесница!
Безъ тебя завладѣлъ сердцемъ старый твой врагъ,
Гнѣвъ — мятежный безумецъ... Не справиться
Съ нимъ ни ночью, ни днемъ и не выгнать никакъ,—
Пьетъ онъ кровь изъ меня, какъ піявица...
Всѣхъ, кого я любилъ, всѣхъ — люблю я кого,
Онъ встрѣчаетъ попрёками ложными,—
Въ наговорахъ своихъ, не щадя ничего,
Именами зоветъ невозможными...
Всѣ живыя мечты замираютъ при немъ,
Радость-гостья бѣжитъ — укрывается;
И одинъ онъ — владыкою въ сердцѣ моемъ,
Надо всѣмъ безъ стыда похваляется...
Дикимъ звѣремъ порой онъ бушуетъ въ крови;
Такъ и слышно: «Натѣшусь, намучаю!..»
Воротись, воротись, добрый геній любви,—
Чуетъ сердце бѣду неминучую!..

22 декабря 1893 г.

Три пожеланья.

I.

Новый годъ наступаетъ, друзья!..
Думы старыя вьются дружнѣй —
Точно птицъ запоздалыхъ семья
Предъ отлётомъ съ отчизны своей...
Цвѣлъ, роскошно цвѣлъ, старый нашъ садъ
На зарѣ, на весенней зарѣ;
Въ сердцѣ пѣсни, какъ струны, звенятъ —
Только вспомню объ этой порѣ...
Чтобы свой не казался чужимъ,
Чтобъ совсѣмъ не завяли мечты,—
Пожелаю друзьямъ дорогимъ
Простоты я, одной простоты!..

2.

Новый годъ, о, враги, наступилъ...
Не дремлите, терзайте вдвойнѣ!
Въ сердцѣ много есть старыхъ могилъ,
Сердцу — новую выройте мнѣ!..
Ополчайтесь грознѣй и грознѣй;
Не таите вы злобу-змѣю:
Больше, больше бросайте камней
Въ грудь и въ самую душу мою!..
Пусть гремитъ и гремитъ надо мной
Гнѣвъ вашъ, вто́ря небеснымъ громамъ...
Пожелаю одной я, одной
Справедливости — честнымъ врагамъ!..

3

Новый годъ... Что-же мнѣ пожелать
Самому въ эти смутные дни?
Въ пожеланіяхъ «счастья» опять
Я увижу лишь фразы одни!..

Если такъ, — пусть бѣда за бѣдой
Входитъ въ жизнь, но — въ открытую дверь!..
Долго бился я съ лютой судьбой.
Чтожъ ещё не поспорить теперь?..

Пусть лишь сердце мнѣ шепчетъ: «живи!», —
Не сломиться мнѣ въ тяжкой борьбѣ...
Пожелаю я старой любви,
Да терпѣнья, терпѣнья — себѣ!..

Падшія и падшіе.

I.

Нѣтъ! Не глядите вы съ презрѣніемъ на нихъ,
На подневольныхъ жертвъ печальнаго паденья, —
Подъ тягостнымъ ярмомъ проклятій вѣковыхъ,
Онѣ глубокаго достойны сожалѣнья...
Пускай толпа клеймитъ запятнанную честь, —
Въ нихъ сердце, сердце есть!..
Позоръ для матерей, изгнанницы семьи,
Лишенныя судьбой надеждъ на долю счастья,—
На жизненномъ пиру онѣ всѣ дни свои
Влачатъ въ сплошной грязи житейскаго ненастья...
О, развѣ имъ легко свой грустный жребій несть,
Когда въ нихъ сердце есть?..
Но, жертвы слабыя могучей нищеты,
Кометы блѣдныя ночей столицы шумной —
Онѣ таятъ въ себѣ любви живой цвѣты,
Измятые рукой безпечности безумной...
Среди борьбы и зла чужда имъ злая месть, —
Въ нихъ сердце, сердце есть!..
Отъ слова теплаго готовыя рыдать,
Погибшія для всѣхъ, несчастныя созданья, —
Онѣ обречены безслѣдно пропадать
Въ толпѣ, не знающей для падшихъ оправданья...
Но всё-ль погибло въ нихъ, — пускай погибла честь, —
Когда въ нихъ сердце есть?!.

II.

Толпы столичной львы — соперники ословъ,
Голодные жрецы буфетовъ ресторана,
Честь — замѣнившіе запасомъ «честныхъ словъ»,
Питомцы шантажа̀, друзья кафе-шантана,—
Состарились они на утрѣ юныхъ лѣтъ;
Въ нихъ — сердца нѣтъ!.
Карманы ихъ всегда, какъ головы, пусты;
Но что̀ имъ до того, къ услугамъ ихъ удача...
Она ворожитъ имъ подъ кровомъ темноты...
Ловить ея моментъ — всей жизни ихъ задача!..
Имъ совѣсть никогда не шепчетъ свой запретъ,—
Въ нихъ — сердца нѣтъ!..
Трусливые рабы озлобленной вражды,
Готовые продать предательски собрата,
Герои,—юныхъ жертвъ довѣрчивой нужды
Влекущіе съ собой на торный путь разврата,
Бросающіе въ грязь любви наивной цвѣтъ, —
Въ нихъ — сердца нѣтъ!.
Не молкнетъ слово «честь» въ безчестномъ ихъ кругу,
Среди толпы юнцовъ со старческой душою, —
Нѣтъ уваженья въ нихъ ни къ другу, ни къ врагу;
Они богаты той духовной нищетою,
Которой всё равно: гдѣ тьма, гдѣ яркій свѣтъ...
Въ нихъ — сердца нѣтъ!..

С.-Петербургъ.
1893—94 гг.

Въ бѣлыя ночи.

I.

Умолкни, шумъ!
Гремитъ, не замолкая;
Волной въ окно врывается ко мнѣ...
А ночь идетъ, красой наядъ сверкая, —
Забыла ночь объ отдыхѣ и снѣ!..
Но гдѣ-же мракъ? Но гдѣ-же тѣни ночи?
Онѣ-ль ползутъ стадами сѣрыхъ змѣй, —
Что шагъ, что мигъ — туманнѣе, короче...
А ночь идетъ, и всё — бѣлѣй, бѣлѣй!..
Она глядитъ; она впилась очами
Въ мои глаза, какъ блѣдная жена,
Смущенная безсонными ночами,
Раскаянья тоской поражена...
Гдѣ-жъ звѣзды? Нѣтъ — лучисто-изумрудныхъ,
Сіяющихъ отрадой и тепломъ
Изъ тьмы ночей мечтательныхъ и чудныхъ,
Будя въ сердцахъ раздумье о быломъ...
А эта ночь подъ бѣлымъ покрываломъ
Скрываетъ быль житейской нашей тьмы
И говоритъ о чемъ-то небываломъ,
И сѣетъ рознь въ смятенные умы...
Не хочетъ спать гигантъ милльонноокій —
Громадный городъ... Шумъ, немолчный шумъ...
О, ночь! о, ночь!.. Открой мнѣ смыслъ глубокій —

Какъ смерть непонятный, какъ счастiе далёкiй —
Разумный смыслъ твоихъ безумныхъ думъ...

II.

Да, не весталка ты, блѣдная лѣтняя ночь,
Въ бѣлый гиматiй одѣтая,
Всѣми различно воспѣтая
Грустнаго сѣвера дочь.
Ты — не весталка, беззвѣздная бѣлая ночь!..

Слишкомъ ужъ много томительной страсти въ тебѣ —
Страсти, любовь сожигающей,
Вихремъ въ сердцахъ пробѣгающей,
Вторя душевной борьбѣ...
Много ужъ слишкомъ чарующей страсти въ тебѣ!..

Грезишь сама ты, иль грёзы таишь для другихъ?
Смутною чарой обвѣяна,
Зёрнами вся ты засѣяна —
Зёрнами грезъ огненныхъ!..
Грезишь сама ты, иль грёзы вселяешь въ другихъ?

Ты не даешь мнѣ забыться, красавица-ночь!
Манишь къ чему-то случайному,
Новому, дивному, тайному,
Сонъ отъ меня гонишь прочь...
Тѣнь — ты! Ты — призракъ ночей роковыхъ... Ты —
не ночь!..

С.-Петербургъ.
1 iюня 189[illegible] г.

Фея сна.

Вся — нѣга, вся — любовь, вся — кроткое смиренье,
Проходитъ по землѣ въ вечерній часъ она —
Несущая борьбѣ дневной успокоенье,
Мечты и грезы мать, Фантаста — фея сна...
Среди своихъ подругъ отмѣчена звѣздою,
Полярною звѣздой горитъ она сама;
Повсюду передъ ней — весеннею водою
Бѣжитъ и ширится бездонной ночи тьма...
И въ черной дымкѣ мглы, подъ бѣлымъ покрываломъ,
Сомкнувъ свои глаза, проноситъ на рукахъ
Она двухъ близнецовъ и словно опахаломъ
Свѣваетъ съ ихъ очей невольный дѣтскій страхъ...
Въ блаженномъ забытьй прижавъ къ себѣ обоихъ,
Идетъ она впередъ — путиною земной;
А маки алые—эмблема сна—давно ихъ
Обвѣяли своей снотворною волной...
Прекрасная своей небесной чистотою,
Она плѣняетъ всѣхъ на сумрачномъ пути;
За каждой гаснущей вечернею зарею
До зорьки утренней ей суждено идти...
Въ тотъ часъ, когда она идетъ на бѣломъ свѣтѣ,
Смолкаетъ хоть на мигъ борьбы зловѣщій стонъ,
И матери-Земли враждующія дѣти
Къ невѣдомой спѣшатъ, спѣшатъ со всѣхъ сторонъ...
И тамъ — гдѣ бьетъ ключомъ, вовѣкъ не изсякая,
Стихіи жизненной безбрежная волна —
Всегда летитъ предъ ней всё та-же вѣсть живая:
«Идетъ!.. Она идетъ — Фантаста, фея сна!..»

---

* * *

Любовь — тогда лишь глубока,
Когда она — созданье вѣры,
Когда ей нѣтъ конца и мѣры,
Когда съ ней жизнь и смерть легка!..

Тогда лишь искренна печаль,
Когда въ душѣ горитъ, какъ пламя,
Когда молчитъ она предъ вами,
Какъ-будто ей совсѣмъ не жаль...

Не вѣрь любви, когда она
Диктуетъ разуму законы;
Не вѣрь печали, если стоны
Она заводитъ, какъ струна,
Когда она — собой полна —
Повсюду ищетъ обороны!..

1894 г.

Золотое сердце.

(Изъ пѣсенъ о погибающихъ.)

Посвящ. Владим. Порфир. Быстренину.

...Сердце-то вѣдь, сердце было — золотое!
Имъ она страдала, имъ — любила вдвое...
Не взыскалъ Господь-бы горькою напастью, —
Съ эдакимъ-то сердцемъ — путь-дорога къ счастью,—
Къ счастью, о которомъ первыя мечты
Въ мірѣ зацвѣтаютъ, что въ саду — цвѣты!..

Золотое сердце! Не рукамъ желѣзнымъ
Мудровать-бы въ жизни надъ тобой—болѣзнымъ!..
Да какъ-разъ попало ты въ такія руки,—
На безвольи вволю натерпѣлось муки...
Не разбилось сердце, — всё его, до-тла,
Доля горевая въ годъ одинъ сожгла...

И любилъ, любилъ вѣдь онъ тебя, пожалуй, —
Былъ женѣ мужъ вѣрный, былъ и добрый малый.
Да вотъ подвернись-же людямъ незадача:
Въ томъ-то недохватка, въ этомъ — недостача:
Отъ любви до горя и рукой подать,
Если доля станетъ мачиха — не мать!..

Богъ благословилъ васъ, зажили сначала
Вы ладкóмъ, — не даромъ васъ любовь вѣнчала...
Только вдругъ — костлявой, злобною рукою
Бѣдность постучалась въ двери къ вамъ съ тоскою...
Ссоры, да раздоры—съ ней къ вамъ на порогъ;
Что ни день — обида, что ни часъ — попрёкъ !..

Если не задастся, и не жди добра ты:
Выживутъ невзгоды миръ-любовь изъ хаты!
Чѣмъ ни дальше — больше, что ни больше — хуже:
Друга потеряла ты въ любимомъ мужѣ...
А отъ словъ онъ скоро къ дѣлу перешелъ, —
Правду молвить—сталъ онъ на-руку тяжелъ!..

Чуть бѣда стрясется,— виноватъ въ ней кто-же,
Какъ не та, что въ мірѣ всѣхъ милѣй-дороже?!.
Много ты терпѣла, да любила — вдвое...
Сердце-то вѣдь, сердце было золотое!..
Стоитъ-ли, возможно-ль и о томъ жалѣть,
Что не размѣнялось золото на мѣдь?!.

Неразмѣнно сердце у бѣдняжки было, —
Тратилась-мѣнялась на безсилье сила!
Красота съ ней вмѣстѣ вяла-пропадала,—
Извелась въ конецъ ты съ самаго начала...
А любовь не гасла, — въ гробъ съ тобой легла,
Словно въ небѣ солнце красное свѣтла!..

Синій ледъ, Невою, съ Ладоги холодной
Шелъ въ тотъ день, когда ты сдѣлалась свободной—
Отъ тяжелой доли, отъ руки желѣзной...
«На кого-жъ остался ты-то, мой болѣзный!» —
Кинулась ты къ мужу, точно къ сыну мать, —
Крѣпко не хотѣлось на-вѣкъ покидать!..

Кончилась... Зарыли, тамъ — гдѣ голи много
Схоронилось въ землю милостію Бога...
Залилъ мужъ дешовкой горе дорогое...
«Экое вѣдь сердце было золотое!..» —
Онъ рыдалъ, послѣдній свой пропивъ пятакъ...
Пьяными слезами сталъ богатъ бѣднякъ!..

Изъ „Пѣсенъ труда“.

За безплоднымъ трудомъ проведенныя ночи!
Чѣмъ вы краше, чѣмъ лучше безумныхъ ночей?
Вы — безумнѣе оргій разгульныхъ страстей!
Съ вами — жизнь тяжелѣе, больнѣй и короче!..

Изнуряющій душу и тѣло собой —
Трудъ постылый для чувства, какъ лишнее бремя!
Наполняя тобой невозвратное время,
Мы терзаемъ себя роковою борьбой...

Никому ты не до́рогъ, какъ плевелы въ полѣ;
Никому ты не нуженъ, какъ на́ морѣ дождь;
Ты—смѣшонъ, какъ войсками покинутый вождь,
Но ты гро́зенъ, какъ стѣны темницы — для воли...

Ко всему равнодушенъ, какъ старый палачъ,
Ты — казнишь силы жизни упорствомъ жестокимъ,
Ты — смѣёшься въ глаза горюнамъ одинокимъ,
На весёломъ пиру—ты заводишь свой плачъ...

Какъ змѣя подползая къ своимъ обреченнымъ,
Ты собой отравляешь и сердце, и умъ;
Какъ развратъ—гасишь проблески творческихъ думъ...
Даже солнце не свѣтитъ тобой удрученнымъ!..

И не видятъ съ тобой ни разсвѣтныхъ лучей,
Ни зари возрожденья усталыя очи...
Вы — не лучше, вы — хуже безумныхъ ночей,
За безплоднымъ трудомъ проведенныя ночи!..

5 октября 1894 г.
С.-Петербургъ.

Пробужденье весны.

Посвящ. И. А. Бѣлоусову.

I.

Вѣетъ воздухомъ влажнымъ и свѣжимъ,
Даль прозрачна, глубь неба ясна...
Не пойти-ли пройтись мнѣ по межамъ, —
Не проснулась-ли въ полѣ весна?!.

Дай, взгляну я... Иду я полями, —
А съ полей ужъ сбѣжали снѣга, —
Десятины шумятъ ручейками,
Что твои заливные луга...

Снѣгъ бѣлѣется легкимъ налётомъ
По ложбинамъ... А солнце горитъ
И трепещетъ надъ каждымъ болотомъ,
И безъ счета лучами даритъ...

Озимя́ подымаются щеткой
На припёкѣ, по чернымъ буграмъ;
Солнце нѣжитъ ихъ ласкою кроткой, —
Имъ не страшенъ морозъ по утрамъ!..

Чу, высо́ко-высо́ко надъ ними
Заиграла, свирѣлью-свирѣль,
И съ лучами слилась золотыми
Пѣвчей пташки весенняя трель...

Любы, пó-сердцу мнѣ эти трели...
Боже мой, а какъ даль-то ясна!
Въ самомъ дѣлѣ весна, въ самомъ дѣлѣ, —
Ходитъ съ пѣсней полями весна!..

2.

Не пойти, не пройтись-ли мнѣ лѣсомъ?..
Вотъ онъ — лѣсъ, вóтъ онъ — сумрачный боръ!
Въ немъ зимы чародѣйнымъ кудесамъ,
Неравнó, и въ апрѣлѣ просторъ...

Нѣтъ, онъ сбросилъ плащи снѣговые
Съ дуба, съ вяза, съ сосны и съ березъ;
Нѣтъ, и въ немъ ужъ лучи огневые
Довели вѣдьму-зиму до слёзъ!..

Почернѣла лихая со злобы,
Залегла возлѣ мшистыхъ корней, —
Слёзно всплакались — плачутъ сугробы,
Слёзъ у каждаго — цѣлый ручей!..

Видно, въ теплые дни половодья
Даже здѣсь растеряла зима
Всѣ свои родовыя угодья
И въ трущобѣ укрылась сама...

На опушкѣ, гдѣ грудами свалень
Мелкій хворостъ, валежникъ сухой, —
Показалась трава изъ проталинъ,
Ужъ зацвѣлъ и подснѣжникъ лѣсной:

Развернулъ лепестки, разцвѣтая, —
Шепчетъ — «Вѣсть о веснѣ я несу!..»
Здравствуй, здравствуй, весна золотая!
Ты—давно пробудилась въ лѣсу!..

Пѣсня шута.

(На мотивъ Андерсена.)

1.

И по струна́мъ ударилъ онъ,
И прокатился арфы звонъ —
Пѣвучій звонъ...

Первая громомъ гремѣла струна,
Ангельскихъ звуковъ вторая полна;

А третья пламенемъ сверкала,
Въ четвертой — кровь лилась съ кинжала...
И пѣлъ онъ — «За мной!..»
«Нѣтъ, не пойду я съ тобой!» —
Молвила дѣва...

2.

Предъ нимъ лежалъ широкій путь...
А слышалъ пѣсню кто-нибудь—
Хоть гдѣ нибудь?!.

Дѣти сбѣгались съ прибрежья всего,
Дѣти плясали подъ пѣсню его;

А мотыльки съ луговъ зеленыхъ
За нимъ вели стрекозъ влюбленныхъ...
И пѣлъ онъ — «Впередъ!..»
«Нѣтъ, онъ — пѣвецъ, да не тотъ!» —
Дѣва шептала...

3.

Онъ вновь ударилъ по струнамъ
И удивился даже самъ —
И даже самъ...

Стаями птицы слетались къ нему,
Пѣніемъ вторя пѣвцу своему;

Лѣсные звѣри выбѣгали,
Рѣчныя рыбки выплывали—
Навстрѣчу пѣвцу...
«Съ нимъ не идти мнѣ къ вѣнцу!» —
Дѣва смѣялась...

4.

И арфу въ третій разъ взялъ онъ, —
И лѣсъ, и лугъ — ему поклонъ,
Земной поклонъ...

Камни, деревья и даже холмы
Крикнули разомъ: — «Запляшемъ и мы!»

И даже васъ, небесъ свѣтила,
Игра пѣвца заворожила,—
Солнце и звѣзды съ луной!..
«Все-жъ не пойду я съ тобой!..» —
Плакала дѣва...

„Задумалась!..“

Она — задумалась...
О чемъ ея мечты?
Что̀ это на неё за думы налетѣли?!.
Вчера, еще вчера, въ душѣ у ней алѣли
И зори первыя, и первые цвѣты...
Она не знала думъ, она — безъ нихъ цвѣла;
Ея весна была полна благоуханій —
Весна безпечныхъ грёзъ и дѣвственныхъ желаній,
И не было яснѣй прекраснаго чела...
Моложе всѣхъ подругъ она казалась намъ,—
Какъ лилія — чиста, наивна — какъ ребенокъ;
И былъ такъ искрененъ, такъ дѣтски милъ и звонокъ
И голосъ дѣвушки, и смѣхъ повременамъ...
Она любила садъ, богатый тѣнью садъ,
И часто въ лѣтній зной — отдавши дань веселью —
Сбѣгала легкою, проворною газелью
Туда, гдѣ опьянялъ жасминный ароматъ...
Нарвавъ себѣ букетъ, она въ глуши аллей
Бросалась на траву, сомкнувъ на мигъ рѣсницы;
И звонкимъ щебетомъ вели съ ней рѣчи птицы,
И листья шелестомъ бесѣдовали съ ней...

Дитя... О, нѣтъ, она—была ужъ не дитя!
И взоромъ жгучихъ глазъ, и стройною фигурой,
И пышною своей косою бѣлокурой
Она могла съ ума свести, и не шутя!..

«О, я — не увлекусь! Хоть будь самъ Аполлонъ!» —
Смѣялася она порой надъ нашимъ братомъ: —
«За тридевять земель и въ царствѣ тридесятомъ
«Царевичъ мой живетъ; онъ—сердце взялъ въ полонъ!..»
Смѣялась и цвѣла — цвѣтами красоты...
Но вотъ, надъ книгою склонилась — не читая...
И думы къ ней летятъ; и всё растетъ ихъ стая...
Задумалась...
О чемъ, о *комъ* ея мечты?!.

Обыкновенная исторія.

(Quasi una fantasia.)

I.

«Мнѣ вѣрить?.. Ничему не вѣрю, ничему!
И вѣрить не хочу, когда — тебѣ внимая —
Я самъ, въ твоихъ глазахъ предательскихъ читая,
Разгадку нахожу обману твоему!..

«Да? Ты удивлена?!. Понять не можешь ты,
О чемъ веду я рѣчь... —Какой обманъ?! Мой милый,—
Ты шепчешь, — я тебя люблю со всею силой...
Лишь объ одномъ тебѣ — всѣ думы, всѣ мечты!..

«Довольно! Перестать давно пора, давно-бы..
Не нужно мнѣ любви — *такой* любви — совсѣмъ...
Нѣтъ! Оправдать себя не можешь ты ничѣмъ...
А я... Во мнѣ — любовь сгорѣла вся отъ злобы!..

«Ни слова! Замолчи... О, Боже мой! За что-жъ?
О, Господи, за что?!. Впилась въ меня очами
И шепчетъ—«Ты неправъ!..» А за ея плечами
Смѣется надо мной ея подруга — Ложь!..

«То призракъ, или тѣнь, — никакъ я не пойму..
Двойникъ, *ея* двойникъ!.. Но только отчего-же,
Зачѣмъ-же этотъ смѣхъ? Проклятый смѣхъ! О, Боже!..
Довольно! Прочь, змѣя!.. Не вѣрю — ничему...»

2.

«Ушла... Она ушла... Ея послѣдній взглядъ —
Наивный, дѣтскій взглядъ!.. И — болѣе ни слова,
Какъ только: «Ты неправъ!..» И нѣтъ ея... И снова
Не будетъ здѣсь она... Да, не придетъ назадъ!..

«Пускай-же не придетъ! Тѣмъ лучше — чѣмъ скорѣе
Порвать всю эту сѣть запутанныхъ тенётъ...
Ложь — что ни день — растетъ, невидимо растетъ;
Молчанье — что ни часъ — сносить всё тяжелѣе!..

«Но снова я одинъ... На привязи орелъ
Сидѣлъ въ глухой тюрьмѣ; и вотъ, орелъ—на волѣ!..
Но почему вся грудь сжимается отъ боли?
Ужели съ волей я *свободы* не нашелъ?!.

Тоска, одна тоска... Она — мнѣ сердце гложетъ...
Мнѣ отъ *такой* тоски, я знаю, не уйти!..
Кто это шепчетъ мнѣ: «Прости! Прости!.. Прости...»
Простить? Но ей мое прощенье не поможетъ!..

«Могу-ли я прощать, когда я самъ не правъ?
«Могла-ль она мнѣ лгать — любившая такъ много?
Могла-ли лгать она?!.. А я судилъ такъ строго,
Не выслушавъ совсѣмъ, совсѣмъ не разобравъ!..

«Но призракъ роковой, но тѣнь... Но эта Ложь,
Стоявшая за ней, пронзая душу взглядомъ...
Но смѣхъ, беззвучный смѣхъ—съ его змѣинымъ ядомъ...
Пускай, пусть ложь была! Что было — не вернешь!..

«Не всё-ли мнѣ равно, когда тоска моя
Не меньше оттого?!. Туда, за ней, за нею —
Простить, забыть, — молить прощенія скорѣе...
О, будь ты проклятъ, гнѣвъ! Безумецъ жалкій я!..»

3.

...И онъ — пошелъ за ней...
Она — вернулась съ нимъ...
Онъ больше не видалъ, какъ за ея плечами
Стоялъ ея двойникъ — надъ горькими рѣчами
Смѣяся хохотомъ отравленнымъ своимъ...

Довѣрчивѣй его — на свѣтѣ нѣтъ людей...
А надъ довѣріемъ счастливаго незнанья,
Считая каждый звукъ холоднаго лобзанья,
Хохочетъ Ложь еще обиднѣе и злѣй!..

С.-Петербургъ.
14 апрѣля 1895 г.

---

* * *

Быть можетъ, это — ночь меня околдовала,
А мóжетъ быть, я—къ ней призвалъ всѣ чары грёзъ...
Ночь — полная лучей — стоитъ безъ покрывала,
Сверкая звѣздами надъ купами берёзъ...

Послѣдней зеленью, послѣдней красотою
Гордяся передъ ней, прохладой вѣетъ садъ. —
Какъ-будто думою какой-то роковою,
Какъ-будто нѣгою невѣдомой объятъ...

Заря вечерняя померкла... Синей дымкой
Окутало кругомъ деревья и кусты;
И мнилось: въ глубь аллей слетались невидимкой
Угаснувшаго дня негасшія мечты...

И мнилось: шелъ я къ нимъ—какъ путникъ запоздалый
На дальній огонёкъ... И въ тотъ-же самый мигъ
Казалось мнѣ, что я мечтой своей усталой
Въ ихъ смыслъ загадочный таинственно проникъ...

Вокругъ меня вились и рѣяли всѣ краски,
Всѣ звуки сумракомъ испуганнаго дня;
А я — переживалъ мгновенья дивной сказки,
И обнимала ночь крылами грёзъ меня...

---

* * *

Лазурноокая!..

Опять она пришла;

Она — опять меня ласкаетъ властнымъ взглядомъ...
И снова я иду безмолвствующимъ садомъ —
Къ ней, на свиданье съ ней... А ночь — какъ день
свѣтла!..

Отъ диска мѣсяца лучи на землю пали,—
Бѣгутъ передо мной и сыплятся лучи;
А сердце шепчетъ мнѣ: «Ищи её, ищи!
«Она пришла къ тебѣ изъ недоступной дали!..»

О, какъ она близка! Не вижу я её,
Но — чувствую вблизи; но слышу я дыханье...
Шаги, ея шаги... Кудрей благоуханье...
Съ ней — сердце чуткое блаженствуетъ моё!..

Она — ему опять напомнитъ всѣ обѣты;
Она — пошлетъ къ нему забытую печаль,
Заставивъ пожалѣть о томъ, чего не жаль,
Въ нёмъ воскресивъ любви закаты и разсвѣты...

Но кто-же, кто она—незримая для глазъ,
Ласкавшая меня влюбленными очами?!.
Таинственная тѣнь! Осенними ночами
Она — всегда со мной, въ одинъ и тотъ-же часъ!..

* * *

Въ тишинѣ ночей глубокихъ,
Въ полусвѣтѣ-полумглѣ,
Сердце внемлетъ хору звуковъ
На задумчивой землѣ.

Слухъ его во мракѣ — тоньше;
Ночью — взоръ его острѣй...
Какъ предъ нимъ тогда безсильны
Разумъ-гидра, мудрость-змѣй!..

Недомолвленныя рѣчи,
Думъ невысказанныхъ рой,
Впечатлѣній блѣдныхъ тѣни —
Вьются яркою толпой...

Тишина ночей глубокихъ
Въ сердце льетъ лучи сквозь тьму;
Тайны дня — загадки жизни
Открываются ему...

---

* * *

Мнѣ снилось... Подобными снами
Я въ жизни, друзья, не богатъ!..
Мнѣ снилось, что понятъ я вами —
Вашъ спутникъ, товарищъ и братъ...

Мнѣ снилось, что юности фея —
Тоски заглушая молву —
Вошла, въ сердце ласкою вѣя—
Какой не знавать наяву!..

Мнѣ снилось, что дѣти печали —
Мои вдохновенные сны —
На ласку ея отвѣчали
Восторженной пѣсней весны...

Мнѣ снилось, что—въ чемъ я отвѣта
Искалъ безъ надеждъ на отвѣтъ, —
Зардѣлось зарёю разсвѣта,
И — тайнъ для меня больше нѣтъ...

Мнѣ снилось, что ложь роковая
Ушла отъ меня далекó,
Что было — любовью страдая —
Дышать мнѣ легко, такъ легко!..

Мнѣ снилось... Но жизнь оттолкнула
Меня отъ несбыточныхъ сновъ...
О, ночь! Ты-ль меня обманула?
Себя-ль обмануть я готовъ?!.

Вѣчные всадники.

(Баллада.)

Посвящ. Конст. Аѳан. Максимову.

1.

Въ пространствѣ временъ безконечныхъ,
Летящихъ впередъ и впередъ,
Одна вѣковѣчная смѣна
Свершается изъ году въ годъ...

2.

Одной заповѣдною ночью,
Въ завѣтный полуночный часъ,
Два всадника ѣдутъ дорогой —
Въ концѣ и въ началѣ за-разъ...

3.

Два всадника — Черный и Бѣлый:
Старикъ изнуренный, сѣдой
И юноша бодрый и сильный —
Съ отвагой въ груди молодой...

4.

Одинъ — на заѣзженой клячѣ
Торопится скрыться во тьмѣ;
Другой — на конѣ богатырскомъ,
Лишь свѣтъ у него на умѣ...

5.

Не слышно, не видно погони
За дряхлымъ больнымъ бѣглецомъ, —
Но бьется тревогою сердце
Подъ чернымъ дырявымъ плащомъ:

6.

Боится старикъ оглянуться, —
«Скорѣй-бы, скорѣе съ земли!..»
А Бѣлый—ужъ тамъ показался,
Въ сіяющей свѣтомъ дали...

7

Горятъ соколиныя очи;
Отвага и сила въ груди;
Отваги и силы такъ много,
Такъ много надеждъ впереди!

8.

И бодро, и весело ѣдетъ
На борзомъ конѣ богатырь;
И манитъ его, и чаруетъ
Земли неоглядная ширь...

9.

«Эхъ, не съ кѣмъ помѣряться силой!..»
Постой, удалецъ молодой!..
Вѣдь годъ, только годъ, покататься
Тебѣ по дорожкѣ земной!..

10.

А тамъ — въ заповѣдную полночь —
Безсильнымъ сѣдымъ старикомъ
Ты также, какъ Черный, поѣдешь
На клячѣ усталой верхомъ...

11.

И также ты будешь томиться:
«Скорѣе, скорѣй-бы съ земли!..»
И новый покажется юный
Ѣздокъ въ озаренной дали...

12.

Не вѣдая устали, время
Летитъ — все впередъ, да впередъ;
И лѣтъ вѣковѣчная смѣна
Свершается изъ году въ годъ!..

Изъ дорожныхъ впечатлѣній.

(*Е. А. М—ой.*)

I.

Обвѣяло вѣтра дыханьемъ,
И влагой пахнуло лѣсной,
И солнца горячимъ лобзаньемъ
Дохнýлъ мнѣ въ лицо лѣтній зной.
И, словно предъ битвою воинъ,
Я чуялъ запасъ свѣжихъ силъ;
Но былъ я душою спокоенъ
За всё — что̀ глубо̀ко любилъ.
Свободною грудью дышалось;
Такъ на̀ сердцѣ было легко,
Какъ-будто всё горе осталось
Навѣкъ далеко̀-далеко̀...

II.

Ели, зелёныя ели
Словно въ глаза мнѣ глядѣли;
Сосны тянулись сучками—
Словно живыми руками...

Въ зелени темнаго бора
Рѣчки сквозили, озёра,
Нивы — привольныя нивы,
Волнъ золотыхъ переливы...

Точно бѣжали за нами
Сёла, деревни рядами;
Чуть не цѣпляясь за кручи,
Висли свинцовыя тучи...

Къ тучамъ гналъ, къ виснущимъ тучамъ,
Поѣздъ дыханьемъ могучимъ
Клубы горячаго дыма...
Мимо, всё мчалося мимо!..

III.

...И всё исчезало, мелькая предъ взоромъ,
Теряясь въ безбрежной дали;
Неяснымъ, какъ думы, туманнымъ узоромъ
Картины росли и росли...

И всё исчезало безслѣдно куда-то;
И всё представлялося мнѣ
Такимъ позабытымъ, какъ-будто когда-то
Я всё это видѣлъ во снѣ...

И всё исчезало... Но — взоромъ блуждая
По каждой картинѣ родной —
Я видѣлъ всё время тебя, дорогая, —
Какъ-будто была ты со мной!..

16 іюня 1895 г.
Бологое—Тверь—Москва.

Картины Поволжья.

Посвящ. Константину Константиновичу Случевскому.

I.

Съ Нижегородскаго Вѣнца.

Здѣсь Волга и Ока—видны съ горы зеленой;
За Волгою—луга; на золотѣ песковъ
Сверкаютъ серебромъ у грани отдалённой
Прогалины озёръ и ленты ручейковъ...

Нижегородскій Кремль!.. Такъ вотъ гдѣ ты окрѣпла,
Русь русская, въ тѣ дни, когда—не въ силахъ встать
Изъ-подъ ярма невзгодъ, изъ-подъ крамолы пепла —
Готовилась Москва тебя врагу предать...

Съ благоговѣніемъ смотрю на эти стѣны—
На башни круглыя, поросшія травой,
На площадь тѣсную, откуда въ дни измѣны
Пронёсся благовѣстъ къ народу вѣчевой...

Здѣсь — каждый быть желалъ на Минина похожимъ;
Здѣсь—первый *гражданинъ* на Русь явился въ нёмъ...
Отсюда раздалось: «Дѣтей и женъ заложимъ!
«Умремъ за родину! Отчизну-мать спасемъ!..»

II.

Внизъ по Волгѣ.

Какая ширь, какая даль!..
Не потому-ль, не оттого-ли
Такъ жадно проситъ сердце воли,
И такъ томитъ его печаль?!.

Такъ вотъ и кинулся-бы птицей
Туда — за дальній кругозоръ,
Гдѣ въ безднахъ неба тонетъ взоръ —
Надъ Волгой, русскихъ рѣкъ царицей...

Нѣтъ! Это чувство — не печаль:
Съ нимъ повстрѣчался я впервые...
Привѣтъ — тебѣ, родная даль!
Тебѣ — могучая стихія!..

III.

Рыбалки.

Бѣлыя, бѣлыя — съ сѣрыми крыльями...
Къ тёмнымъ волнамъ припадая,
Носится — точно по мертвомъ рыдая —
Эта крикливая стая,
Воду порой задѣвая широкими крыльями...

* * *

Чайки-рыбалки кружа̀тся надъ во̀дами,
Плачутъ надъ самой кормою,
Словно не зная покою, —
Словно хотятъ состязаться гоньбою
Съ этими быстро бѣгущими во̀дами!..

* * *

Ужъ не къ дождю-ль онѣ такъ раскричалися?
Вверхъ не съ грозой-ли гремучей
Мчится низо̀вый?.. Съ пролётною тучей
Встрѣтились мы надъ стихіей могучей...
Знать, къ непогодѣ рыбалки—къ дождю раскричалися...

IV.

Подъ дождемъ.

Въѣзжаемъ въ полосу дождя,
Иль дождь на насъ идетъ стѣною?..
Глубокій стрежень бороздя,
Летитъ, — какъ чайка надъ волною, —
По неоглядной шири водъ
Нашъ быстролётный пароходъ...

* *
*

Стѣнѣ дождя наперерѣзъ
Плывёмъ по волѣ капитана...
Всё — мимо: отмель, горы, лѣсъ,
Плотовъ флотилія, бѣляна —
Рулёмъ ведомая однимъ...
А дождь густѣетъ, дымомъ-дымъ!..

* *
*

Крѣпчаетъ вѣтеръ... Бѣлякй
На сѣрыхъ гребняхъ волнъ взыграли
Надъ зыбью темною рѣки;
Зигзаги молній, въ дальней дали
Разрѣзавъ небо пополамъ,
Послали громъ навстрѣчу намъ...

* *
*

Гроза... Ударъ... Заслыша громъ,
Ущелья горъ отвѣтить рады
И разнести въ лѣса кругомъ
Могучій откликъ канонады...
Но отъ грозовыхъ тучъ уйдётъ
Нашъ быстролётный пароходъ...

V.

Волна-русалка.

Кипятъ и вздымаются воды,
Вздымаются волны горами;
И бьются онѣ за кормою,
И пѣнятся вровень съ бортами...

Куда ни посмотришь — повсюду,
Какъ вырвавшись будто изъ плѣна,
Надъ тёмной отверстой пучиной
Курчавится бѣлая пѣна...

И думаешь: это — всплываетъ
Русалка надъ бурной рѣкою —
И бѣлою грудью колышетъ,
И бѣлою машетъ рукою...

И слышишь приманчивый голосъ:
«Ты жаждешь любви и свободы?
«Приди, о, приди-же, въ объятья!
«Бросайся въ глубокія воды!..»

VI.

Золотой мостъ.

День миновалъ... Ночь съ высотъ опрокинула
Звѣздное небо въ рѣкѣ, —
Съ берега нà-берегъ ночь перекинула
Мостъ золотой вдалекѣ...

Тёплая ночь, тишиною объятая;
Съ берега слышится трель —
Трель соловья, звонкой дробью богатая;
Вò-ржахъ скрипитъ коростель...

Млѣетъ, сверкаетъ, сливаясь съ быстрѝною,
Цѣпь огнецвѣтныхъ лучей...
Не налюбуешься чудной картиною
Дивныхъ поволжскихъ ночей!..

Мѣсяцъ — строитель моста золотистаго —
Смотритъ съ улыбкой туда,
Гдѣ полòсою изъ сумрака мглистаго
Вырвалась, искрясь, вода...

Ѣдемъ-плывемъ... А предъ нами, какъ зàново,
Мостъ перекинутъ, — гляди, —
Сколько ни ѣхать, до утра румянаго
Будетъ онъ всё впереди!..

VII.

Утро въ Жегуляхъ.

Туманомъ горы задымили,
Вершины выплыли вдали:
Мѣста родной народу были,
Гнѣздо свободы — Жегули!..

Въ стыдливомъ полымѣ разсвѣта,
Изъ-за зеленыхъ гребней горъ,
На Волгу — первый лучъ привѣта —
Заря бросаетъ ясный взоръ...

Навстрѣчу зорькѣ-зоряницѣ
Съ холмовъ взлетаютъ беркута;
Заря — въ пурпурной багряницѣ,
Туманомъ стелется фата...

Она идетъ на Волгу лѣсомъ,
Идетъ грядою Жегулей
По зеленѣющимъ навѣсамъ;
Что шагъ пути, то день — свѣтлѣй!..

Спустилась къ отмели, и — воды
Порозовѣли въ тотъ-же мигъ...
Будя лѣсовъ дремучихъ своды,
Раздался птицъ веселый кликъ...

VIII.

Гигантскія чаши.

Котловины между горъ — что чаши,
Зелены́мъ-виномъ налитыя съ краями...
Гдѣ мѣста привольнѣе и краше?
Чтò красой сравнится съ Жегулями?!.

Высокò взобрàлись на шиханы
Тёмныхъ сосенъ траурныя гривы;
Низко-низко нà берегъ песчаный
Плещутъ волнъ, пѣвучихъ волнъ, приливы...

По буграмъ — разрòсся лѣсъ дремучій;
По-надъ лѣсомъ — гребни, да утесы...
Каждый разъ—надъ ними встрѣтясь съ тучей,
Вѣтеръ ей объ нихъ расчешетъ косы:

Словно хмѣльный, ходитъ Жегулями...
А онѣ — всё выше, да всё краше...
Ходитъ вѣтеръ валкими шагами, —
Ходитъ онъ отъ чаши къ новой чашѣ,
Зеленымъ-виномъ наполненной съ краями...

IX.

Прежде и теперь.

Прежде—лѣса эти страхъ наводили!..
Всё измѣнилъ нашъ измѣнчивый вѣкъ:
Нынче,—не вѣря схороненной были, —
Самъ устрашаетъ лѣса человѣкъ!..

Прежде на Волгу изъ нихъ выбѣгала
Вольницы волжской лихая семья;
Нынче — отъ Волги дорога-змѣя
Въ нихъ проползла отъ конца до начала...

Вотъ она — вьётся, чернѣя, — просѣка,
Вдоль-поперёкъ зеленѣющихъ горъ...
Много дубовъ положилъ здѣсь топоръ...
Лѣсъ-богатырь! Берегись человѣка!..

X.

Передъ Стенькинымъ бугромъ.

Бѣляны, барки и расшивы...
Чуть слышенъ мягкій плескъ волны...
О, какъ здѣсь памятны, какъ живы
Сѣдыя были старины!..

Ихъ тѣни къ намъ спѣшатъ гурьбою
Изъ тёмныхъ займищей лѣсныхъ;
Ихъ тѣни манятъ за собою
На высь бугровъ сторожевыхъ...

Плывемъ... Плыветъ «Княжна Татьяна»,
Какъ бѣлый лебедь, по рѣкѣ,—
Гдѣ прежде Стеньки-атамана
Ладьи всплывали налегкѣ..

Не здѣсь-ли Волгѣ даръ безцѣнный
Степанъ принёсъ, не пожалѣвъ
Красы княжны-услады плѣнной,
Смѣнявъ любовь на властный гнѣвъ?..

То не о нёмъ-ли вспоминая,
Орлы другіе съ высей горъ
Снялись, слетѣлись — стаей-стая —
На Стеньки Разина бугоръ?!.

XI.

Бой великановъ.

Камни, въ воду брошенные камни, —
Словно съ горъ оторванныя скалы...
Встарину, въ дни пращуровъ забытыхъ
Здѣсь не бой-ли шелъ у великановъ?..

Можетъ быть, сошлись они надъ Волгой,
Затряслись подъ ихъ стопою горы;
Можетъ быть, они отъ горъ руками
Отрывали острые утёсы...

Можетъ быть, пращой они метали
Камни—скалы цѣлыя—братъ въ брата;
Бились день, другой и третій бились
За своё владычество надъ степью...

Можетъ статься, Волга и сложила
Старый сказъ про битву великановъ, —
И шумитъ она, поётъ и шепчетъ,
Да понять ее никто не сможетъ!..

Чья взяла, — вѣка покрыли тайной;
Гдѣ бойцы, — запамятовалъ берегъ;
Былъ-ли бой, — не молвятъ слова людямъ
Камни, въ воду брошенные камни...

XII.

Столбичи.

Цѣлый городъ — надъ рѣкою:
Стѣнъ зубчатые вѣнцы,
Башенъ грозныя твердыни,
Колокольни и дворцы...

Луннымъ свѣтомъ залитъ берегъ,
Всё безмолвствуетъ кругомъ, —
Только Волга катитъ волны,
Отливая серебромъ...

Чудо-городъ... Городъ-призракъ...
Тѣнь временъ пережитыхъ...
Онъ повисъ надъ самымъ яромъ—
Полонъ думъ о дняхъ былыхъ...

Ближе, ближе... По затону
Проплываетъ пароходъ...
Что за диво! Предо мною—
Тотъ-же городъ, да не тотъ!..

Нѣтъ ни башенъ надъ водою,
Нѣтъ ни каменныхъ палатъ;
Только сѣрыхъ скалъ громады
Въ Волгу съ берега глядятъ, —

Другъ на дружку наступаютъ;
Льетъ луна на нихъ лучи...
Чу, матросъ матросу крикнулъ:
«Проѣзжаемъ *Столбичи*!..»

XIII.

Степь.

Перекинулись горы налѣво,
Справа — въ даль переваломъ ушли;
Чернозёмная степь разметнулась,
Степь кругомъ — и вблизи, и вдали...

Ковылѝ забѣлѣли султаны,
Словно волны на морѣ травы...
Одинокіе стражи-курганы!
Чьи-то кости хороните вы?!.
Черной прòрѣзью балки-овраги
Охватили широкій просторъ;
Птицъ пролётныя тянутъ ватаги,—
Точно пò-небу вышитъ узоръ...

Но и степь—всё лѣвѣй, да лѣвѣе;
Стали берегомъ стлаться пески...
Степь! Куда-же ты, степь, побѣжала
Отъ кормилицы Волги-рѣки?!.

XIV.

Въ царствѣ хлѣба.

Здѣсь хлѣбъ царитъ, здѣсь — царство хлѣба!..
Отсюда — изстари вѣковъ
Слышнѣй всего идетъ до неба
Мольба голодныхъ бѣдняковъ.

«Даждь хлѣбъ насущный!» — стонетъ-стономъ
Молитва сѣрыхъ деревень,
Подъ этимъ знойнымъ небосклономъ
Встрѣчая каждый Божій день.

Сверкаетъ золотомъ пшеницы
Просторъ-приволье тучныхъ нивъ;
Богачъ сберетъ её, какъ птицы, —
Трудомъ землѣ не возвративъ.

А кто вспахалъ-засѣялъ поле,
Кто терпитъ лѣтнюю страду, —
Тому — въ его смиренной долѣ —
Судьба одну даритъ нужду.

Онъ жизнь влачитъ, по волѣ неба,
Рабомъ свободнымъ «кулака»...
Здѣсь, вслѣдъ за нимъ, сама̀ рѣка
Волнами стонетъ: «Хлѣба! Хлѣба!..»

XV.

Письмена горъ.

Какъ-будто славянскою вязью
Расписаны бѣлыя горы...
Но только — прочесть не берусь я
Письменъ непонятныхъ узоры...

Вѣками начертанный свитокъ
Раскрытъ откровенной природой;
Его лѣтописцами были—
Дождь-ливень съ грозой-непогодой...

Снѣга́ имъ писать помогали,
Сбѣгая на Волгу,—къ Егорью
Съ весеннею полой водою, —
Ручьями, вразбродъ, по угорью...

Былая-ль отмѣчена слава,—
Одно-ли безславье былое?
Записано-ль кладовъ заволжскихъ
Заклятье, для нихъ роковое?!.

Иль, можетъ быть, это — страница
Той-самой затерянной книги,
Въ которой разгадана тайна, —
Ка́къ сбросить всѣмъ людямъ вериги?!.

XVI.

На пристани.

Подъ кровомъ таинственной ночи
Мы слушали мо̀лча волну;
Казались мгновеній короче
Часы, призывавшіе къ сну...
    Окутана дымною тьмою,
    Сама̀ — воплощенная мгла,
    Неслышною, лёгкой стопою
    Крылатая полночь сошла...
Огнями очей не сверкая,
Беззвѣздная — шла безъ лучей,
Забвенья покой проливая
На грёзы безсонныхъ ночей...
    Привѣтомъ царицу покоя
    И берегъ встрѣчалъ, и вода;
    И даже — на якорѣ сто́я —
    Имъ въ ладъ откликались суда...
Скрипѣли на мачтахъ канаты,
И волнъ многозвучныхъ струи
Слагали въ живыя кантаты
Пѣвучія думы свои...
    Подобнаго чудо-оркестра
    Не слышать въ концертахъ другихъ!
    Здѣсь — правилъ имъ вѣтеръ-маэстро,
    Дыша изъ-за горъ мѣловыхъ...

XVII.

Подъ Астраханью.

Пески, пески... Съ величіемъ спокойнымъ—
Песками съ двухъ сторонъ окаймлена,
Дорогой дальнею давно утомлена —
Идетъ рѣка подъ взглядомъ солнца знойнымъ...
По островамъ — рыбацкія артели;
Калмыцкихъ юртъ круги — по берегамъ...
О морѣ близкомъ вѣсть давая намъ,
Морскія птицы о̀-бокъ полетѣли!..

Всё неоглянѣе рѣки глубокой ширь,
Всё дальше берега капризнаго извивы...
Минуя воложки, затоны и заливы, —
Плывемъ... Навстрѣчу намъ—ламайскій монастырь:
Колонны; башенки надъ кровлей по угламъ...
Здѣсь жарко молятся отцу смиренныхъ—Буддѣ
Ученія его не знающіе люди, —
Убогой вѣры сѣнь, слѣпцовъ духовныхъ храмъ!..

Отсюда — звонъ литавръ смѣняя похоронный,
По Волгѣ стелется молитвъ призывный кликъ;
И внемлетъ степь ему,—гдѣ жизнь влачитъ калмыкъ,
На вымираніе судьбою обреченный...
День, только день еще, и — броситъ безъ изъятья
Всю диво-красоту красавица-рѣка —
Какъ море синее любовью широка —
Сѣдому Каспію въ могучія объятья...

Волга, пароходъ „Княжна Татьяна".
1895 г., іюнь—іюль.

Памяти Н. Ѳ. Щербины.

(1869—1894 гг.)

1.

Онъ — не́ былъ рабомъ рокового безсилья —
Могучій потомокъ Антея;
У сердца его — соколиныя крылья,
А въ пѣсняхъ — огонь Прометея...
Вставалъ передъ міромъ въ мелодіяхъ знойныхъ
Искатель Конца и Начала;
И въ помыслахъ смѣлыхъ, и въ образахъ стройныхъ
Бездонная вѣчность зіяла...
Въ немъ буйную волю желаній безумныхъ,
Какъ волны — рука Посейдона,
Смирялъ отголосокъ бесѣдъ многодумныхъ
Великаго старца — Платона ..
Въ порывѣ мятежномъ, властительно-страстномъ
Душа его къ небу летѣла, —
Съ умѣлъ сочетать онъ въ единомъ Прекрасномъ
Гармонію духа и тѣла...
Провидѣлъ онъ всё прозорливостью ока,
И тайныя силы Природы
Вѣнчали поэта, жреца и пророка
Любви, Красоты и Свободы...

2.

Подъ сѣвернымъ небомъ, въ лучахъ пѣснопѣнья —
Аттически-стройнаго лада —

Красавица южная, жертва забвенья,
Воскресла изъ праха — Эллада...
И Дія-властителя обликъ премудрый,
И мать наслажденій — Киприда,
И дѣва-Селена, и Фебъ златокудрый,
И мрачный владыка аида...
Всё встало, по волѣ его, на чужбинѣ,
Облекшись въ звучащія краски,—
Лезбійскія пѣсни безсмертной богинѣ,
Милетскія ожили сказки...
Но въ гимнахъ пѣвца красоты необъятной,
Весь міръ покоряющей власти,
Мерцало сіянье зари незакатной,
Дышали могучія страсти...
Не властны, не властны надгробныя плиты
Надъ сердцемъ потомка Антея, —
Сіяетъ могила пѣвца Афродиты
Священнымъ огнемъ Прометея!..

1894 г.

Слѣпецъ.

(На мотивъ Виктора Гомулицкаго.)

«Ахъ, царство, царство, цѣлый свѣтъ
«Готовъ отдать я за сюжетъ!»—
Художникъ юный восклицалъ...
Слѣпецъ, онъ даже не видалъ,
Что каждый камень передъ нимъ
Вставалъ свидѣтелемъ живымъ
Людскихъ невыплаканныхъ слезъ,
Людскихъ невысказанныхъ грёзъ,
Комедій жизненныхъ и драмъ—
Блаженства съ горемъ пополамъ...

* * *

Былъ темной ночи поздній часъ;
Мерцалъ повсюду тусклый газъ,
И городъ сонъ свой позабылъ
И шума жизни полонъ былъ:
Терзался, плакалъ, хохоталъ,
Сжигалъ другихъ и самъ сгоралъ ..
И въ этомъ медленномъ огнѣ—
И наяву, какъ въ смутномъ снѣ—
Сливалась музыка цѣпей
Съ живыми пѣснями страстей...

* * *

Здѣсь—разсыпался женскій смѣхъ,
Весельемъ вѣящій на всѣхъ;

Тамъ надрывался горькій плачъ,
Того—кому вся жизнь палачъ;
Здѣсь рѣчь влюбленная текла,
Полна весенняго тепла;
Тутъ холодъ старости сѣдой
Теплѣлъ предъ жизнью молодой...
А тамъ—богатымъ быть бѣднякъ
Въ шинкѣ учился у бродягъ...

* *
*

Забылъ весь городъ ночь и сонъ,
И—въ жизнь, какъ въ бездну, погруженъ—
Клеймилъ добро, вѣнчалъ порокъ
И глазъ на мигъ сомкнуть не могъ...
А, въ ослѣпленіи своемъ,
Въ мансардѣ жалкой, подъ окномъ
Его художникъ проклиналъ
И, какъ безумецъ, восклицалъ:
«Да, въ немъ и жизни даже нѣтъ!
«Я жизнь бы отдалъ за сюжетъ!..»

---

* * *

Глубокое море,—
Лазурно-спокойно безбрежное море души,
Когда она дремлетъ въ блаженной тиши,
Когда отъ нея далеко и тревога, и горе...

Спокойное море, —
Обманетъ оно безмятежной своей синевой,
Предъ бурею дремлетъ оно иногда, предъ грозой;
Въ немъ чувства клокочутъ въ немолкнущемъ спорѣ!..

Безбрежное море,—
Окутано море души въ златоцвѣтный туманъ,
Вливаясь волнами въ шумливый страстей океанъ—
Въ безвѣстной дали, на далёкомъ просторѣ...

Бурливое море,—
Оно корабли нашей жизни бросаетъ на выступы скалъ;
И бьетъ ихъ, и топитъ въ пучинѣ бушующій валъ,
Какъ-будто съ разладомъ слѣпымъ въ заговорѣ...

Гдѣ счастье, гдѣ горе?
Гдѣ поясъ затишья, и гдѣ полоса вѣчныхъ бурь?!.
Не скажетъ твоя опѣнённая тайной лазурь,
Бездонное море души, необъятное море!..

Лѣсъ въ половодье.

Всё озёра, озёра, озера —
Подъ намётомъ дремучаго бора;
Впереди, по бокамъ, позади,—
Нѣтъ конца имъ, куда ни гляди!..

Подошла, невзначай подступила
Полыхъ водъ неоглядная сила,—
Набѣжала изъ талыхъ снѣговъ
Съ обогрѣтыхъ весною бугровъ...

Кедры старые дремлятъ рядами
Надъ пришедшими въ-гости водами,—
Словно думаютъ думу они
Про тяжелые зимніе дни...

Хмурыхъ сосенъ столѣтнихъ вершины
Посѣдѣли отъ давней кручины, —
Имъ напомнила гостья-вода,
Что у нихъ за плечами — годà...

Стройныхъ ёлокъ стоятъ вереницы,
Какъ весной на селѣ молодицы, —
Любо имъ любоваться собой
Въ тихоструйной водѣ снѣговой!..

Не одной, не одной-то весною
Вѣетъ, — вѣетъ родной стариною,
Старой былью родимыхъ былинъ
Боръ — сѣдой богатырь-исполинъ...

Такъ и думаешь: выйдетъ косматый
Русскихъ сказокъ герой бородатый,
Самъ хозяинъ лѣсной — Лѣсовикъ,
Матерой, коренастый старикъ...

Выйдетъ, точно изъ вражьяго плѣна,
Вровень съ лѣсомъ, въ водѣ по колѣна,—
Да какъ гаркнетъ за ближней сосной:
«Просыпайся, народецъ лѣсной!..»

И на окрикъ его, хороводомъ
Поплывутъ по синѣющимъ водамъ,
Покидая свой зимній притонъ,
Всѣ русалки — въ зелёный затонъ;

И раздастся на всѣ-то озёра,
Въ тишинѣ заповѣднаго бора,
Безо всякихъ нежданныхъ помѣхъ —
Переливный русалочій смѣхъ...

* * *

Стремись всей душою, — познáешь пути мірозданья;
Иди неуклонно, — достигнешь загаданной цѣли!
Пусть — бурей несутся вослѣдъ за тобою страданья,
Пускай — всё кругомъ заметаютъ сомнѣній мятели, —
Желай и желай: нѣтъ предѣловъ земного желанья...
Немногіе только—желать безгранично умѣли!..

19 января 1895 г.
С.-Петербургъ.

„Данія — моя родина“.

(Переводъ изъ Андерсена.)

1.

В цвѣтущей Даніи, гдѣ свѣтъ увидѣлъ я,
Беретъ мой міръ своё начало;
На датскомъ языкѣ мать пѣсни мнѣ пѣвала,
Шептала сказки мнѣ родимая моя...
Люблю тебя, родныхъ морей волна,
Люблю я васъ, старинные курганы,
Цвѣты садовъ, родныхъ лѣсовъ поляны...
Люблю тебя, отцовъ моихъ страна!..

2.

Гдѣ ткётъ весна узорные ковры
Пестрѣй, чѣмъ здѣсь — богаче и душистѣй?
Гдѣ свѣтитъ мѣсяцъ ярче и лучистѣй,
Гдѣ темный букъ разбилъ пышнѣй свои шатры?..
Люблю я васъ, лѣса, холмы, луга;
Люблю святое знамя «Данеброга»,—
Съ нимъ видѣлъ Богъ побѣдной славы много!
Люблю я Даніи цвѣтущей берега!..

3.

Царицей сѣвера, достойною вѣнца,
Была ты — гордая своею долей скромной;
Но всё-же и теперь на цѣлый міръ огромный
Звенитъ родная пѣснь, и слышенъ звукъ рѣзца...

Люблю я васъ, зелёныя поля,—
Васъ пашетъ плугъ, мѣста забытыхъ браней!
Богъ воскреситъ всю быль воспоминаній,
Всю быль твою, родимая земля!..

4.

Страна, гдѣ выросъ я, гдѣ чувствую роднымъ
И каждый холмъ, и каждый нивы колосъ,
Гдѣ въ шумѣ волнъ мнѣ внятенъ милый голосъ,
Гдѣ вѣетъ жизнь плѣнительнымъ былымъ...
Вы, береговъ скалистые края,
Гдѣ слышны взмахи крыльевъ лебединыхъ;
Вы, острова, очагъ былинъ старинныхъ;
О, Данія! О, родина моя!..

Сфинксъ.

I.

Опалённая солнцемъ страна пирамидъ,
Мудрецовъ-фараоновъ могила —
Современный Египетъ—безмолвно хранитъ
Всѣ преданія стараго Нила...

А въ былые вѣка — за туманомъ временъ
Въ немъ и камни для дѣвъ чернокудрыхъ
Изрекали среди раболѣпныхъ племенъ
Словеса прорицаній премудрыхъ.

Тамъ, на грани пустынной сыпучихъ песковъ,
Взоръ вперяя въ безбрежныя дали,
Сопричастные сонму безсмертныхъ боговъ —
Полногрудые сфинксы лежали;

И, являя собой «человѣко-звѣрей»,
Не имѣя ни храмовъ, ни скиній,
Заставляли—молиться рабовъ и царей
Красотѣ обаятельныхъ линій..

Оставаясь загадкой небесъ на землѣ,
Тайнъ и таинствъ безвѣстные боги
Съ непонятною думой на властномъ челѣ
Возлежали — таинственно-строги...

2.

За вѣками прошли вереницы вѣковъ,—
Сфинксы мертвыми камнями стали;
И песками засыпаны храмы боговъ,
И разбиты мудрѣйшихъ скрижали.

Чародѣйную силу волшебныхъ чудесъ
Побѣдилъ торжествующій Разумъ, —
Нѣтъ незримаго больше подъ сводомъ небесъ,
Тайны міра отгаданы разомъ!

Кубокъ знаній осушенъ до самаго дна,
Свѣточъ мысли во тьмѣ даже свѣтитъ, —
Но осталась подъ солнцемъ загадка одна:
На нее самъ Эдипъ не отвѣтитъ!

Какъ ее разгадать?!. Если день передъ ней
Непроглядной становится ночью,
Если въ этомъ капризномъ созданьи людей
И безсилье является мочью...

Если міръ, цѣлый міръ, не склониться не могъ
Передъ нею — властительно-страстной...
Если — женщина этотъ загадочный богъ,
Этотъ сфинксъ непонятно-прекрасный!..

* *
*

Путь къ звѣздамъ далёкъ, безконечно-далёкъ...
Но въ мірѣ—есть звѣзды иныя:
Горятъ не на небѣ онѣ, а въ груди;
Тѣ звѣзды—сердца огневыя...

Такъ близки онѣ человѣку всегда,
Но дальше сердецъ мірозданья —
Но глубже мерцающей бездны свѣтилъ —
Тѣ звѣзды земного скитанья...

Мудрецъ-звѣздочётъ путь находитъ съ земли
Къ небеснымъ таинственнымъ сферамъ;
Отъ сердца до сердца путей не найдёшь,
Хоть въ путь выходи Агасѳеромъ!..

Но муки страстей? Но восторги любви?
А тихой отрады мгновенья?..
Гармонія чувствъ и стремленій святыхъ—
Ужель – не пути единенья?!

О, нѣтъ! И въ сліяньи, какъ смерть—роковомъ,
Сердца́ далеки безконечно...
О, нѣтъ!.. Эти звѣзды—для всѣхъ мудрецовъ
Загадкой останутся вѣчно!..

21 іюля 1895 г.

* * *

О, еслибы только не ложь!
О, только-бы, только обмана
Не видѣть въ той безднѣ тумана,
Гдѣ къ свѣту изъ мрака бредёшь!..

Куда ты свой путь ни держи—
Какъ вѣтромъ, гонимый тревогой—
Настигнетъ окольной дорогой
Тебя навожденіе лжи!..

Глумяся надъ правдой святой,
Ложь скажется истины другомъ
И въ сердце вольется недугомъ—
Поддѣльной горда красотой...

И съ нею безвольно пойдешь,
Другіе пути забывая...
Проклятье тебѣ, роковая,
Туманомъ повитая ложь!..

* * *

Вѣчность, —

Смотритъ мнѣ Вѣчность изъ сумрака ночи,
Смотритъ оттуда въ пытливыя очи,
Гдѣ не всходило вовѣки зари...
Внятенъ мнѣ голосъ: «Рожденный! Умри,
«Если захочешь познать безконечность!..»

* * *

Жизни, —

Жизни значенье понять я не въ силахъ,
Если конецъ ей въ безмолвныхъ могилахъ...
Нѣтъ ей границы! Мы—въ жизни земной
Страстно свершаемъ свой путь роковой
Къ вѣчной отчизнѣ, къ безстрастной отчизнѣ!..

* * *

Смерти, —

Нѣтъ ея даже во мглѣ мірозданья:
Ей не подвластны Любовь и Страданья...
Тамъ—гдѣ съ закатомъ сошелся разсвѣтъ,—
Смертные слышатъ безсмертья привѣтъ:
«Въ вѣчность, мгновеньемъ рожденные, вѣрьте!..»

С.-Петербургъ, 1895 г.

Замѣченная опечатка.

На стран. 99, 10-я строка сверху, напечатано:

Пѣвучія **струны** курая

Слѣдуетъ:

Пѣвучія **трели** курая

Содержаніе.

1.

Черныя розы.

(Изъ одного дневника.)

II.

Бывальщины.

III.

Отголоски.

Аполлонъ Коринфскій.

НА РАННЕЙ ЗОРЬКѢ.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей,

съ рисунками *Н. Н. Каразина, Н. А. Богданова, Н. Н. Ольшанскаго* и другихъ художниковъ.

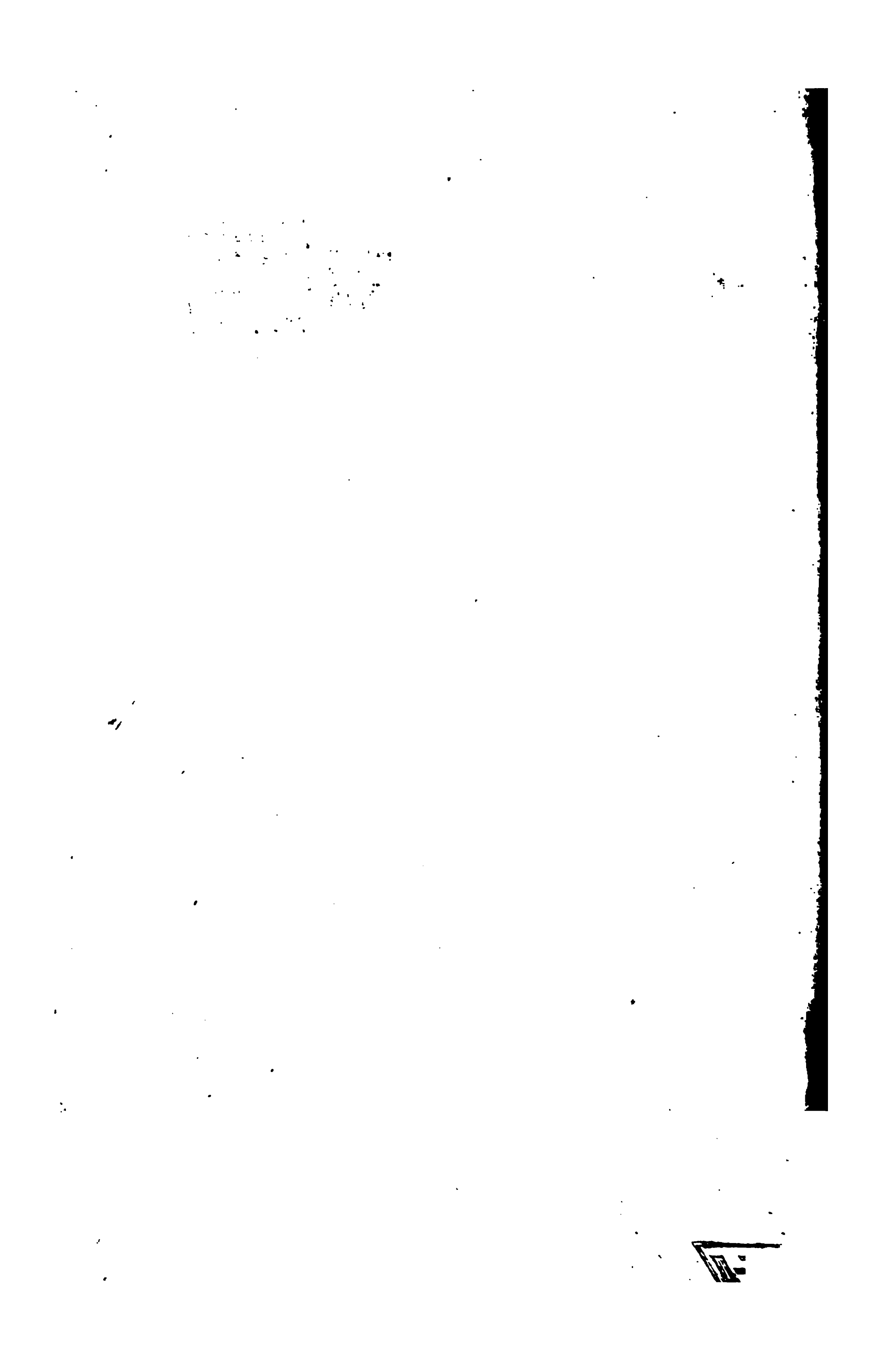
I. Малюткамъ.

II. Природа и жизнь.

Изданіе книгопродавца **М. В. Клюкина**. С.-Петербургъ, 1896 г.

Цѣна 50 коп., въ папкѣ **65** коп.

Складъ изданія: Москва, Моховая ул., домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ М. В. Клюкина.

	DATE DUE		

